

4М
В-78

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНО-
МОЛДАВСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ**

КАРТЯ
МОЛОДОВЕНЯСКЭ
1967

АКАДЕМИЯ НАУК МССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНО-
МОЛДАВСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

II

КИШИНЕВ * 1967

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*С. Г. БЕРЕЖАН, М. А. ГАБИНСКИЙ,
Н. М. ПЕЧЕК, Р. Я. УДЛЕР.*

Во втором томе сборника «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения» продолжается разработка темы, которой был посвящен первый том, вышедший под тем же названием в Кишиневе в 1961 г. Настоящий том включает лингвистические исследования, представленные в качестве докладов и сообщений на Региональном совещании по молдавско-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным связям (Кишинев, 14—16 апреля 1964 г.). Часть статей посвящена наиболее общим закономерностям взаимодействия языков, а также путем проявления этих закономерностей в ходе более чем тысячелетних восточнороманско-славянских контактов. Особое внимание уделяется специфике межъязыковых связей на территории нашей страны в современную эпоху. Сборник содержит также ряд исследований по конкретным вопросам молдавско-восточнославянского взаимодействия в области фонетики и фонологии, лексики, диалектологии и тодонимии контактирующих языков. Параллельно затрагиваются вопросы отношений этих языков с тюркскими, с языками балканского языкового союза и другими.

Сборник рассчитан на широкий круг филологов — научных работников, аспирантов, студентов, учителей и всех интересующихся проблемами межъязыкового взаимодействия.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И ВОПРОСЫ МОЛДАВСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

И. К. БЕЛОДЕД, Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ, М. И. ИСАЕВ,
Н. Г. КОРЛЭТЯНУ

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР

1

Тесная связь развития языка с историей его носителей отмечалась еще на заре науки о языке. Различные лингвистические школы по-разному толковали эту проблему. Тут были и преувеличения, и преуменьшения, но никому еще не удалось аргументированно доказать тезис об отсутствии подобной связи.

В рамках окрепшего в XIX веке сравнительно-исторического языкознания выдвинулось особое направление, которое своей задачей ставило освещение истории народов по данным языка. Основателю этого направления Я. Гrimmu принадлежит тезис: «Наш язык есть также наша история». Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс не только одобряли подобный тезис, но сами нередко прибегали к данным языкознания для подкрепления своих исторических положений.

Многие из лучших представителей отечественного языкознания всегда рассматривали язык в тесной связи с историей народа, что помогло им раскрыть немало страниц из пройденного пути развития как того, так и другого. Об одном из них, замечательном русском ученом академике А. А. Шахматове, хорошо сказал академик С. П. Обнорский: «Шахматов на всем протяжении своей деятельности был историком русского языка, будучи всегда по общим своим устремлениям историком народа... И как лингвист, и как литературовед А. А. Шахматов всегда вместе с тем был историком русского народа»¹.

¹ «Известия АН СССР», отделение литературы и языка, т. V, вып. 2, 1946, стр. 77 и 78.

Изучение взаимосвязи развития языка и развития народа имеет два аспекта, которые призваны ответить соответственно на два вопроса:

- а) что может дать история языка для истории народа;
- б) что может дать история народа для истории языка.

В данном случае нас интересует второй вопрос, на который хорошо ответил известный советский языковед-историк Б. И. Абайев: «...поскольку язык есть общественное явление, между историей народа и развитием его языка существует связь. Но эта связь простым глазом видима лишь на фактах лексики и семантики. В области фонетики, морфологии, синтаксиса эта связь оказывается сложной, отдаленной и опосредованной. Общий характер этой связи может быть определен следующим образом: интенсивность народной жизни стимулирует темпы развития языка. Но направление этого развития зависит не от каких-то конкретных событий или процессов в жизни народа, а от тех внутренних тенденций и закономерностей, которые выработались в языке в результате всей его многовековой исторической жизни². Под «интенсивностью народной жизни» понимаются «как внутренние сдвиги хозяйственного, социального и политического порядка, так и интенсивность общения и взаимодействия данного народа с другими народами».

В науке принято искать те или иные процессы языкового развития либо во «внутренних закономерностях» и тенденциях самого языка, либо во внешнем воздействии на него.

Взаимообогащение, как одна из разновидностей взаимодействия языков, относится к внешним, так называемым «экстравелингвистическим» явлениям языкового развития, и его следует рассматривать в тесной связи с историей самих народов. Это значит, что процессы благотворного влияния языков народов СССР друг на друга необходимо изучать на широком фоне историко-культурного развития многочисленных советских социалистических наций и национальностей.

Общеизвестны огромные успехи, которых достигли народы нашей страны за годы советской власти в своем экономическом, политическом и культурном развитии. Притом характерно, что по пути социального прогресса наиболее отсталые народы шли более быстрыми темпами, опираясь на всестороннюю братскую помошь более развитых советских наций. Например, такие народы, как казахи, туркмены, киргизы, народности Дагестана и Крайнего Севера и некоторые другие совершили гигантский скачок от феодального и родового строя к социалистическому, минуя целую социально-экономическую формацию. Если Великая Ок-

² В. И. Абайев, История языка и история народа. Сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952.

тябрьская революция застала народы нашей страны на различных ступенях общественного развития (от патриархально-родового строя до развитых капиталистических отношений), то ныне все они дружной семьей вступили в эпоху развернутого строительства коммунистического общества.

Для темпов всестороннего прогресса советских народов характерны процессы выравнивания степени развития. В то же время особенностью направления этого прогресса является интернационализация всех сторон жизни народов.

Уже на глазах нынешнего поколения многонациональный советский народ, имеющий общую территорию и экономическую жизнь, общие черты психического склада, проявляющегося в общности единой по содержанию социалистической культуры, сплачивается в единое монолитное целое. Разумеется сохраняются известные особенности психического склада, национальных традиций, особенности быта, различия в национальных формах культуры, в языке. Однако наряду с национальными формами развиваются и общие формы социалистической и коммунистической культуры. Складывается также общность языка у всех наций СССР, поскольку все советские социалистические нации наряду со своими национальными языками все шире пользуются русским языком как всеобщим средством межнационального (а передко и внутринационального) общения и культурного развития. «Такой устойчивой исторической общности, такого «народа» — пишет член-корреспондент АН СССР М. Д. Каммари, — состоящего из множества социалистических наций и в то же время единого по своему социальному, духовному, моральному облику еще не знала история человечества. Это ...уже не «нация», а новая историческая общность (экономическая, политическая, культурная и даже языковая), более высокая и широкая по типу чем народ и нация. Русский язык, являющийся национальным для русских и общим межнациональным языком для всех народов СССР, объединяющим их в процессе экономического, политического и культурного сотрудничества и общения, создает новую языковую общность, более широкую, чем общность национального языка, существующую к тому же наряду с национальной языковой, территориальной, экономической и культурной общностью, охватывающую все эти общности многих наций. Это можно рассматривать уже как предвосхищение некоторых путей и форм слияния наций в едином коммунистическом человечестве»³.

Помимо указанных основных черт, признаки стирания граней между нациями и народами можно видеть во многих частных

³ М. Д. Каммари. Строительство коммунизма и дальнейшее сближение наций в СССР. «Вопросы философии», № 9, 1961, стр. 35 и 36.

явлениях нашей действительности. Возьмем такой вопрос, как изменение национального состава союзных республик.

Анализ статистических данных показывает, что увеличение населения всех советских республик сопровождается ростом многонациональности, то есть интернационализацией состава их населения.

Народы из вековой замкнутости вышли на просторы широкого общения и взаимопроникновения.

Вот некоторые факты по Узбекистану. Если на территории современной Узбекской ССР в 1926 году зарегистрированы представители 91 национальности, то по переписи 1959 года эта цифра поднялась до 113. По переписи 1959 года в составе населения Узбекской ССР зарегистрированы представители таких национальностей, как удмурты, алтайцы, агулы, лакцы, табасараны, таты, шорцы, гагаузы, тувинцы, хакасы и другие, которых не было в республике в 1926 г. В то же время численность узбеков в РСФСР увеличилась за этот же период свыше тридцати одного раза⁴.

Подобные процессы характерны и для остальных республик и областей, а в Казахстане, Алтае, Сибири и некоторых других районах они протекают еще более бурно.

Новые законы общественного развития определяют и условия, в которых функционируют и развиваются национальные языки. Основным фактором, вытекающим из самой природы социалистического общества, является полное равноправие всех языков, на почве которого и происходят процессы благотворного влияния языков друг на друга.

2.

Взаимообогащение — процесс двусторонний, то есть это такой вид взаимодействия языков, при котором обогащаются все контактирующие языки. При этом объем вклада одного языка в другой (или другие) может быть неодинаковым. Языки с наибольшим общественным значением, более развитыми литературными традициями и разнообразной терминологией обычно вносят больший вклад в развитие других языков, чем получают от них сами.

В этом отношении типичным примером могут служить многие старописьменные языки союзных республик, взаимодействующие с местными младописьменными и бесписьменными языками, о чем пойдет речь далее.

⁴ К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философ. наук). М., 1963, стр. 31.

Другая особенность процесса взаимодействия заключается в его исторической определенности. Это значит, что характер взаимодействия каких-либо двух (или нескольких) данных языков может со временем претерпевать некоторые изменения. В зависимости от конкретных исторических условий сила воздействия одного языка на развитие другого часто резко меняется.

Многочисленны в истории случаи, когда по той или иной экспатиалистической причине за сравнительно короткий промежуток времени роль какого-нибудь языка в обогащении других необычайно возросла. Вспомним хотя бы Средневековый Восток, возвеличение арабов, распространение Ислама, которые привели к исключительно сильному воздействию арабского языка на десятки других.

Известно, что арабские заимствования в таких языках, как турецкий или персидский составляют не менее половины всей лексики этих языков. С позднейшим падением роли арабов резко сокращается и приток заимствований из их языка.

В разные эпохи по-разному проходили процессы взаимодействия и у языков народов нашей страны.

Общеизвестно, например, что в нашу эпоху из русского языка и через него гораздо большее количество слов попадает в другие национальные языки, чем из них в русский. Однако в прошлом в разные периоды своего развития (да и в настоящее время) и сам русский язык впитал в себя немало слов из других языков.

Так, в русский язык вошли десятки украинских слов, такие как: *вареники, бублики, черевички, хутор, хата-лаборатория, пятисотница, девчата, девчина, хлопец, парубок, косовица* и многие другие. Украинскому обязан русский язык наличием образований типа *Одесщина, Полтавщина* и другие. В русском бытует также немало пословиц и поговорок, например: *Вкусные вареники у нас, да готовили, пане, не про вас; Без музыки, без дуды идут ноги не туды* и др.⁵

Несомненен факт усвоения русским языком из восточнороманских (молдавского и румынского) языков отдельных названий предметов, связанных с материальной культурой и в особенности со скотоводством. Приведем примеры: *брэнза*, областное слово *кошара* (овечий загон), *муругий* (рыже-буровой или буро-черной масти, о животных), *папуша* (пачка, связка сухих листьев, напр. табака), отсюда *папушка, папушный* (табак), *цигейка* (стриженый и обычно крашеный мех козы; куртка из такого меха), отсюда производные *цигейский* (о породе тонкорунных овец), *цигейковый*.

⁵ См. И. К. Белодед. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. Киев, 1962, стр. 30.

Кроме того, для передачи молдавских реалий в произведениях различных писателей употребляется определенное количество молдавских слов и названий. Так, у Пушкина находим слова: *арнаут, гальбин, каруца, кукон, пандур*; названия: *Молдавия, молдавский, кишиневский, Бендеры, Бессарабия, Скуляны, скул янский, Рали, Ралица, Лупул* и другие.

Историки языка вскрывают в русском целые лексические пласти, заимствованные из тюркских языков. Такие слова, как *акча, аркан, аршин, арык, бай, барсук, батман, баш, башка, башлык, буза, буран, гарем, еман, казак, казна, кочевать, калым, кирка, киса, кунак, курдюк, майдан, туман, утюг, халат, хомут*, и десятки других служат свидетелями былого весьма активного влияния тюркских языков на русский. Это и понятно, ибо многочисленные тюркские народы нашей страны (казахи, азербайджанцы, татары, киргизы, туркмены, узбеки, башкиры, чуваши и др.) столетиями находились в тесном контакте с русским народом, развивали с ним интенсивные торговые и политические отношения.

В настоящее время можно считать общепринятым положение о том, что в результате проникновения заимствованных слов язык не только не теряет своей национальной самобытности, но и совершенствуется. Однако в прошлом нередко существовали концепции, согласно которым заимствованные слова лишали языки их национального колорита.

Еще А. С. Пушкину приходилось давать отпор авторам подобных «установок». В 1825 г. в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» он писал: «Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством»⁶.

О благотворном влиянии на русский язык свидетельствуют также заимствования из других языков.

Многочисленны, например, заимствования из уgro-финских языков (карельского, кольско-лапландского, коми, удмуртского, мордовского, эстонского, марийского и др.). Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера их насчитывается 315 (включая слова западнофинского происхождения)⁷. Особенностью этих заимствований является то, что они в подавляющем своем большинстве осели в лексике различных говоров Севера, Сибири и других окраинных районов. Отдельные слова, разумеется, попали и в литературный язык (*невод, тундра, пельмени и другие*).

⁶ СМ. Р. А. Будагов. Очерки по языкоznанию, М., 1953, стр. 87.

⁷ Б. А. Серебренников. О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера. «Лексикологический сборник», вып. V, М., 1962, стр. 30.

К сожалению, вопрос о заимствованиях в русском языке из других языков нашей страны далеко еще не разработан. В то же время его разработка открыла бы немало страниц из прошлого тесных взаимоотношений русского и других народов.

Выше говорилось о лексических заимствованиях. Однако проблема взаимообогащения — понятие более широкое. Углубленное исследование конкретного материала могло бы показать следы влияния других языков также в фонетике, морфологии и синтаксисе, которое несомненно в известной степени имело место.

Говоря о процессах взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР, для более детального рассмотрения вопроса обычно выделяют отдельные районы нашей обширной страны. Это — Средняя Азия; Поволжье и Сибирь; Дальний Восток и Крайний Север; Прибалтика; Украина, Белоруссия, Молдавия и западные районы России; Кавказ⁸.

В каждом из этих районов взаимодействуют языки разных систем и с различным объемом общественных функций. Соотношение разных лингвистических и социальных факторов в указанных выше районах определяет и специфику происходящих там процессов.

Так, например, отдельно рассматривается взаимовлияние близкородственных славянских языков — русского, украинского, белорусского, носители которых составляют $\frac{3}{4}$ населения страны и исторически происходят от одного корня. Их взаимовлияние охватывает все уровни (литературно-письменный язык, разговорная речь, диалекты и т. д.). Оно особенно сильно вследствие многочисленности смешанного населения на Украине, в Белоруссии, в Курской, Воронежской областях РСФСР, а также благодаря общности большей части словаря и близости грамматического строя. Элементы одного языка проникают в другой легко и без усилий, заимствованные слова скоро осмысляются как «свои», ибо не являются в полной мере чужеродными. Самые тенденции развития, в частности способы создания новых слов схожи или даже совпадают. Украинский и белорусский языки оказывают заметное влияние на развитый и богатый русский язык, вклад которого в эти близкородственные языки, как известно, весьма велик.

Особый вид взаимодействия связан с молдавским языком, который интенсивно контактирует одновременно с двумя восточнославянскими языками: русским и украинским.

Однако существуют и более сложные узлы взаимодействия языков, например, на Кавказе.

⁸ См. Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958, стр. 142 и др.

Кавказ, издревле считавшийся «горой народов и языков», дает исключительно богатую картину взаимодействия самых различных (генетически и функционально) языков.

Здесь представлены разные языковые семьи: из славянских — русский язык, из иранских — осетинский, курдский, татский, талышский, из тюркских — азербайджанский, кумыкский, карачаево-балкарский, все иберийско-кавказские языки (грузинский, чеченский, ингушский, адыгейский, десятки дагестанских и др.); армянский, составляющий особую группу в индо-европейской семье языков. Всего на Кавказе насчитывается около 50 языков, т. е. больше трети всех языков нашей страны.

Различны эти языки не только генетически, но и по широте выполняемых ими общественных функций. Тут и старописьменные языки, представляющие собой основные (государственные) языки союзных республик (грузинский, армянский, азербайджанский) и младописьменные языки автономных республик и областей (кабардино-черкесский, осетинский, карачаево-балкарский, аварский и др., всего 13) и около 37 бесписьменных языков.

3

Характер взаимодействия и процессов взаимообогащения языков нашей страны за годы советской власти имеет свои специфические особенности, которые полностью вытекают из революционных преобразований, произошедших за последние десятилетия в жизни всех народов СССР.

Заимствование слов через устную речь — явление характерное для прошлых эпох — наблюдается и в наше время, особенно в близлежащих диалектах разных языков (например, говорах узбекского и таджикского языков). Однако определяющим в процессах взаимообогащения ныне стал поток заимствований через литературную форму (печать, радио, театр, школа и т. п.).

Налицо и другая закономерность. Ныне основной приток заимствований идет из межнационального, русского литературного языка или через него.

На эту роль русский язык выдвинула сама история.

Выбор одного из существующих в стране национальных языков в качестве средства межнационального общения определяется разными объективными факторами, среди которых важнейшими являются соображения экономико-производственной выгоды, психологические соображения, исторические традиции, фактическая распространенность данного языка и его развитость, совершенство.

В условиях многонациональной страны, писал В. И. Ленин, «потребности экономического оборота сами собой определят

тот язык данной страны, знать который большинству в годно в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, чем его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...»⁹.

Семь десятых населения России, указывал В. И. Ленин, «при-
надлежит к родственным славянским племенам, которые при сво-
бодной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу
требований экономического оборота, возможности столковываться»¹⁰. И далее: «Мы... хотим, чтобы между... классами всех без
различия наций, населяющих Россию, установилось возможно
более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется,
стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность
научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одно-
го: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай ду-
биной.

Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки. Мы убеждены, что ...весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собой. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по усло-
виям своей работы и жизни нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки»¹¹.

Русский язык — родной язык многочисленного русского и близкородственного языка многочисленного украинского и белорусского населения. В силу исторического развития нашей стра-
ны его знание издавна распространено и среди других наций и народностей. Будучи языком наиболее развитой нации, оказав-
шейся во главе революционных преобразований в нашем госу-
дарстве и заслужившей любовь и уважение всех других народов, русский язык стал естественно превращаться в язык общения и сотрудничества всех народов при социализме, когда экономичес-
кие и производственные межнациональные связи тысячекратно усилились, когда интенсифицировались процессы интернациона-
лизации населения, когда были сняты психологические преграды и на их месте расцвела братская дружба, доверие и взаимопо-
мощь.

В дружной семье советских народов русский язык стал сред-
ством обмена опытом коммунистического строительства, сред-
ством приобщения каждой нации к культуре и достижениям дру-
гих наций, прежде всего к революционным традициям и богатей-
шей культуре русского народа, к подлинникам бессмертных

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 318.

¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 215.

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 55 и 56.

творений В. И. Ленина, к шедеврам русской литературы, к трудам ученых, развивающих самую передовую в мире науку и технику, а также и к мировым достижениям. В этих условиях русский язык все более становится фактически родным языком или «вторым родным языком» большинства советских людей.

Русский язык не только делится своими богатствами с другими языками, но и берет на себя обслуживание некоторых сфер деятельности народов, языки которых лишь недавно получили письменность, не раскрыли еще всех своих возможностей, не могут еще полностью удовлетворять требования сложной современной жизни, особенно в сфере науки и техники. Житель того или иного национального района нашей страны не только владеет родным и русским языком, но и находится в среде людей, также свободно владеющих обоими языками. Использование того или иного языка зависит от желания и настроения говорящих, хотя пристальное наблюдение вскрывает здесь существование определенных закономерностей, своего рода «разделение труда», разделение общественных функций между родным и русским языками.

Использование на равных и равноправных началах в жизни большого количества людей, по крайней мере, двух языков, родного и русского, то есть двуязычие, — определяющая линия языкового развития в СССР.

Двуязычие, а в ряде случаев многоязычие в нашей стране — исторически новое явление, порожденное спецификой социалистического строя, марксистско-ленинским решением национального вопроса. Распространение наряду с родным иного языка, прежде всего русского, не означает ущемления прав других языков; в практике советских языковых отношений двуязычие понимается как добровольное владение языками на условиях равноправия.

Устойчивое и длительное двуязычие должно, видимо, быть признано основной перспективой дальнейшего развития языков нашей страны. Исследуя вопрос о путях развития языков в будущем, следует исходить, прежде всего, из анализа общественно-го развития народов, говорящих на них.

Народы СССР характеризуются однородным классовым составом, единым духовным обликом, общими социально-политическими интересами и устремлениями. Их развитие идет по пути сближения, по пути формирования новой исторической общности — единого советского народа. Именно поэтому развитие двуязычия, распространение языка межнационального общения имеет громадное положительное значение, ибо содействует сближению, взаимному обогащению и сотрудничеству.

Исследуя перспективы развития языков народов СССР, мы должны исходить из Программы КПСС, которая указывает:

«Все вопросы национальных взаимоотношений, встающие в ходе коммунистического строительства, партия решает с позиций пролетарского интернационализма, на основе неуклонного проведения ленинской национальной политики»¹².

Отсюда следует, что основная задача сегодняшнего дня в области языкового строительства — развитие двуязычия. Именно это отражено в Программе КПСС, развивающей ленинский тезис о добровольном принятии русского языка в качестве языка межнационального общения при полном равенстве и свободе всех языков страны. Отметив, что партия будет «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждения в употреблении тех или иных языков», Программа КПСС подчеркивает: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»¹³.

Языки народов Советского Союза прошли замечательный путь развития в послеоктябрьскую эпоху, они совершенствуются и расцветают с каждым днем. Особенно бурно развиваются литературные национальные языки союзных республик, имеющие очень широкие перспективы роста и в будущем.

Вопросам влияния русского языка на те или иные языки СССР посвящена довольно богатая научная литература.

В десятках работ¹⁴ исследуется роль межнационального русского языка в развитии национальных языков народов Советского Союза.

Выявлено, что как в прошлом, так и в нашу эпоху существуют различные типы взаимодействия русского языка с другими языками. Характер генетической и типологической близостью взаимодействующих языков, наличием и давностью литературно-письменных традиций, широтой, выполняемых данным языком общественных функций и т. д.

Однако, как справедливо замечает академик В. В. Виноградов, «есть глубокая принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних

¹² Материалы XXII съезда КПСС, стр. 406.

¹³ Там же, стр. 406—407.

¹⁴ См. В. В. Веселитский. О роли русского языка в развитии и обогащении языков народов СССР (Обзор литературы). В кн. «Развитие современного русского литературного языка», М., 1963, стр. 161.

народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР в наше время.

Сходство и соответствие в языках страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются:

- 1) в расширении сферы влияния русских, особенно новых советских выражений, в калькировании их;
- 2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой;
- 3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка;
- 4) вообще в усилившейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской языковой интернационализации.

Грань между двумя пластами русских заимствований в национальные языки почти повсеместно проводится довольно отчетливо. Как правило, дореволюционная часть русских слов в том или ином языке малочисленнее лексики, усвоенной после революции. Коренное различие подмечается и в характере их усвоения.

Обычно дореволюционные заимствования существуют в довольно сильном «адаптированном» виде. Они подчиняются всем законам фонетики и грамматики данного языка. Поэтому их нередко трудно бывает обнаружить «невооруженным глазом», то есть без специальных сопоставлений (скажем, осетинское *чыныг* (книга), *булкъон* (полковник), *иноелар* (генерал)).

Иначе выглядят слова, вошедшие в языки народов СССР в советскую эпоху. Они, как правило, мало меняют свой звуковой облик, а имеющиеся отдельные изменения обычно бывают связаны с их грамматическим оформлением. Благодаря этому довольно обширный круг советизмов в различных языках все больше и больше оформляется как единый межнациональный (интернациональный) лексический фонд языков нашей страны и является одним из факторов сближения наших многочисленных наций и национальностей.

Разумеется, благотворное влияние русского языка на развитие языков народов СССР не ограничивается терминологией и лексикой. В отдельных исследованиях выявляются следы влияния русского языка в морфологии, фонетике и синтаксисе различных национальных языков. Однако эта проблема ждет своего обстоятельного и углубленного исследования.

Как частные, так и наиболее общие закономерности, которым подчинены процессы взаимообогащения языков, порождаются нашей конкретной сегодняшней действительностью. Поэтому для более полного их раскрытия необходимо руководствоваться марксистско-ленинскими положениями о развитии нашего общества на пути от социализма к коммунизму.

Что касается изучения данной, весьма актуальной проблемы, то оно должно способствовать, а не тормозить национальное и культурное строительство наших народов. Притом ни на минуту нельзя забывать, что «партия не допускает ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей» (Программа КПСС).

Вот почему Всесоюзное терминологическое совещание (Москва, 1961) провозгласило принцип минимальных расходжений в соответствующих терминах между литературными языками народов СССР. Как говорится в единодушно принятых рекомендациях Совещания, «согласно этому принципу при создании новых терминов следует, во-первых, полностью использовать словарный фонд конкретного языка и его словообразовательные возможности, и, во-вторых, в необходимых случаях заимствовать соответствующие интернациональные и русские термины, более распространенные и популярные в народе, чем малопонятные, неудачно созданные термины из исконного лексического материала конкретного языка»¹⁵.

Несоблюдение этого принципа может привести к пуританству, к изоляции отдельных языков, что идет вразрез с генеральной линией национального развития в нашем социалистическом обществе. В данном случае уместно напомнить указание В. И. Ленина, которое он дал еще в первые годы существования Советской власти, — «...начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества»...¹⁶

* * *

Советские языковеды успешно разрешают немало теоретических вопросов, а также проблем, связанных с историческим и описательным изучением отдельных языков и языковых семей.

Однако в нашу эпоху — эпоху развернутого строительства коммунизма, когда усиливаются процессы сближения, взаимообогащения наций и их культур, исключительное значение приобретает социологический аспект изучения языкового развития. На повестку дня поставлены самой жизнью новые актуальные проблемы: язык и общество, язык и мышление, национальные литературные языки и диалекты, развитие и взаимообогащение национальных языков, пути сближения национальных культур и языков в нашей стране, вопросы алфавитов, орфографии и терминологии в языках народов СССР и другие.

¹⁵ Вопросы терминологии. М., 1961, стр. 227.

¹⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 103.

Выполняя указания партии, советские языковеды вместе со всеми работниками науки все больше и больше обращаются к практике, к жизни. В настоящее время развертывается научно-исследовательская работа вокруг многих важнейших и актуальных проблем. Залог успеха работы над новой актуальной проблематикой заключается в тесной связи языкоznания с другими социологическими науками, в совместной работе лингвистов, философов, историков и литераторов над целым рядом проблем.

Н. Г. КОРЛЭТЯНУ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Проблема языковых славяно-молдавских взаимоотношений стала особенно актуальной после решения вопроса о романском происхождении восточнороманских языков.

Прошло более ста лет с тех пор как работами австрийского ученого Франца Миклошича (1813—1891) было положено начало подлинно научного изучения славяно-восточнороманских языковых взаимоотношений¹. После краткого теоретического введения, в котором изучены названия: румын, влах, валах и другие, а так же происхождение языка и народов восточных романцев, Ф. Миклошич дает характеристику автохтонного элемента, латинского фонда и славянских элементов. Вкратце дан анализ греческого, мадьярского и германского влияния.

Основная часть работы Ф. Миклошича содержит 1082 словарные статьи, в которых конкретно изучены слова славянского происхождения в восточнороманских языках. Уровень исследований был в то время таков, что нельзя было еще дифференцированно изучить взаимоотношения восточных романцев с различными славянскими народами. Ф. Миклошич не всегда различал южнославянские элементы от восточнославянских в составе восточно-романских языков. Так, например, молд. хулуб он ставил в зависимость от ст. слав. голябъ², в то время как оно является бесспор-

¹ Fr. Miklosich. Die slavischen Elemente im Rumunischen „Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften, Philos. hist. Klasse”, B. XIII, Wien, 1861, SS. 1—70.

Gh. Mihăilă. Locul lui Franz Miklosich în studierea elementelor slave din limba română, „Romanoslavica”, VI, Filologie, Bucureşti, 1962, pag. 209—220.

² См. F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 135. Однако из ст. слав. формы голябъ образована диалектная форма *golumb*, распространенная в Банате.

но украинского происхождения голуб. Кроме того, австрийский ученый не дифференцировал непосредственно восточнороманские языки. Ведь известно, что славяно-романские языковые взаимоотношения имеют специфические аспекты, когда они касаются арумын, мегленорумын или истрорумын, с одной стороны, и да-корумынского языкового массива, — с другой. Что касается последнего, то и здесь необходимо различить определенные специфические черты языковых взаимоотношений, когда они касаются валахов или молдаван. Следует отметить, что труд Ф.Миклошича устарел и в методологическом отношении, а также, в некоторой степени, в отношении исследуемого материала.

В начале нашего века в основополагающей работе бухарестского профессора Овиде Денсушану «История румынского языка»³ в отдельных главах рассматриваются: славянское влияние вообще (глава V), болгарское и сербское влияние (глава VII) и польское влияние (глава VIII). О. Денсушану также нечетко отличал южно-, восточно- и севернославянские элементы в составе восточнороманских языков⁴. В то время, когда еще была свежа память о стремлениях латинистов, когда всеми средствами историки и лингвисты, пытались умалить значение славяно-восточнороманских языковых отношений, О. Денсушану высказал весьма смелую для того времени мысль о том, что «для понимания прошлого румынского языка славянские языки также необходимы, как и латынь»⁵.

Проблема славянизмов в восточнороманских языках ставилась неоднократно с разной степенью глубины исследования, в различных аспектах в зависимости от уровня знаний исследователей и от их политической направленности. В этом отношении показательным является следующий пример. Один из теоретиков латинского течения, Т. Чипариу пытался доказать, что форма вокатива на -о (типа: *соро*, *норо*, *лелицо* и т. п.) является латинского, а не славянского происхождения. Он считал, что вокатив на -о представляет артикулированную форму на -а именительного падежа, превращенную (конверс) затем в -о⁶. А в наши дни в американском журнале «*Language*» языковед Такер (Wh. Tu-

³ O. Densusianu. *Histoire de la langue roumaine*, t. I, Paris, 1901, t. 2, Paris, 1933. В 1961 г. эта работа была переведена на румынский язык: *Istoria limbii române*, vol. 1—2. Bucureşti. 1961.

⁴ См. рецензию А. И. Яцимирского Румыно-славянские очерки. К вопросу о славянских элементах в румынском языке, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. VIII, кн. 3; а также работу Н. Brüske. *Die russischen und polnischen Elemente des Rumänischen*. D. Scheludko, *Nordslavische Elemente im Rum.*, «Balkan-Archiv», I. Leipzig, 1923.

⁵ O. Densusianu, *Histoire...*, I, pag. XIX, *Istoria*, I, tom. 1, pag. 8.

⁶ T. Cipariu. *Gramatica limbii române*, I, pag. 191.

cker) производит окончание формы вокатива *-o* из междометия *o'*. Эту же ошибочную точку зрения поддерживает румынский эмигрант Е. Лозован⁸.

Исследователь, объективно разобравшись в этом вопросе, знает, что в латыни вокатив имел особую форму только у существительных второго склонения мужского рода, ед. ч. (типа *lure* от им. п. *lupus*). Поэтому не может быть никакого сомнения в том, что форма вокатива на *-o* славянского происхождения. Ср. укр. *жинко, сестро* и т. п.

В настоящей работе я не намереваюсь останавливаться на каждом исследовании, в котором изучались славяно-восточно-романские языковые взаимоотношения, поскольку это было сделано другими авторами⁹. Хочу привлечь внимание лишь к некоторым из этих работ, а именно к тем, которые имели наиболее принципиальное значение и которые, в связи с этим, получили больше всего откликов среди специалистов.

Хотя двухтомный дакорумынский этимологический словарь Александра Чихака вышел в свет еще в последней четверти прошлого века¹⁰, к этой работе румынские и другие лингвисты обращаются и до сих пор. А. Чихак включил в свой словарь 5765 слов. Распределив их по своему историческому происхождению, Чихак констатировал, что из всех слов, включенных в лексикографический труд — 2361 слово, то есть $\frac{2}{5}$ — славянского происхождения; 1165 слов, то есть $\frac{1}{5}$ — латинского происхождения. Далее следует $\frac{1}{5}$ слов тюркского, $\frac{1}{5}$ — венгерского, новогреческого и албанского происхождения. Во введении к своему словарю (том II, стр. VIII) А. Чихак говорил о том, что латинский элемент «составляет безусловно суть румынского языка», что его грамматика «за исключением некоторых фрако-илирийских особенностей является по существу латинской». Что касается словарного состава, то А. Чихак писал, что он «в основе латинский», но, вследствие исторических условий, в которых жили восточно-романские народы, содержит много нелатинских элементов. А. Чихак не делал вывода о славянском происхождении восточ-

⁷ A.I. Graig. Punct de vedere asupra elementelor slave din limba română, 1947, pag. 4—5.

⁸ См. Е. Lozovan п. „Romance Philologie”, vol. XIV, N 4, May, 1961.

⁹ См. А. М. Дырул. Библиография привид инфлюенца лимбilor ест-славе асупра лимбilor романиче де рэсэрит. «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961, стр. 79—96.

¹⁰ A. de Cihac. Dictionnaire d'etymologie daco-romane, t. I. Francfort, s. M., 1870, t. 2, Francfort s. M. 1879.

Следует отметить, что первый список (конечно, неполный) молдавских слов славянского происхождения дан еще в 1840 г. Я. Д. Гинкуловым в своей хрестоматии «Собрание сочинений в прозе и стихах, для упражнения в валахо-молдавском языке», где на стр. 174—200 даются более 500 слов под заглавием: «Собрание славянских первообразных слов, употребляемых в валахо-молд. языке».

нороманских языков. Однако чтобы предвосхитить именно такой вывод, выступил крупнейший филолог прошлого века Богдан Петричейко Хашдеу. В первый том своего исторического словаря он включил специальную работу под заглавием «В чем состоит основной характер языка»¹¹. В ранней работе Б. П. Хашдэу обосновал свою теорию о частотности (употребления, или распространения) слов в любом языке. Он доказал, что не количество слов определенного происхождения решает вопрос об общем характере языка, а употребительность лексических единиц, их частотность использования играет решающую роль в деле определения основных характерных черт языка. Б. П. Хашдэу анализировал народную песню «Дрэгуцул меу бэрбэцел», в которой из 155 слов лишь 29 нелатинского происхождения (18 слав., 3 мадьярского, 1 греч. и 7 неопределенного происхождения)¹². Вывод был ясен: слова латинского происхождения имеют наибольшую употребительность и, значит, они и должны содействовать решению вопроса об общем характере восточнороманских языков. Что касается специальной терминологии, бытующей в этих языках, то положение вопроса меняется коренным образом. Тот же Б. П. Хашдэу в ранее опубликованной работе убедительно доказал, что сельскохозяйственная терминология в восточнороманских языках в 8 из 10 случаев является славянского происхождения¹³.

Несмотря на то, что вопрос довольно ясен, все же процент славянской лексики в составе восточно-романских языков беспокоил и продолжает беспокоить и до сих пор многих лингвистов. Один из крупных румынских языковедов нашего времени, покойный профессор Клужского университета, С. Пушкариу писал: «Наш словарь содержит так много славянских заимствований, что вследствие этого, наш язык во многом отличается от других неороманских языков»¹⁴. Для того чтобы убедиться в правильности этого высказывания, достаточно привести такие факты. В восточнороманских языках во многих случаях имеются слова славянского происхождения, там где западнороманские языки сохранили латинские корни. Такое положение обнаруживается в лексике, обозначающей самые различные сферы деятельности человека. Ср. такие лексические единицы восточнороманских языков: *греблэ* (грабли) *гыскэ*, (гусь), *овэс* (овёс), *обичей* (обычай) и другие, в то время как в западнороманских языках имеются соответствия латинского происхождения: ит. *rastrello*, исп.

¹¹ B. P. Hașdeu. *Etymologicum Magnum Romaniae*, t. 1, București, 1886, pag. XLVI—LIX „In ce consistă fisionomia unei limbi”.

¹² Ibidem, pag. LII—LIII.

¹³ B. P. Hașdeu. *Originea agriculturii la români*, in „Columna lui Traian”, 1874, N 4;

B. P. Hașdeu. *Opere alese*, E.S.P.L.A., 1954, pag. 255—256.

¹⁴ S. Pușcariu. *Limba română*, vol. 1, 1940, pag. 277.

rastrillo фр. *rateau* (из лат. *rastrellum*); фр. *oie*, ит. *oca*, исп. *oca* (из лат. *avica*); фр. *avoine*, ит. и исп. *avena*, порт. *aveia* (из лат. *avena*); фр. *costume*, порт. *costume*, исп. *costumbre* ит. *costumanza* (из лат. *consuetudinem*) и другие.

Покойный акад. В. Ф. Шишмарев считал, что самые древние слова славянского происхождения проникли в лексический состав восточнороманских языков в давнем периоде их развития — в VII—VIII вв. н. э., то есть еще в эпоху существования общеславянского языка¹⁵.

В настоящее время много внимания лексической статистике уделяет профессор Клужского университета Д. Макря¹⁶. Он считал, что в словаре И. А. Кандря и Г. Адамеску (1931 г.) — одном из самых больших словарей румынского языка, содержащем 43 269 слов — лексические единицы по своему происхождению представляют следующую картину: слова латинского происхождения — 20,58%, славянского — 16,41%, французского — 26,69%, тюркского — 4,36%, венгерского — 3,14%, новогреческого — 2,35%. Далее следуют слова германского происхождения — 1,65%, слова, образованные от звукоподражательных элементов — 1,96%. Большой процент составляют слова неизвестного (9,75%) и неопределенного (3,75%) происхождения.

Интересные данные о происхождении и употребительности слов приводит Д. Макря относительно стихотворений М. Эминеску, опубликованных при жизни поэта¹⁷. Лексика, использованная М. Эминеску в этих стихотворениях состоит из 3607 слов, из которых 48,68% составляют слова латинского происхождения; 16,70% слав.; 11,97% франц.; 3,41% лат. лит.; 1,63% мадьяр.; 1,35% неогреч.; 1,20% тюрк. и т. д. Всего в указанных стихотворениях Эминеску имеется 33.846 словоупотребления, из которых 83% слова латинского происхождения, 6,82% слав., 2,52% франц., 1,13% лат. лит. и т. п.¹⁸

Из сказанного выше ясно видно, что основное внимание исследователей славяно-восточнороманских языковых взаимоотношений было сосредоточено главным образом на вопросах лекси-

¹⁵ В. Ф. Шишмарев. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. Сб.: Вопросы молдавского языкоznания. М., 1953, стр. 99.

¹⁶ D. Macrea. Circulația cuvintelor în limba română, în „Transilvania”, 73 (1943), N 4, pag. 268—288, D. Macrea. Fizionomia lexicală a limbii române. „Dacoromania”, X, partea 2, pag. 362—373, D. Macrea. Contribuție la studiul fondului lexical principal al limbii române, in SCL, 1954, N 1—2, pag. 7—18.

¹⁷ Имеется в виду издание M. Eminescu. Opere, 1, Ediție îngrijită de P. Gressieciu, București, 1939.

¹⁸ D. Macrea. Despre originea și structura limbii române. „Limbă română”, 1954, N 4, pag. 27—28.

ческого заимствования, которое рассматривалось в генетическом и историческом планах, ставился вопрос об источнике, о периоде заимствования и т. п.¹⁹ Конечно, эти данные весьма интересны и полезны в деле выяснения проблемы исторических связей между восточнороманскими и славянскими народами²⁰. При этом требуется углубленное изучение вопросов взаимодействия лексических систем восточнороманских и славянских языков путем показа реальной жизни слов, их лексико-семантической значимости и их использования в различных стилевых разновидностях.

Однако, как известно, словарные заимствования касаются преимущественно внешней стороны языка, не относятся к структурным особенностям как одних, так и других языков, генетически неродственных.

Изучая в сравнительно-сопоставительном плане языки, распространенные на Балканах, языковеды столкнулись со сходными фактами, которые выявляются в неродственных языках. В грамматическом строе румынского, болгарского, албанского и новогреческого языков были обнаружены явления параллельного структурного оформления, хотя речь идет о генетически неродственных языках. Лингвисты Пражского лингвистического кружка стали говорить в подобных случаях о языковых союзах²¹, применяя при этом типологический подход к лингвистическим контактам. Конкретные факты балканского союза языков были исследованы в специальной монографии датским ученым Кр. Сандафельдом²².

За последнее время появились работы, в которых трактуются фонологические и синтаксические вопросы, касающиеся взаимоотношения восточнороманских и славянских языков. Я имею в виду исследования румынского академика Э. Петровича, профессора И. Петруца²³, профессора Берлинского университета Е. Зейделя²⁴ и других.

¹⁹ G. Mihailă, *Slavistica românească după 1944 și sarcinile ei actuale (lucrările de lingvistică)*. „Romanoslavica”, IV, București, 1960, pag. 17—19.

²⁰ E. Petrovici. *Elementele slave din limba română — mărturie a legăturilor istorice dintre poporul nostru și poporul rus*, „Limba română”, 1952, N 1, pag. 19—24.

²¹ P. Jakobson. *Über die phonologischen Sprachbünde*, „Travaux du cercle linguistique de Prague”, 1931, 4.

²² Kr. Sandfeld. *Linguistique balkanique*, Paris, 1931.

E. Seidel. *Probleme und Methoden der Balkanlinguistique*. Omagiu lui Iorgu Iordan, Buc., 1958.

²³ E. Petrovici. *Corelația de timbru a consoanelor dure și moi în limba română*. SCL, vol. 1, 1950, pag. 172—232. I. Pătruț. *Raporturi fonetice ucraino-române*, „Dacoromania”, X, Cluj, 1948. I. Pătruț, *Influences slaves et magyares sur les parlers roumains*. Romanoslavica, I, Buc., 1958. E. Petrovici. *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*, Buc., 1956.

²⁴ E. Seidel. *Elemente sintactice slave în limba română*, București, 1958.

После выхода в свет работы И. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» в советской лингвистике не принято было говорить о проникновении иноязычных элементов в структуру какого-либо языка. Догмой считалось, что грамматика, и особенно морфология, является непроницаемой. Следует при этом подчеркнуть, что идея о невозможности взаимопроникновения грамматического строя двух языков не является новой. Против мысли о проницаемости грамматического строя возражал еще в начале 20-х годов нашего века известный французский языковед А. Мейе²⁵. К этому весьма сложному вопросу следует подойти очень внимательно и нельзя решать его прямолинейно. При тесном и длительном контакте между языками, разных по своему происхождению, их структура может видоизменяться таким образом, что языковед с трудом сможет отдать себе отчет об истоках и причинах определенного структурного изменения. Академик Л. В. Щерба возражал против термина Г. Шухардта «смешение языков» (*Mischsprachung*) и предложил ввести новый термин «взаимное влияние языков». Этим самым по существу Л. В. Щерба отверг и теорию А. Мейе о непроницаемости грамматической структуры²⁶.

В связи с этим хочу обратить внимание на некоторые вопросы, касающиеся спряжения глаголов, то есть на определенные вопросы грамматической структуры восточнороманских языков. Чем по сути дела отличается спряжение глаголов в восточнороманских языках, например в молдавском, от западнороманских языков, скажем, во французском или итальянском, если идет речь о словах латинского происхождения?

Возьмем для примера латинский глагол 1-го спряжения. В настоящем времени изъявительного наклонения глагол *porto*, *-are* спрягался таким образом:

<i>port</i> -o	<i>port</i> -amus
<i>port</i> -as	<i>port</i> -atis
<i>port</i> -at	<i>port</i> -ant

Здесь к глагольной основе *port* присоединялись личные окончания -o, -as, -at, -amus и т. д. При этом основа глагола оставалась в одной и той же форме, единой для всех лиц и чисел, а личные окончания оставались без изменения для соответствующих лиц и чисел у всех глаголов той же категории. Во французском, итальянском, да и в любом западнороманском языке, по-

²⁵ A. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris, 1921, pag. 83.

²⁶ См. Л. В. Щерба. Избранные работы по языкоznанию и фонетике, I, Л., 1958, стр. 42.

ложение дел остается по существу таким же, как в латинском языке, учитывая, конечно, соответствующие фонетические эволюционные преобразования.

Ср. во французском:

<i>port -e</i>	<i>port -ons</i>
<i>port -es</i>	<i>port -ez</i>
<i>port -e</i>	<i>port -ent</i>

в итальянском:

<i>port -o</i>	<i>port -ian</i>
<i>port -i</i>	<i>port -ate</i>
<i>port -a</i>	<i>port -an</i>

в испанском:

<i>port -o</i>	<i>port -amos</i>
<i>port -as</i>	<i>port -ais</i>
<i>port -a</i>	<i>port -an</i>

Таким образом, при анализе морфемного состава этих языков необходимо иметь в виду следующее отношение между корневой и аффиксальной морфой. Корневая морфа определяет аффиксальную, так как в зависимости от числа и лица, в котором используется корневая морфа, изменяется и аффиксальная морфа. В то же время аффиксальная морфа не указывает на характер основы, так как окончание: *-o*, *-as*, *-at*, *-amus*, *-atis*, *-ant* в латинском языке может быть приспособлено соответственно к лицам и числам любого глагола 1-го спряжения (*canto*, *laudo* и т. п.).

Что касается молдавского языка, то положение дел меняется в том смысле, что уже глагольная основа не является единой для всех лиц и чисел, и если строго подойти к явлениям, то следует сказать, что имеем дело в подобных случаях с четырьмя вариантами глагольной основы (*порт-*, *порц-*, *поарт-*, *пурт-*):

<i>порт</i>	<i>пурт -эм</i>
<i>порц -ь</i>	<i>пурт -аць</i>
<i>поарт -э</i>	<i>поарт -э</i>

Следовательно, в молдавском языке по сравнению с латинским и западнороманскими языками отношение зависимости меняет свой характер. Окончания: *-ь*, *-э*, *-эм*, *-аць*, *-э* приспосабливаются к соответствующей корневой морфе. Конечно, никто не может отрицать общность названной глагольной основы во французском, итальянском, молдавском и в других романских языках. Она, безусловно, латинского происхождения. Однако в западнороманских она оформляется морфологически и фонетически иначе, чем в восточнороманских языках. Чем объясняется это положение?

С. Пушкариу, приводя этот же глагол, писал: «В отношении морфологии, румынский язык походит больше на славянские языки, чем на романские... Так объясняется то, почему латинский грамматик, устанавливая парадигму спряжения глагола *port* мог писать:

port -o
-as
-at
-amus
-atis
-ant

и этому примеру может последовать и тот, кто пишет грамматику итальянского, как и большинства других романских языков. Румынский же грамматик очень редко может использовать подобную схему, посредством которой выявляются окончания; потому что он должен писать:

port *purt* -ăm
porf -i *purt* -ați
poart -ă *poart* -ă,

подчеркивая тем самым изменения основы»²⁷.

В молдавском (румынском) глаголе имеется много случаев чередования гласных и согласных в его корневой морфеме. В подобных положениях говорят о внутренней флексии, содействующей морфологическому оформлению молдавского глагола. Как объяснить это морфологическое явление? Еще в 1840 г. молдавский грамматист Я. Д. Гинкулов отмечал молдавско-русский параллелизм в чередовании звуков. Ср. чередование звука *к* с аффрикатой *ч*, например молд. *кок*—*кочь*, рус. *пеку*—*печешь*; *с*—*ш*: молд. *грас*—*грашь*, рус. *просить*—*прошу* и др.²⁸ При этом нужно иметь в виду, что «наиболее глубокие языковые смещения объясняются не столько действительными смещениями народов, сколько регулярными контактами в области культуры, особенности литературы»²⁹. Не безынтересно упомянуть здесь мнение современного румынского историка-археолога академика Эм. Кондуряки, который, характеризуя древний период истории румын, писал: «Ассимилируя славян (которые жили в бывшей Дакии — Н. К.), романское население позаимствовало много терминов и часть славянского фонетизма. Эти черты отличают восточно-ро-

²⁷ S. Pușcariu, *Morfonetul și economia limbii, „Dacoromania”*, VI, București, 1931, pag. 213.

²⁸ Начертание правил валахо-молдавской грамматики, составленное Я. Гинкуловым, СПб., 1840, стр. XI.

²⁹ O. Jespersen. *Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung*, Heidelberg, 1925, S. 192.

манские языки от романских языков Западной Европы»³⁰. Как мы стремились показать в предшествующем изложении, в сложных языковых славяно-восточнороманских взаимоотношениях идет речь о фонетических явлениях, но которые теснейшим образом связаны с морфологическим оформлением глагольной основы. И это оформление придает молдавскому (как и румынскому) языку черты, которые отличают его от западнороманских языков. Здесь уже не идет речь о количественной характеристике слова-ря, а об определенной реорганизации грамматического строя восточнороманских языков.

В плане славяно-молдавских языковых взаимоотношений интересным является и вопрос о молдавском залоге. Согласно литературным нормам современного молдавского языка глаголы типа *а ынвэца*, *а ынчепе* и т. п. используются как в действительном, так и в возвратном залоге. Когда употребляются в форме действительного залога, эти глаголы являются переходными, то есть означают действия, которые совершаются действующим лицом и передаются на другой предмет, являющийся грамматическим дополнением указанных глаголов: Ср.: *Сэ-й дай ун бээт сэл ынвеце кожокэрия* (И. Крянгэ); *Мий де гласурь слабе ынчеп...* *ун кынт фрумос ши дулче* (М. Эминеску).

В форме возвратного залога глаголы указывают на действие, которое происходит как бы от себя, без участия действующего лица: Ср.: *Се ынвэцасе ши ел* (Ипате) *а ле алеже* (пе фете) *аша де пе де асупра* (Крянгэ).

Однако в современной языковой практике наблюдаются случаи, когда возвратная форма этих глаголов со значением переходности все больше и больше проникает в языковой оборот, особенно в разговорной речи. Интересен, на мой взгляд, такой факт. В 1946 г. во время диалектологической экспедиции старик Николай Бужор из деревни Сингурень Бельцкого района рассказывал мне о школе, которую он посещал в 1904 г.: «*не-ам ынвэцат ын ярна шея ла Пелиния*» (то есть букв. «мы учились в эту зиму в Пелинии»). Согласно литературным нормам, следовало бы сказать: *ам ынвэцат...* так как не сами по себе они учились, не самостоятельно, а кто-то их учил в школе.

Использование в подобных случаях возвратной формы не вошло еще в современную литературную норму, однако мы ее встречаем и у современных писателей и в публицистическом стиле. Ср.: *Ярвой ынвэци-вэ* *кыт май бине* (С. Моспан); (Уна дин фемей) ... *чобанулуй й-а ынтина бине урекиле ка сэ се ынвеце* *минте, сэ дее бунэ зиула оамень* (И. К. Чобану); *С'а ынчепут* *кулесул поамей* («Молдова соч.», 2.VIII 1963 г.).

³⁰ E. Condurachi, Istoria României, vol. I, Antichitatea, in „Viața românească”, 1960, N 6, pag. 85.

Как известно, глаголы *a ынвэца*, *a ынчепе* латинского происхождения (*i n v i t i a g e*, *i n c i p i r e g e*) и в современном языке, как мы видели, имеются определенные колебания в отношении использования их залоговых форм. Но вот другая серия молдавских глаголов латинского происхождения: *a се теме* (лат. *t i m e g e*), *a се мира* (*t i g a g i*), *a се руга* (*g o g a g e*) и т. п. В латинском языке они не были возвратными. Такую форму они получили в восточнороманских языках под непосредственным воздействием славянских языков. Ср. рус.: *бояться, чудиться, молиться* (из ст. слав. *бояти се, чудити се*³¹, *молити се*³²). Румынский академик Ал. Розетти вообще считает, что система возвратных глаголов в восточнороманских языках — славянского происхождения³³.

Я не имею возможности остановиться в данном сообщении на других грамматических явлениях восточнороманских языков, которые надлежит поставить в связи с подобными же явлениями славянских языков (вокатив на *-e*, *-o*; структура числительных от 11 до 19 и другие). Хотелось лишь привести вполне справедливое замечание румынского академика Ал. Граура: «Нисколько не сомневаясь в отношении латинского происхождения морфологической системы нашего языка, а также в отношении значительной части его словаря, никак нельзя отрицать того факта, что большинство словарного состава, большое число суффиксов, значительное количество синтаксического материала и некоторые морфологические элементы присовокупились вследствие контакта с соседними народами, в частности со славянскими. С этой точки зрения нас должна интересовать проблема языковых союзов...»³⁴.

Мне особенно хотелось бы подчеркнуть, что в славяно-молдавских языковых взаимоотношениях идет речь не об односторонних процессах, не об одностороннем воздействии славянских языков на восточнороманские. В языковой практике происходит и обратный процесс влияния восточнороманских языков на окружающие их славянские языки. Не буду перечислять здесь слов восточнороманского происхождения, проникших в славянские языки. Это было сделано другими авторами³⁵. Хотелось бы подчеркнуть, что в славянских языках имеются и синтаксические и

³¹ F. Miklosich. Die slav. Elem., S. 12.

³² В древних молдавских текстах имелись возвратные глаголы, образованные из славянских корней и по славянскому образцу, как: *a се глуми* (ст. слав. *глумити се*); *a се пости* (ст. слав. *постити се*) и т. п. В современном языке они используются лишь в действительном залоге, будучи непереходными глаголами.

³³ A. I. Rosetti. Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române (sec. VI—XII), Buc., 1954, pag. 31—36.

³⁴ A. Graur. Puncte de vedere... pag. 33—34.

³⁵ I. A. Căndea. Elemente române în limbile slave, în „Noua revistă română”, N 9 (1900), pag. 339—409. N. Drăgănu. Români în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și onomasticei, Buc., 1933. St. Lukasik. Pologne et Roumanie. Aux confins de deux peuples et des deux langues, Paris, 1938.

фразеологические явления, истоки которых следует искать в восточнороманских языках. Может быть, эти явления не так чувствительны и не имеют такого большого распространения, но что они имеют место—это факт бесспорный. Приведу отдельные примеры. В разговорной речи русских, которые давно проживают в Молдавии, наблюдаются такие обороты, образованные по молдавскому образцу: *от когда я здесь живу* (ср. молд. *де кынд трэеск еу аич*), *не имею когда* (молд. *н'ам кынд*), *идите здоровы* (молд. *мержець сэнэтошь*), *я имел сказать* (молд. *авям де спус*) и др. В таких ситуациях, когда идет речь о контактах между языками и имеется отклонение от литературных норм каждого из этих языков, принято говорить об интерференции³⁶, что в плане переводческой деятельности аналогично буквальному переводу³⁷. Когда интерферентные явления становятся нормой, то тогда говорят о кальках, имеющих весьма большое значение в деле взаимодействия и взаимообогащения языков.

* * *

Проблема языковых контактов не может быть отделена от изучения социально-политических условий, в которых имеет место лингвистическое взаимодействие. Одними бывают отношения, скажем, между английским или французским языком колонизаторов и языками угнетенных, порабощенных народов Африки, Азии и Латинской Америки, и совершенно другими являются взаимоотношения между языками свободных, равноправных социалистических наций в Советском Союзе. В первом случае идет речь о порабощении народов, а иногда и об их физическом уничтожении, во втором же случае — о развитии и расцвете языков социалистических наций.

Славяно-молдавские языковые взаимоотношения следует рассматривать как результат тесных экономических, политических и культурных добрососедских связей между молдавским и восточнославянскими народами вообще, великим русским народом в особенности на протяжении многих веков. При этом надо иметь в виду, что речь идет не только о лексико-фразеологических элементах славянского происхождения в составе восточнороманских языков. Под воздействием тесного контакта со славянской языковой стихией в восточнороманских языках появились такие морфологические и синтаксические черты, которые отличают эти языки от западнороманских.

³⁶ Р. Ю. Розенцвейг. О языковых контактах. «Вопросы языкоznания», 1963, № 1, стр. 64.

³⁷ Там же, стр. 64.

Как мы видели, отношения русского, как и других языков, с восточнороманскими не являются односторонними. Обогащая последние, русский язык в свою очередь — в частности в его народноразговорной форме — испытывает определенное воздействие со стороны восточнороманских языков. И это касается не только лексики, но и фразеологии и синтаксиса.

Перед советскими языковедами стоит весьма трудная, но интересная и актуальная задача полностью выявить характерные черты славяно-восточнороманских языковых взаимоотношений, имеющих важное значение в процессе взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР.

Т. П. ИЛЬЯШЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ (новые процессы в системе синтаксиса)

Широкая и всеобъемлющая проблема взаимодействия языков в период строительства коммунизма в нашей стране, поставленная в настоящее время в центр внимания советского языкоznания, наряду с большим кругом различных вопросов, включает в себя также и вопрос о сопоставительном изучении языков¹.

Сопоставительное изучение языков предусматривает исследование определенных сфер языка: грамматики, лексики, словообразования, причем в качестве исходного обычно берется национальный язык.

Имеются отдельные попытки сопоставительного исследования национальных и русского языков, в частности: узбекского и русского, татарского и русского, чувашского, татарского и русского, молдавского и русского и других². Но эти попытки носят прикладной характер.

Широкое практическое применение находит сопоставление также при изучении иностранных языков. Многие крупнейшие русские педагоги и языковеды (К. Ушинский, Л. Щерба и другие)

¹ Ф. П. Филин. Заметки о состоянии и перспективах советского языкоznания. ВЯ, № 2, 1965, стр. 15—29.

² Е. А. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934; В. А. Богородицкий. О преподавании русской грамматики в татарской школе. Казань, 1951; Н. А. Резюков. Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков. Чебоксары, 1954; М. Шapiro. Очерки по сопоставительной грамматике русского и молдавского языков. Кишинэу, 1963.

указывали на необходимость использования сравнения явлений иностранного языка с аналогичными явлениями родного.

Практическое сопоставление базируется на положении, что определение связей и отношений предметов и явлений действительности и возникающие в нашем сознании мысли об этих связях и отношениях в каждом языке облечены в языковую материю; в этой языковой материи мысли могут рождаться в формах, сходных по структуре и по значению, или же в формах, не имеющих ничего общего.

При сопоставлении обычно раскрываются как черты сходства в сравниваемых языках, так и черты различий. Выявление этих черт является основной целью вышеназванных работ. В таком плане представлено также сопоставительное исследование русского и немецкого языков И. Николич, К. Г. Крушельницкой³, русского и словацкого — в работе А. В. Исаченко⁴, русского языка и французского — в исследовании В. Г. Гак и Е. Б. Ройзенблита⁵.

Сопоставительный метод, как отмечал А. И. Смирницкий, обладает определенной ценностью не только для практики, но и для научного анализа языка, так как сопоставление фактов различных языков позволяет лучше заметить, охарактеризовать и осмысливать специфические особенности каждого языка⁶.

В таком общем плане исследование молдавского языка в сопоставлении с русским также представляет большой теоретический и практический интерес.

Но целью сопоставления может быть не только определение сходства и расхождения в исследуемых языках. Вторая, не менее важная цель сопоставительного изучения языков должна служить установлению определенных закономерностей в появлении и развитии отдельных новых черт на определенных этапах развития языка. Данная цель отличается от исторической цели сравнительного языкознания⁷ тем, что она преследует выяснение не ге-

³ И. Николич. Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким. Ревель, 1870; К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.

⁴ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1954.

⁵ В. Г. Гак, Е. Б. Ройзенблит. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965.

⁶ А. И. Смирницкий. Об особенностях обозначения направления в отдельных языках. К методике сопоставительного изучения языков. «Иностранные языки в школе», № 2, 1953, стр. 3.

⁷ Говоря о сравнительно-историческом методе, А. Мейе подчеркивает, что «сравнение может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения. Оба вида совершенно закономерны и весьма различны». А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. Перевод с французского, М., 1954, стр. 11.

нетического прошлого изучаемых языков, а закономерности появления новых сходных черт на определенном историческом этапе развития языков.

Как известно, появление нового, собственно говоря, выражает развитие. Это новое может быть вызвано действием чисто лингвистических факторов или же в его появлении принимают участие также внешнелингвистические факторы, среди которых существенную роль играет взаимодействие с другими языками.

Появление сходных черт в процессе развития двух контактирующих языков можно проследить в истории различных языков, и в частности молдавского, развивающегося на современном этапе во взаимодействии с русским языком.

Исходя из этого положения в настоящей работе при сопоставительном рассмотрении отдельных явлений русского и молдавского языков делается попытка установить закономерности появления новых черт как результат взаимодействия внутри- и внешнеязыковых факторов.

Для более глубокого выявления определенных тенденций молдавского языка предлагается сопоставление не двух-, а трехплановое, с привлечением одного из родственных молдавскому языков романской группы — французского. В качестве основных сопоставляемых языков, следовательно, предлагаются 3 языка: национальный, русский и один из родственных национальному. Одновременно, разумеется, могут привлекаться, по необходимости, отдельные факты любых других языков.

При трехплановом сопоставлении возможны более объективные выводы о роли внешнеязыковых факторов, в частности о роли влияния русского языка на развитие национального.

Кроме того, результатом сопоставления предполагается причинное объяснение новых процессов, то есть исследовать языковые факты не по вертикали, а произвести их горизонтальную дисекцию и анализ.

Исходя из вышеотмеченной цели сопоставительного изучения молдавского и русского языков, в качестве основы для сопоставления выдвигаются новые языковые процессы в системе синтаксиса современного молдавского языка.

* * *

Одним из активных процессов, наблюдаемых в настоящее время в системе синтаксиса, является развитие именных конструкций, типа «*Сосиря луй Гагарин ла Хавана*» — «Прибытие Гагарина в Гавану», или «*Сосиря ла Москва a делегацией гувернантале булгаре*» — «Прибытие в Москву правительственной делегации Болгарии».

Каковы внутренние факторы, обуславливающие развитие подобных конструкций в молдавском языке, в сопоставлении с рус-

ским и французским *A*; в чем выражается роль внешнего факто-
ра — влияние русского языка в закреплении их в языке и в рас-
ширении их употребления *B*; являются ли именные конструкции
отдельными элементами синтаксиса или входят в определенную
систему *C* и, наконец, каковы общие вопросы сопоставительного
изучения языков, вытекающие из сопоставительного рассмотре-
ния данного языкового процесса *D*. Таковы 4 основных вопроса, на
которые обращается внимание в настоящей статье.

* * *

Именной характер предложения обычно определяется отсут-
ствием глагольного содержания, которое или мысленно подразу-
мевается, или полностью отсутствует. Такие предложения обыч-
но выражают пожелание, призыв, восхищение (к примеру: молд.
паче ын тоатэ лумя, фр. *en route*, лат. *dura lex sed lex* и другие;
они могут носить также описательный характер, особенно в дра-
матическом стиле, в описании обстановки действия (например:
*о касэ албэ ку о грэдинэ маре; копачь ынверзиць, флорь ын стра-
турь*). Это так называемые номинативные предложения.

Но именной характер предложения может определяться так-
же фактическим выражением действия или качества (обозначаемых, по сути, глаголом, прилагательным или наречи-
ем) посредством имени, как, например: *стрынсул* в сравнении
с *стрынг, бириунцэ* в сравнении с *бируеск, ревэрсаре* в сравнении
с *се реварсэ* и т. д., *букурье* в сравнении с *букурос, феричире* в
сравнении с *феричит* и т. д. Исследование выражения действия
или качества посредством имени можно проводить в двух оппози-
ционных группах: простой и сложной.

Простая оппозиция возникает между именной и глагольной:
ынвэцэтурা копилулуй и *копилул ынвацэ* или именной и адъек-
тивной конструкциями: *феричиря мамей, мама е феричитэ*. Слож-
ную оппозицию образуют именные — глагольно-адъективные
конструкции: *лупта пентру паче, луптэм пентру паче, пачя е не-
чесарэ*. Эти оппозиции можно выразить следующей схемой:

Простая оппозиция	Сложная оппозиция
1. Именная-глагольная: <i>ынвэцэтурा копилулуй</i> 2. Именная-адъективная: <i>феричиря мамей</i> <i>копилул ынвацэ</i> <i>мама е феричитэ</i>	1. Именная-глагольно- адъективная: <i>лупта пентру паче</i> <i>луптэм пентру паче</i> <i>пачя е нечесарэ</i>

Поскольку в системе языка имя и глагол образуют ее основной костяк, предлагается рассмотрение развития именных конструкций в их простой оппозиции к глагольным. В этом плане развитие именного выражения действия в молдавском языке представляется результатом совокупности действия трех факторов: 1) внутриязыкового — наблюдаемого в соотношении между глаголом и именем, 2) общего внешнелингвистического фактора — экономия языковых средств и 3) частного — влияние русского языка. Рассмотрим каждый из них.

1. Соотношение имени и глагола в языке определяется грамматическим и, главным образом, лексическим характером глагола. По свидетельству В. Вартбурга⁸, рассматривающего французский глагол в сравнении с немецким, во французском языке глагол более абстрактен, в том смысле, что обладает меньшими возможностями конкретизации действия, чем в немецком, что особенно легко наблюдается при переводе с одного языка на другой. Так, например, то, что в немецком языке переводится четырьмя словами: *legen, sitzen, stellen, hängen*, во французском передается одним нейтральным словом — *mettre*; значения немецких глаголов *gehen, fahren, reiten* телескопируются во французском в *aller*.

В русском языке, так же как и в немецком, глагол обладает большими лексическими возможностями конкретизации действия (ср., в частности: *ставить, ложить, класть* и соответствующее молдавское *а пуне*). Кроме того, в русском, как и в немецком, широко развита префиксальная система глаголов, явление, характерное вообще для славянских и германских языков. Так, например, глагол *прыгать* может обозначать различные направления движения с помощью префиксов: *спрыгнуть, выпрыгнуть, вспрыгнуть, перепрыгнуть, отпрыгнуть* и другие. В молдавском языке эти же понятия выражаются только одним глаголом *а сэри* с предлогами: *а сэри дин, ын, песте, де* и т. д. Так же и во французском движение, выраженное глаголом *sauter*, конкретизируется посредством предлогов: *sauter sur, de, а и др.*⁹

Свойство французского глагола показывать действие в общей форме, без его конкретизации и детализации, как отмечает В. Поллак, относится не только к глаголам, обозначающим движение, оно вытекает из общего явления: отсутствие широко развитой префиксальной системы¹⁰.

Этим же свойством обладает глагол молдавского языка, как языка романской группы.

⁸ W. v. Wartburg. Evolution et structure de la langue française, ed. V. Berne, 1958, p. 240, 265.

⁹ А. И. Смирницкий. Указ., соч., стр. 11,

¹⁰ W. Pollak. Die deutsche Sprache im Spiegel der Französischen, Wien, 1955, p. 8.

Объективная закономерность, вытекающая из данной характеристики глагола, состоит в привлечении как отдельных вспомогательных средств (в частности, предлогов), так и различных категорий имени для выражения необходимых оттенков конкретизации.

Известно общее положение о том, что чем меньшей возможностью обладает язык в образовании дериватов вообще (в данном случае глагольных), тем больше развивает он способность к образованию сочетаний¹¹.

Привлечение различных категорий имени для конкретизации значения глагола является одним из специфических для молдавского языка процессов (к примеру: *а траже нэдежде*, *а-л принде жаля*, *а лега о ворбэ*, *а ну те ажунже капул*, *а о рупе ла фугэ* и множество других). Подобные сочетания являются стабильными, глагол и имя образуют единое лексико-грамматическое целое. Они представляют собой стилистические синонимы глаголов, образованных от имени: *а траже нэдежде* — *а нэдэжду*, *а о рупе ла фугэ* — *а фужи* и т. д.

Следовательно, одной из характерных черт, вытекающих из абстрактного характера глагола молдавского языка, является широкое развитие словосочетаний, выражающих конкретные оттенки действия или состояния.

Кроме того, абстрактный характер глагола в молдавском и французском языках порождает не только закономерность его конкретизации посредством дополнительных средств, но также тенденцию замены глагольных предложений именными. Развитие ее в каждом из данных языков протекает по-разному.

Во французском языке тенденция замены глагольных предложений именными стала закономерностью; так называемый *s t y l e-s u b s t a n t i f* получил широкое развитие, вытеснив во многих случаях глагольные предложения. В своей работе «*Stylistique française*» Е. Легран советует избегать двух глагольных подчиненных предложений и не говорить как раньше, например: *Ils cédèrent parce qu'on leur promit formellement qu'ils ne seraient pas punis*, а говорить следующим образом: *Ils cédèrent à une promesse formelle d'impunité*¹², то есть вместо двух глагольных предложений: *parce qu'on leur promit formellement qu'ils ne seraient pas punis* — именное сочетание: *à une promesse formelle d'impunité*, в котором действие представляется как предмет.

Некоторые французские литераторы расценивают это явление как вульгаризацию языка, отход от старого классического стиля Флобера. Несмотря на это, распространение стиля-*s u b s t a n t i f*

¹¹ A. I. Graug. Încercare asupra fondului principal lexical al limbii române, Bucureşti, 1954, стр. 24.

¹² E. Legrand. *Stylistique française*, Paris, 1924, стр. 265.

tip остается весьма продуктивным. Более того, С. Ульман подчеркивает, что французская нормативная стилистика предпочитает *style substantif*¹³.

В отличие от французского языка, в котором уже в XIX веке именное предложение стало во многих случаях вытеснять глагольное, и несмотря на то, что внутрилингвистический фактор — соотношение имени и глагола в системе языка — является тем же для молдавского и для французского — языков романской группы, развитие именных конструкций в молдавском языке стало характерным процессом лишь в настоящее время.

Напрашивается предположение, что в данном процессе, помимо внутрилингвистического фактора, оказывается действие и других факторов внешнего характера. Таковыми являются: общий внешнелингвистический фактор — экономия языковых средств и — частный для молдавского как национального языка, развивающегося в семье языков Советского Союза, — влияние моделей русского языка.

II. В русском языке, в котором совершенно противоположная молдавскому и французскому характеристика глагола с точки зрения выражения им конкретности действия или состояния, т. е. данный внутрилингвистический фактор, по сути, отсутствует, имеется широкая тенденция развития именных конструкций. Одной из главных движущих сил этого развития следует считать в первую очередь внешнелингвистический фактор, называемый экономией языковых средств. Это предположение напрашивается потому, что именные конструкции преобладают в публицистическом стиле, где особенно необходима краткость, сжатость выражения.

Тенденция экономии языковых средств как внешнелингвистический фактор является характерной для многих языков, но проявляется она в них в разной степени. В настоящее время эта тенденция активизируется под влиянием общего внешнелингвистического фактора социального порядка, в первую очередь, быстрого ритма современной жизни; как подчеркивает В. Вартбург, выражение движения заменяется выражением общего представления¹⁴.

В современную эпоху во многих языках немыслима, например, длинная латинская фраза (нить которой иногда теряется так, что довольно трудно ее найти), особенно ярко иллюстрируемая ораторским стилем Цицерона. Это объясняется не только чисто лингвистическими факторами, специфичными для каждого отдельного языка (для латинского, в частности, характерно распыление родственных терминов и превращение фразы в «систему обращений и ответов на расстоянии», — по меткому определению

¹³ S. Ullman. *Précis de semantique française*. Berne, 1952, стр. 143.

¹⁴ W. v. Wartburg. Указ. соч., стр. 240.

Ж. Марузо¹⁵), но также новым ритмом жизни, способствующим появлению в некоторых языках и соответствующего нового ритма фразы (ярко выраженное исключение представляет собой немецкий язык). Действие данного фактора на русский язык отражается и на национальных языках, имеющих общую историко-экономическую основу и находящихся в состоянии постоянного и непосредственного контакта.

III. Влияние моделей русского языка на развитие именных конструкций молдавского языка на данном этапе его развития можно продемонстрировать на основании исследования именных конструкций с глагольным содержанием в диахроническом плане.

Во всей письменной литературе молдавского языка, начиная с ее первых памятников, а также в различных ее жанрах наблюдаются почти единичные случаи употребления именных конструкций с глагольным содержанием. Так, например, в сказках И. Крянгэ, представляющих по сути народно-разговорную речь, подобных примеров ограниченное количество (можно процитировать такое предложение: *Везетеул ярэш е кукошул ши-л азвырле ын чирядэ! Атуңч букурия кукошулуй!*; вообще же для народно-разговорной речи характерным является эллипс глагола, а не его замена именем.

Публицистический стиль XIX века, язык художественной литературы В. Александри и М. Эминеску также дает отдельные случаи употребления именных конструкций. В подтверждение положения о том, что решающим фактором в развитии именных конструкций молдавского языка является влияние моделей русского языка, необходимо подчеркнуть и следующее: несмотря на то, что во французском языке в XIX веке, начиная от братьев Гонкур, получили широкое развитие именные конструкции, ставшие общей закономерностью языка, и несмотря на определенное влияние французской литературы во второй половине XIX века на молдавскую литературу, данные конструкции не привели к образованию их эквивалентов в молдавском языке.

Следует предположить, что появление молдавских эквивалентов началось с публицистического жанра, который получил новое развитие в советский период и для которого особенно характерен именной стиль.

Благодаря развитию публицистического жанра именные конструкции с глагольным содержанием образуют определенные клише, повторение которых вызывает определенную точную реакцию мышления, как, например: *Дескидеря экспозицией де мобилэ. Апарция унуй ноу агрегат*.

Если во французском языке именные конструкции вошли в литературный язык из языка художественной литературы таких

¹⁵ J. Marouzeau. L'ordre de mots en latin, Paris, 1953, стр. 113.

мастеров слова, как Доде, Гонкур, Золя¹⁶, в молдавском, так же как и в русском, именные конструкции получают распространение в литературном языке, в первую очередь, через публицистический стиль.

Одновременно необходимо отметить, что данные именные конструкции не входят в ткань языка без определенной активизации внутренних ресурсов самого молдавского языка, в частности при расширении использования имен действия от глагольных основ (*сосире, дескидере, апарище* и др.).

В связи с процессом активизации распространения именных конструкций с глагольным содержанием в молдавском языке необходимо подчеркнуть, что данный процесс не является случайным или единичным явлением в синтаксисе современного молдавского языка. На основе имен действия в настоящее время наблюдается широкое развитие новых типов словосочетаний (*пунере ын акциуне, луаре де мэсурь, ынтраре ын функциуне*), нового типа выражения объектного подчинения (*ел а пропус алежеря луй X... ла постул де директор*), нового типа эллиптического словосочетания (*нава—спутник, арма—ракетэ*), а также нового типа связи между словами-именами и в связи с этим — нового типа порядка слов (*стэпын лежитим — попорул*) и другие.

На основании вышесказанного представляется возможным говорить о появлении новой именной микросистемы в системе синтаксиса, отдельные формы проявления которой требуют тщательного исследования как в отдельности, так и во взаимосвязи.

В заключение отметим следующее:

а) изменения в пункте *A* системы (в данном случае в именном предложении) происходят в процессе внутрилингвистического взаимодействия с пунктом *B* (глагольное предложение);

б) эти изменения представляются не в виде цепной реакции, так как причиной изменений в пункте *A* являются не только факторы, имеющиеся в пункте *B*. Наряду с этим наличествуют и другие факторы, в данном случае фактор *C* (экономия языковых средств) и *D* (модельное влияние контактирующего языка, в частности в отношении национальных языков народов Советского Союза — модельное влияние русского языка);

в) активизация употребления именных конструкций с глагольным содержанием является частью широкого развития словосочетаний на основе имен действия в молдавском языке;

г) на основе трехпланового сопоставления раскрываются объективные закономерности взаимодействия внутри- и внешне-лингвистических факторов.

¹⁶ A. Lombard. *Les constructions nominales dans le français moderne. Etude syntaxique et stilistique*. Uppsala et Stockholm, 1930.

ЕВОЛУЦИЯ РАПОРТУРИЛОР ДЕ СИНОНИМИЕ ПЕ БАЗА ЫМПРУМУТУРИЛОР

Синонимия есте ачел домениу ал лексикулуй, каре рефлектэ ын модул чел май перчептибил таблоул инфлюенцелор екстерноре. Ануме ла студиул синонимелор се вэдеск рапортурите ши корелацииле че се стабилеск ынтрэ елементеле векъ дин вокабулар ши челе ной, вените пе каля ымпрумутулуй дин алте лимбъ. Е факт бине куноскут кэ ачестя дин урмэ, ынкадрынду-се ын фондул лексикал, ну нумай кэ контрибуе ла ымбогэция вокабуларулуй — лукру унаним апречият ка позитив, — дар продук тот одатэ модификэрь импортантене ын семантика лексемелор ку каре вин ын контакт¹.

Легэтуры спечифиче апар, ын примул рынд, ынтрэ кувинтеле экзистенте де май де мулт ши челе вените пе кале ливрэскэ, ади-кэ аша нумителе неоложизме².

Р. А. Будагов менционязэ, кэ унитэциле лексикале де фактурэ кэртурэряскэ урмязэ сэ фие студияте ын корелации ку елементеле де провениенцэ популарэ, кэч «рапортурите речипроче динтрэ кувинтеле ливрешть (саванте) ши челе популаре атыт ынтр'о лимбэ апарте, кыт ши ынтр'ун группе де лимбъ пуне ын фаца черчетэторулуй о серие де проблеме компликаце ши интересантэ»³.

Ын прочесул ынкадрэрий ши ал стабилизэрий лор ын вокабулар кувинтеле ымпрумутате (атыт прин контакт директ, кыт ши пе кале ливрэскэ) ынтрэ ку челе бэштинаше ын диверсе рапортурь⁴. Сынт атестате урмэтоареле ситуаций принципале:

а) дакэ ымпрумутуриле денумеск реалий инекзистенте пынэ атуңч ын лимба датэ, еле се ынкадрязэ ын ансамблул де мижлоаче лексикале ка элементе индепенденте фэрэ легэтуры семантиче ку алте унитэць лексикале (де аша натурэ есте ситуация:

¹ Вэзь: Н. Раевский. Тендинцеле де эволюции семантикэ а лексикулуй рсманничай ориентале ши ымбогэция ей прин ымпрумутуриле дин века славэ. ЛЛМ, 1962, № 2.

² Корелация динтрэ синонимул векъ ши чел неоложик ын лимба ноастрэ-а фост луат речент ын дискуции ынтр'ун студиул семнат де В. Соловьев (вэзь: В. Соловьев. Неоложизмеле ши синонимия. ЛЛМ, 1958, № 1).

³ Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. Изд-во Московского университета, 1963, паж. 112.

⁴ Вэзь: Ю. А. Бельчиков. Русско-иноязычные лексические пары (демонстрация — показ). «Вопросы культуры речи», вып. 4, М., 1963, паж. 120.

кувинтелейор де типул луй *телефон, трамвай, футбол, экскаватор* ш. а.)⁵;

б) дакэ кувинтелейе ной денумеск вариетэць але ноциунилор че авяу ши пынэ ла дата ымпрумутулуй денумирь женерале, дар ну супрапун ка сферэ семантикэ чөлөө векь, еле функционязэ ка ниште элементе апарте, легате ынсэ де чөлөө экзистенте ка о спечие де ноциуня женерикэ (е казул рапортулуй динтре *ураган ши вижение* сау динтре *фаэтон ши кар*);

в) дакэ ымпрумутуриле денуминд ноциунь че ау деакум ун нүме, акоперэ нумай о парте дин сфера семантикэ а кувинтелей векь, еле девин синониме парциале але ачестора (комп.: *виктимэ ши сакрифичиу* фацэ де *жертфэ*)⁶;

г) дакэ элементеле лексикале ной, реферинду-се ла ачейш ноциуне, коинчид ынтрү тотул ку сенсул кувинтелей экзистенте де акум ын лимбэ, еле формязэ ымпреунэ ку ачестя куплурь де синониме тотале, адикэ стилистиче сау функционале (де екз. *аб-сенцэ — липсэ, аконт — арвунэ*).

Ын ултимеле доуэ казурь ынтрэе унитэциле лексикале май векь ши чөлөө ной ынтрате ын лимбэ се стабилеск релаций фоарте едификатоаре дин пунктул де ведере ал еволуцией рапортурilor де синонимие ын женерал⁷.

Формаря де серий синонимиче, констынд дин кувинте бэштинаше ши ымпрумутате, есте ла фиекаре этапэ де дэзволтаре историкэ а лимбий ун фапт инконтестабил⁸. Ын лимба ноастрэ процесул а декурс ку интенситате вариабилэ ын функцие де контакtele ку алте културь ын декурсул историей⁹.

Дакэ ар фи сэ урмэрий ын мод кронологик корелацииле че се стабилеск ынтрэе элементеле векь ши чөлөө ной, вените пе каля ымпрумутулуй дин алте лимбь, ам путя пүне ын луминэ еволуция

⁵ Ынструкыт ынтродучеря де кувинте стрэине се фаче, ын примулрынд, динтре'о нечеситате объективэ, пэтрунд ын лимбэ, де регулэ, ануу элементеле че кореспунд ноциунилор, пентру каре лимба ну аре ынкэ денумирь спечиале (вэзь: Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, паж. 462).

⁶ Апропиеря динтре асеменя кувинте мерже доар пе линия унуй сенс, фиинд лимитатэ де ынсэшь натура семантикэ а ымпрумутулуй (вэзь: Ю. А. Бельчиков, оп. чит., паж. 125).

⁷ А. Н. Гвоздев сублингвээ кяр, кэ утилизаря кувинтелей стрэине лепинде ын маре мэсүрэ де фаптул, дакэ едэ ау ын лимбэ синониме бэштинаше (вэзь: А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка. М., Учпедгиз, 1955, паж. 109).

⁸ Даторитэ ынтродучерий де кувинте ливрещт ын лимба франчээ, де пилдэ, са конституит, дупэ кум менционязэ С. Улман, о «дублэ клавиатурэ» а синонимелор, пе каре ел о консiderэ партикуларитатя де базэ а лимбий франчээ ын домениул синонимий (вэзь: S. Ullmann. Précis de sémantique française. Венг, 1959, паж. 191).

⁹ Х. Паул менционязэ, кэ инфлюенца интенсивэ ын домениул културий эстэ ынсоците ынтоотдяуна де үн афлукс интенсив ал кувинтелей стрэине (вэзь: Г. Пауль, оп. чит., паж. 462).

рапортуралор синонимиче ын кадрал системулуй лексикал ал лимбий.

Ынрындуриле де май жос се фаче ынчкеркая де анализэ а ытторва серий де синониме суб рапорт диакроник, урмэринду-се модификэриле структурий семантиче а кувинтелор ын легэтурэ ку споририя кантитэций элементелор дин систем.

* * *

*

Апариция унора динтре челе динтый куплурь синонимиче дин балканороманикэ се датореште ымпрумутуралор дин слава веке. Алэтурь де лексемеле моштените дин латинэ ын периода де симбиозэ романо-славикэ ынчеп сэ фие утилизате ши кореспунзэтараеле респективе славонешть. Ын фелул ачеста апар перекиile де типул: *секуре* (лат.) — *топор* (сл.), *скоарцэ* (лат.) — *коажэ* (сл.), *пулбере* (лат.) — *праф* (сл.), *кэраре* (лат.) — *потекэ* (сл.), *шерб* (лат.) — *роб* (сл.), *фацэ* (лат.) — *образ* (сл.), *чартэ* (лат.) — *сфадэ* (сл.), *дешерт* (лат.) — *гол* (сл.), *умед* (лат.), — *жилав* (сл.) ш. а.¹⁰. Тоате ачесте перекъ корелативе с'ау менцинут пынэ ын периода актуалэ, рапортуралор динтре еле вариинд де ла казла каз. Де челе май мулте орь мембрый куплулуй синонимик ышь дистрибуе сфереле де ынтребунцаре, уний кэпэтынд о екстиндере ларгэ ши май тырзиу, прин лимба литерарэ, женерализынду-се, алций рэмьынынд ла о чиркулацие территориал сау функционал рестрынсэ ши ынкадрынду-се принтре мижлоачеле ынгуст регионале сау челе афективе але лимбий комуне. Ын казуриле ачестя препондеренца шь-о пэстряэз унеорь элементул орижинар, адикэ чел латинеск, яр алтеорь май узуалэ девине лексема славонэ ымпрумутатэ. Дрепт екземплу класик ын ачастэ привинцэ поате серви группул синонимик *ня* (лат.) — *омэт* (сл.) — *зэпадэ* (сл.). Аич кувынтул латинеск *ня* а фост стрымторат де ымпрумутурь ынтр'атыт, ынкыт астээз узул луй е рестрынс доар ла лимбажул поетик ка пуртэтор ал уней експресивитэць спорите. Пе де алтэ парте, динтре челе доуэ элементе славонешть нумай унул — *зэпадэ* — шь-а кучерит терен, стабилинду-се ка нормэ лексикалэ пентру мажоритатя масивулуй, факт че а детерминат ши примиря луй ын вокабуларул актив ал лимбий литераре. Челлалт — *омэт* — с'а лимитат ла ролул де элемент ку о пронунцатэ колоратурэ регионалэ ши е фолосит ын лимбэ ка атаре. Е вэдит, деч, кэ ынтре мембрый куплуралор синонимиче, аэрүте пе ачастэ кале, а екзистат ын прочесул еволовицей лимбий о ану-

¹⁰ О ынчкеркаре де презентаре а синонимней кувинтелор де орижине славэ ку челе латинешть фаче Г. Михэйлэ (вэз: G. Mihăilă. *Imprumuturi vechi sud-slave în limba română*. Bucureşti, 1960, Anexa I, паж. 255–261). Комп. ши L. řăineanu. *Încercare asupra semasiologiei limbii române*. Bucureşti, 1887, паж. 248.

митэ конкуренцэ. Ын урма конкуренцей динтре елементул латинши слав с'а ынтымплат ка примул сэ ясэ ку тотул дин уз (сл. *плуг л-а* субституит ку тотул пе лат. *aratru*¹¹) сау ка ынтрэ еле сэ айбэ лок ун прочес де диференциере семантике, че а дус ла рупе-релациилор синонимиче стабилите инициал (е казул перекий чур — *ситэ* сау *лак* — *балтэ*)¹².

Ын мажоритатя казурилор ынсэ, дупэ кум с'а вэзут май сус, се пэстряэз амбеле елементе, формынд ши ын лимба дакоромынэ о «клавиатурэ дублэ», дупэ терминология луй С. Улман, де унитэць лексикале латино-славе пентру ачяаш реалие (*тимп* — *вре-ме, чоб* — *хырб, грэнунте* — *боб, витэ* — *добиток, чок* — *клонц, корп* — *труп, спаймэ* — *гроазэ, штире* — *весте* ш. а.). Ачесте дублете лексикале формязэ спецификаул вокабуларуулай дакоромыней, лэржинду-й ын мод консiderабил ресурселе ын домениул формелор де експресие а ачелеяашь ноциунь.

Сынт ынсэ ши казурь май компликате, ынд ымпрумутириле дин диферите лимбъ прин диверсе модификэри семантиче ынтрэ ын рапортурь синонимиче ку алте унитэць де вокабулар, формынд микросистеме лексикале, легате де експримаря уней ануме идей ын тоатэ комплекситатя ей.

* * *

Е фоарте репрезентативэ ын ачест сенс, де екземплу, еволуция кантитативэ ши калитативэ а группуулай де лексеме, легат де експримаря идеий де «мирос».

Латинескул *odor* ку сенсул женерал де «мирос плэкут сау неплэкут» ши латинескул *olfactus* ку сенс де «мирос» ши «симцул миросуулай» ын лимбile романиче ориентале ну с'ау пэстрат (рефлексе але ачестора афлэм доар ын унеле лимбъ романиче дин Оквидент; комп.: фр. *odeur* «мирос»).

Пентру денумиря сензациилор олфактиве популяция романикэ дин Пенинсула Балканикэ а ынчепут а фолоси де тимпуриу формация поствербалэ *мирос* де ла вербул *а мироси* де провениенцэ веке славэ (*миросати*, каре, ла ындуул сэу, е ун ымпрут дин грякэ, унде ел ынсемна «а унже ку мир»¹³).

Рэмыннынд сингурул кувынт пентру експримаря идеий респективе, *мирос* примеште асуира са тоатэ ынкэркэтура семантике дин сфера датэ: ел авя дрепт прим сенс ноциуня женерикэ де «еманация плэкутэ сау неплэкутэ, пе каре о ексалэ унеле кор-

¹¹ Вэзь: В. Соловьев, оп. чит., паж. 8.

¹² Н. Раевский екзаминаязэ ын мод деталият специализаря мембрилор перекий үнгие (лат.) — *копитэ* (сл.) ла денумиря диверселор реалий (вэзь: Н. Раевский, оп. чит., паж. 31).

¹³ Де алтфел ши лат. *olfactus* есте о деривацие аналогэ де ла вербул *olfacēre* (компус дин *oleo+facio*), каре есте тот ун калк дупэ модел греческ, ынсемнынд «а да ку улей парфумат; а миран».

пурь» ши дрепт сенсурь деривате де ла ачеста: 1) «унул дин челе чинч симцурь, каре пермите перчеперя сенсацийор олфактиве» ши 2) «кondiment; миродение». Ынструкты ынсэ пентру сенсул де «мирос неплэкут» ын лимбэ екзиста, финнд моштенит дин латинэ, кувынтул *пуюаре* (<*putor*), с'а симцит невоя де а комплекта опозиция принтр'ун антоним ку сенсул де «мирос плэкут». Ачест гол а венит сэл ымпле ун ноу ымпрумут *мирязмэ* (<в. сл. **мирязма**, авынд ачелаш радикал ка ши *миросати*). Ын фелул ачеста а апэрт микросистемул:

Пынэ ла конституиря ачестуй систем елементар ши ын кадрулуй ну путя фи ворба де рапортурь синонимиче.

Еволюция ултериоарэ а вокабуларулуй а дус ла формаря прин ымпрумутурь консекутиве дин алте лимбъ а унор серий де синониме атыт пентру прима, кыт ши пентру а доуа варнетате а ноциуний женериче де «мирос».

Вариетатя а доуа а кэпэтат дрепт синониме але елементулуй инициал *пуюаре* формация *духоаре*, апэртэ прин контаминаре (в. сл. *дөгхъ*+[*путь*]аре) ши ымпрумутуриле *из* (<маг. *iz*) ши *миазмэ* (<фр. *miasme*). Еле тоате с'ау пэстрат пынэ ын лимба актуалэ ши коекзиштэ (ку екстиндере вариабилэ ын функцие де факторий территориу, медиу, нивел де културэ ш. а.) даторитэ нуанцелор стилистиче че ле сынт проприй фиекэроя ын парте: *духоаре* е май еуфемистик фацэ де вулгарул *пуюаре*, *миазмэ* се реферэ май мулт ла корпуриле органиче ын путрефакции, яр *из* аре нуанцэ де «мирос неплэкут ши спечифик»¹⁴.

Вариетатя ынтыя а суферит о еволуции май компликатэ. Ла ынчепут де кувынтул *мирязмэ* се алэтурэ елементул *миродение* (<булг. *миродие*).

Ултериор ачеста капэтэ ынсэ сенсул, девенит апой принципал, де «субстанцэ ароматэ, менитэ сэ дее густ пикант мынкэрүрилор». Ку ачест сенс *миродение* девине май тырзиу, одатэ ку апариция неоложизмулуй *кondiment* (<фр. *condiment*), синоним ал ачестуя. Модификаря датэ а семантичий кувынтулуй *миродение* а фост детерминатэ де фаптул кэ пентру сенсул де «мирос плэкут», алэтурь де *мирязмэ*, ынчепе а фи утилизат ун алт ымпрумут *парфум* (<фр. *parfum*). Ноул ымпрумут кучереште төрен, девенинд ку тимпул чөл май обишнуит кувынтул пентру ноциуня денумитэ. Орижинарул *мирязмэ*, чедынд доменинile сале

¹⁴ Пентру експримаря еуфемистикэ а идеий май сынт утилизате ымбинэриле синонимиче *мирос неплэкут*, *мирос греу*, *мирос урыт*.

де ынтребуинцаре неоложизмулуй, ышь резервэ доар сенсул де «мирос плэкут ши путерник, рэспынит де планте ши де флорь».

Еволюция семантикэ ши лексикалэ континуэ ынсэ май департе: *парфум* ышь ынсушеште ши сенсул, девенит апой препондэрент, де «продус индустрнал ку мирос плэкут; есенцэ ароматэ», чея че импуне ынкадрая ын систем а унуй алт элемент че ар репродуче доар идея примордиалэ де «мирос плэкут». Ролул ачеста вине сэ-л ындеплиняскэ чел май речент ымпрумут — *аромэ* (<фр. *arome*)¹⁵. Паралел ку элементул *аромэ* вине ши варианта *аромат* (<фр. *aromate*), дар ачеста ну-л поате конкура пе че динтый ши се специализяэ дрепт еквалент май пуцин рэспынит ал қувынтулуй *миродение*.

Ши қувынтул векь *мирязмэ* прин интермедиул сенсулуй сэу специализат де «мирос плэкут, рэспынит де планте» ышь дэзволтэ структура семантикэ: ел капэтэ сенсул де «сук ароматик, екстрас дин субстанце вежетале, сервинд пентру а рэспынди миросурь плэкуте». Прин ачест аспект ал семантичий сале *мирязмэ* ынтрэ ын релаций де синонимие ку ымпрумутул *балзам* (<ит. *balsamo*).

Ын фелул ачеста ын процесул де амплификаре а лексикулуй лимбий, даторитэ нечеситэцилор комуникэрий, а дэзволтэрий лимбий литераре (ын специал а чөлөй скрисе) ши а адаптэрий мижлоачелор ей ла диверселе аспекте функционале, системул инициал симплу ал иоциуний де «мирос» се рамификэ прин ымпрумутурь дин алте лимбь, яр ачестя, ынтринд ын диверсे релаций семантиче ку элементеле екзистенте де май ынаинте ын лимбэ, дау наштере унуй микросистем лексикал бине ынкегат ануме пе база рапортурилор де синонимие:

¹⁵ Довада пэтрундерий релатив тырзий ын лимбэ а қувынтулуй *аромэ* е фаптул кэ ел н'а фост ынсушит ынкэ де маселе ларжь де ворбиторь, чи фаче парте дин апанажул мижлоачелор ливрешть. Ын тимп че *парфум* есте утилизат ши ын ворбирая диалекталэ, *аромэ* есте деокамдатэ о акизицие а пэтурилор култе але популяцией.

¹⁶ Легэтуринле синонимиче се индикэ ын скемэ прин доуз линий паралеле. Серий де синониме конституе нумай ачеле қувинте, каре се афлэ пе ачяиш дряттэ.

Ын кадрул ачестүй систем се дистинг кытева серий синоними-че: 1° *мирязмэ* — *парфум* — *аромэ* — *аромат*; 2° *мирязмэ* — *ми-родение*; 3° *мирязмэ* — *балзам*; 4° *миродение* — *кондимент*; 5° *ми-родение* — *аромат*; 6° *пуюаре* — *духоаре* — *из* — *миазмэ*. Фие-каре мембру дин серииле синоними-че енумерате шы-а асигурат дрептул ла екзистенцэ, даторитэ фаптулуй кэ диспуне де ун спе-цифик бине пронунцат де ордин функционал ши стилистик. Е де менционат кэ элементул де базэ ал системулуй — кувынтул *ми-рос* — ну се ынкадрязэ ыннич уна дин серииле синоними-че.

Авынд ла диспозиции ачест систем атыт де рамификат, субъек-теле ворбитааре пот експрина мултипле аспекте ши нуанце але идеий де «мирос плэкут сау неплэкут». Еволюция системулуй де лексеме пентру ачастэ ноциуне есть нумай ун екземплу ал фе-лулуй кум контрибуе ымпрумутуриле дин алте лимбъ, каре ын-трэ ын релаций синоними-че пе диверсе линий, ла дэзволтаря во-кабуларулуй лимбий, фэкынд-о аптэ де а репродуче челе май фине нуанце але гындирий ши але стэрилор ноастре афективе.

Ын челе де май жос вор фи екзаминате рапортурите че се стабилеск ши ын кадрул микросистемелор лексикале, експри-мынд алте ноциунь.

* * *

*

Ын мод обишинуит пентру а денуми чева, че се карактеризяэз прин дименсиуны деосебите фацэ де челе консiderате дрепт нормале, е утилизат калификативул *маре*, провенит де ла субстан-тивул латинеск *mas*, *maris* «парте бэрбэтийскэ». Пентру експри-маря унуй град супериор ал ачестей ынсуширь ын лимба попу-ларэ а фост фолосит инициал доар суперлативул аналитик ал ачестуй аддектиив (*таре маре*, *фоарте маре*, *страшник маре* ш. а. м. д.). Пе каля ымпрумутулуу ынсэ мэсуре екчесивэ а ачестей калитэць а кэпэтат ной мижлоаче де експримаре. Ын примулрынд, прин интермедиул субстантивулуй *уриаш* (<маг. *óriás*) апаре форма аддективалэ *уриаш* ку сенс де «де пропорций необишинуите; мулт май маре декыт нормал».

Май тырзиу пентру а репродуче екзакт ши фэрэ еквиокурь идея де чева че депэшеште дименсиуниле обишинуите ау фост ымпрумутате дин франчээз аддектиивеле проприу-зисе *енорм* (<фр. *énorme*) ши *колосал* (<фр. *colossal*). Ын фелул ачеста апаре ун ынчепут де серие синонимикэ: *уриаш* — *енорм* — *коло-сал*. Ля ачестя се адаугэ апой ши формация *жигант*, апэрүтэ прин деривацие де ла синонимул *жигант* ал луй *уриаш* ку валоа-ре субстантивалэ. Дупэ ынкадраря ын ачест групп ши а аддекти-вулуй *именс* (<фр. *immense*), асочиат инициал ку сенсул де

«ларг, васт, немэржинит» ал луй *mare*¹⁷, с'а конституит о серие синонимикэ дестул де богатэ: *уриаш* — *енорм* — *колосал* — *жигантик* — *именс*.

Тоате ачесте кувинте apar ка ниште форме суплетиве де суперлатив ал аддектигулуй *mare*. Фиекаре дин еле ышь аре сфереле сале де ынтребуинцаре, с'а фиксат ын ануумите конструкций стабиле, ын ануумите клишее, астфел, кэ ну ынтотдяуна еле се пот субституи речипрок, деши ка сенс сынт ынтра туотул идентиче. Нич унул дин мембрый ачестей серий синонимиче ну коинчиде ынсэ дин пункт де ведере семантик ку элементул де ла базэ — аддектигул *mare*. Че е дрепт, мулць ыл инклуд ши пе ачеста ын серие, чея че дуче импличит ла сесизаря уней градаций а ынсуширый экспримате, а уней диверситэць ын интенситатя ачестея¹⁸. Афирмацииле че се факт ын ачест сенс сынт неынтемеяте, еле ну кореспунд реалитэций, кэч градация требуе консiderатэ ка о довадэ сигурэ, кэ элементеле лексикале ку причина ну сынт легате прин рапортурь де синонимие. Астфел фактул кэ ынтре кувинтеле *пирэу, рыу, флувиу* е бине симците градация (примул е «апэ кургэтоаре микэ», ал дойля — «апэ кургэтоаре, форматэ дин май мулте пырае», яр ал трейля — «апэ кургэтоаре маре, че се варсэ ын маре сау ын очеан»), демонстрязэ ын мод конклудент, кэ лексемеле енумерате, деши ау сенсурь адиаченте ка денумирье але диверселор вариетэць але ноциуний женериче де «апэ кургэтоаре», ну сынт синониме.

Дин ачеляшь мотиве ну пот фи консiderате синониме, вербе ка *a шопти, a ворби, a стрига*, деши тоате сынт легате де идея «актуалуй де ворбирае», деосебиря редукынду-се доар ла градул де интенситате ал ачестуй акт.

Де градации се ворбеште ши ын казул серией синонимиче, че экспримэ ноциуня де интимперие. Еа констэ дин кувынтул, пробабил, де орижине ономатопеикэ, *вихение* ши дин ымпрумутурили *фуртуна* (<нгр. *furtuna*), *ураган* (<фр. *ouragan*) ши *тайфун* (<жерм. *Taifun*). *Фуртуна* е интерпретат, дё обичей, ка о «вихение май маре», *ураган* ка о «фуртуна» де о интенситате деосебиртэ, яр *тайфун* ка ун «ураган де пропорций экспрессиве»¹⁹. Де факт

¹⁷ Ачест кувынты, ка ши мулте алте элементе ку о векиме консiderабилэ ын лимбэ, аре о структурэ семантикэ фоарте дезволтатэ: ел поате ынсемна ши «ынтынс, васт» (*кылтие маре*), ши «ынталт» (*дял маре*), ши «лунг» (*пэр маре*), ши «ынкэптор, спацюс» (*сак маре*), ши «адынк» (*апэ маре*), ши «путерник; интенс» (*фок маре*), ши «адулт, матур» (*ом маре*), ши «вестит, ренумит» (*скриптор маре*), ши «грав» (*грешалэ маре*) ш. а.

¹⁸ Ын фелул ачеста е трататэ серия синонимикэ *большой — громадный — огромный — гигантский — исполинский — колоссальный* ын дикционарул де синониме а лимбий русе (весь: В. Н. Клюева. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956. паж. 26; весь ши М. Ф. Палевская. Синонимы в русском языке. М., 1964, паж. 38).

¹⁹ В. Н. Клюева дё о асеменя интерпретаре синонимелор русешть *буря — ураган — тайфун* (весь: В. Н. Клюева, оп. чит., паж. 33).

Ынсэ рапортуриле динтре ачесте лексеме сынт май компликтате, декыт кум пар еле ла прима ведере. Ын примулрынд, еле ну сынт тоате синониме. Астфел *вижелие* е о денумире женерикэ, ын каре, пе лынгэ *фуртунэ*, *ураган* ши *тайфун*, се инклуд ка вариетэць ши кувинтеле *вискол* (ку вариантелейе *висколялэ*, *висколитурэ* ш. а.) ши *вифор* (ку вариантелейе *вифорницэ*, *вифорялэ*). *Тайфун* е о вариетате локалэ а ноциуний де ураган: ачеста е ун ураган че я наштере ын партя де апус а очеанулуй Пачифик. Тот о вариетате локалэ есте ши *циклонул* (<фр. *cyclone*), каре е о фуртунэ спечификэ режиунилор тропикале. Синониме проприузисе сынт, деч, нумай перекиле *фуртунэ* — *ураган* (ку сенсул комун де «вынт фоарте путерник, ынсоцит де дескэркэри електриче ши де преципитаций атмосфериче суб формэ де плоае») ши *вискол* — *вифор* (ку сенсул де «вынт путерник ынсоцит де нинсоаре»).

Ын фелул ачеста корелация денумирилор, фолосите ын лимбэ пентру ноциуня ын дискуции, ар путя фи редатэ прин скема:

Синониме сынт нумай элементеле легате прин линий паралеле.

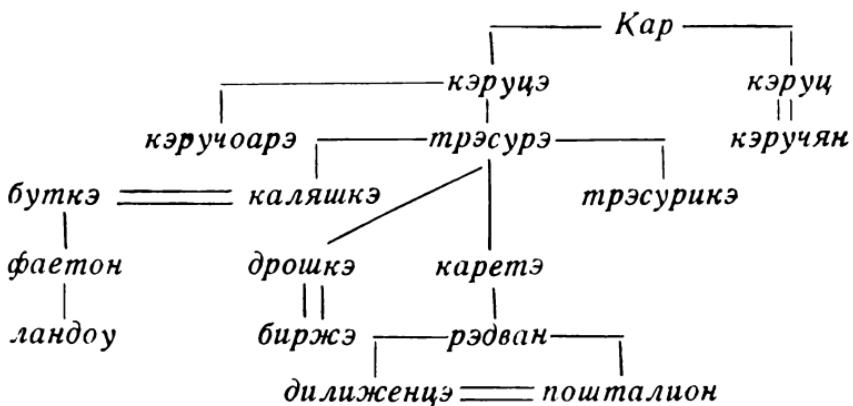
* * *

Импортант е ка ын курсул анализей рапортурилор, че се стабилеск ынтрэ кувинтеле бэштинаше ши челе ной ынтрате ын лимбэ, сэ ну се ексажерезе, консiderынду-ле пе тоате де авалма синониме, кум се май прочедяэз десеорь. Ынцелесул ваг ши ларг, каре се дэ де мулте орь терминулуй «синониме», пермите ынкадраря ын категория ачестора а унор кувинте апропияте прин лэгэтура лор ку ачейш идеэженералэ, дар тотуш кувинте индепенденте, ку спечифик семантик ши ноционал бине дефинит. Есте, де екземплу, казул кувинтелор че денумеск вехикулул ку тракциуне анималэ. Е ворба де кувинтеле: *кар* (ку деривателе: *кэрүц*, *кэручян*), *кэрүцэ* (ку диминутивул *кэручоарэ*), *трэсурэ* (ши диминутивул *трэсурэкэ*), *каляшкэ*, *буткэ*, *фаетон*, *ландоу*, *каретэ*, *рэдван*, *дилиженцэ*, *пошталион*, *дрошкэ*, *биржэ*.

Фэкынд абстракции де перекиле кэруц — кэручян, каляшкэ — буткэ, дрошкэ — биржэ ши дилиженцэ — пошталион, каре сынт синониме, тоате челелалте сынт кувинте индепенденте, нелегате ынтрэ еле прин рапортурь синонимиче, деши ла прима ведере ар пэря, кэ еле денумеск ачяиш ноциуне, авынд доар ануумите «нуанце» де сенс.

Фиекаре унитате лексикалэ, нуминд ын фонд ачелаш вехикул ку патру роате, трас де анимале (де обычай, де кай), фолосит ка мижлок де транспорт, аре партикуларитэць семантиче специфиче, каре сынт атыт де импортанте, ынкыт ну пот сэ ну фиелуате ын сямэ. Ын примулрынд, еле денумеск объекте диферите ку анууме ынсуширь деосебитоаре: *кар* е «вехикулул трас, де регулэ, де бой ши фолосит апроапе ексклусив ла транспорта ря поверилор»; *кэруцэ* е «вехикул де форма карулуй, маймик ши май ушор, трас де кай»; *трэсурэ* е «вехикул ку аркурь пентру транспорта ря персоанелор»; *каляшкэ* (ши буткэ) е «трэсуря елегантэ пе аркурь фоарте флексибile»; *фаетон* е «трэсуря ку капотэ пентру скаунул дин фацэ»; *каретэ* е «трэсуря ынкисэ»; *ландоу* е «трэсуря луксоасэ ку капота ын доуэ пэрць»; *рэдван* е «трэсуря ынкисэ де лукс, трас э де май мулць кай»; *дилиженца* (ши пошталионул) е «трэсуря маре, акоперитэ, пентру транспорт де пасажерь», яр *биржя* (ши *дрошка*) е «трэсуря де пяцэ». Денуминд реалий специфиче, ачесте кувинте ау фост ынтродусе ла время лор ын лимбэ прин дериваре (*кэруцэ, трэсурэ*) сай прин ымпрумут (дин франчезэ: *фаетон, ландоу* ши *дилиженцэ*, дин русэ: *рэдван* — ла oriжине жерм. *Reitwagen, каляшкэ, буткэ, каретэ, дрошкэ, биржэ ши пошталион*) ши ка ниште кувинте апарте ау функционат ши май функционяэ ынкэ ка материал трекут ын бунэ парте ын фондул пасив ал вocabуларулуй. Ынтродучеря лор ын лимбэ ши функционаря паралелэ е ун лукру абсолют фиреск, кэч дин момент че ау апэрүт ной вариетэць але вехикулуй респектив, че авяу ынсэ алте форме ши алте функций, ну путяу сэ ну се ивяскэ ши кувинтеле мените сэ денумяскэ ноиле реалий спре деосебире де чөлөө векь, каре авяу де акум нумирий ын лимбэ. Ын асеменя казурь ымпрумутуриле ну ынтрэ, де регулэ, ын релаций синонимиче ку элементеле лексикале екзистенте де акум пынэ атунч. Димпотривэ еле контрибуе ла диференциеря объектелор дин лумя ынконжурэтоаре дупэ форма, функция ши ынсушириле лор есенциале.

Рапортурile де систем че се стабилеск ын лимбэ пентру ноциуня де «вехикул пе патру роць ку тракциуне анималэ» сынт дечурмтоареле:

Формация *кәручор*, прекум ши сенсул дат ал күвүнтулуй *ландоу*, ну се ынкадрязэ ын ачест систем, ынтрукыт денумеште алтэ реалие.

* * *

Полисемантизмул күвинтелор бәштинаше, пермите ка еле сә ынтуре конкомитент пе линия диверселор сале сенсурь ын релацияй синонимиче кү диферите күвинте ымпрумутате, дынд наштере ын фиекаре каз ын парте ла серий синонимиче. Тоталитатия сернилор синонимиче, ын каре ынтрэ ачелаш күвүнт полисемантик векъ, формязэ ун күйб синонимик.

Не вом лимита аич ла ун сингур екземплу: вербул *a спуне*. Ачеста аре май мулте сенсурь шиaproape ла фиекаре дин еле аре чөл пүчин ун синоним ымпрумутат, неоложик; ын примул сенс «*а* адуче ла күнштинцэ чева» ел е синоним кү *а ануңца* (<фр. *annoncer*); ын сенсул ал дойля «*а* эксприма, а сүсцине чева» ел е синоним кү *а афирма* (<фр. *affirmer*) ши кү *а деклара* (<фр. *déclarer*); ын сенсул ал трейля «*а* презента прин күвинте, а экспуне» е синоним кү *а релата* (<фр. *relater*); ын сенсул ал патруя «*а* повести» — кү *а историси* (<нгр. *istoriso*) ши кү *а на-ра* (<фр. *narrer*); ын сенсул ал чинчиля «*а* спуне пе де рост» — кү *а речита* (<фр. *réciter*) ши кү *а деклама* (<фр. *déclamer*); ын сенсул ал шаселя «*а* дестэйнүи чева, а пыры пе чинева» — кү *а денунца* (<фр. *dénoncer*); ын сенсул ал шаптеля «*а* лэмурни» — кү *а эксплика* (<фр. *expliquer*); ын сенсул ал оптуя «*а* рости сунете, силабе, күвинте» — кү *а пронунца* (<фр. *prononcer*) ш. а. м. д.

Дүпэ күм се веде, күйбул синонимик ал күвүнтулуй екзаминат есте дестул де амплу:

а спуне

<i>а анунца</i>
<i>а афирма</i> — <i>а деклара</i>
<i>а релата</i>
<i>а историси</i> — <i>а нарা</i>
<i>а речита</i> — <i>а деклама</i>
<i>а денунца</i>
<i>а эксплика</i>
<i>а пронунца</i>

Ачастэ структурэ а күйбулай синонимик формязэ ун систем дескис²⁰, ын сенсул кэ ын процесул еволюцией лексикале ши семантиче а лимбий се поате комплекта орькынд ку ной елементе синонимиче. Прин формаря де кувинте ной ши прин ымпрумутурь дин алте лимбъ ын фиече пункт ал системулай пот фи адэугате ной ши ной верижь.

Ын фелул ачеста прин ымпрумутул де кувинте ной се дескаркэ ын бунэ парте кувинtele май векъ де мулцимя де сенсуръ ын каре сынт утилизате, чея че ле фаче пущин експресиве ши инкомоде кяр ын комуникаре. Пе де алтэ парте, се пуне ставилэ лэржирий нелимитате а полисемией элементелор екзистенте ын воказулар. Кэч, дэши ea е консiderатэ ун атрибут ал лимбилор *еволуате*²¹, зэгээзүнд крештеря вертижиноасэ ши неконтенитэ а воказуларуулай дин пункт де ведере кантитатив²², полисемия ну се поате дэзволта ла инфинит. Екзистэ ун екилибру ложик ынтрэ тэндинца де амплификаре а полисемией ка еволуцые калитатив а лексикулай ши тэндинца де симплификаре а ей прин мэрия нумэрнуулай де элементе лексикале дин воказулар. Де ачесте доуз тэндинце е нечесар сэ се цинэ конт атууч ыннд се екзаминяzzэ кэйле де еволуцые лексикалэ ши семантике суб рапорт кантитатив ши калитатив.

* * *

*

Дин фаптеле екзаминате май сус се десприннд анууните конклузий де ордин женерал.

Астфел, се поате спуне, кэ пе план диакроник ымпрумутул есте уна дин кэйле де дэзволтаре а воказуларуулай принтрун пер-

²⁰ Вэзь: Р. А. Будагов, оп. чит., паж. 157.

²¹ Лингвистул франчез М. Бреал. сублиння, кэ «полисемия есте унул дин семнеле чивилизацией» (M. Bréal. *Essai de sémantique*, 6 éd. Paris, 1913, паж. 143).

²² О. Есперсен менционяzzэ, кэ лимба липситэ де полисемие с'ар трансформа ынтр'ун «яд лингвистик» вэзь: O. Fespersen, *Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View*, Oslo, 1925, паж. 89).

манент афлукс де кувинте ной, о бунэ парте динтре каре ынтрэ ын рапортурь де синонимие ку елементеле лексикале екзистенте де май ынаинте ын лимбэ. Ын фелул ачеста се конституе, ынтый ши ынтый, аша зиселе серий синонимиче. Ачестя ынсэ ну сынт групе изолате ын кадрул вокабуларулый лимбий. Авынд ын ведере фактул кэ мажоритатя кувинтелей май векъ дин лимбэ есте полисемантике, ачелаш кувынт ынтрэ, де регулэ, ын май мулте серий синонимиче пе линия диферителор сале сенсурь. Тоталитатя серийлор синонимиче, ын каре ынтрэ ун кувынт де базэ, формязэ куйбул синонимик.

Ымпрумутул контрибуе ла неконтенита амплификаре а микросистемелор лексикале, легате де експримаря уней ануме идейши прин мултиплеле релаций семантиче, че ле женерязэ, ла чиментаря тот май стрынсэ а диверселор элементе компоненте але вокабуларулый ынтр'ун систем бине ынкегат принтр'о реця комплексэ де рапортурь, принтре каре челе синонимиче окупэ унуп дин локуриле де базэ.

Рапортурile синонимиче че се стабилеск ынтре кувинтелей векъ ши челе неоложиче ау о серие де партикуларитэць характеристиче (градул де екстиндере, иреверсиibilitатя субституцией, валенца семантике ши синтактике, колоратура стилистике), каре ынсэ пот конституи объектул унуй студиу апарте.

А. С. МЕЛЬНИЧУК

ЗНАЧЕНИЕ ВОСТОЧНОРОМАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Результаты длительного взаимодействия двух различных языков, проявляющиеся в виде лексических заимствований, фонетических сближений, словообразовательных и фразеологических калек, синтаксических интерференций, всегда представляют большие возможности для освещения истории одного из взаимодействовавших языков при помощи данных другого языка. Научное значение результатов такого взаимодействия обычно не бывает одинаковым для истории обоих языков: как правило, иноязычные данные имеют большее значение для того языка, который в процессе исторического взаимодействия с другим языком воспринял от него больше структурных элементов, чем отдал ему своих. Это общее положение в одинаковой степени относится и к результатам исторического взаимодействия восточнороманского—впоследствии румынского и молдавского языков с позднепреставянским (IV—VI вв.) и затем с отдельными славянскими языками.

Поскольку влияние славянских языков на восточнороманские по своим масштабам оказалось более значительным, чем обратное влияние молдавского и румынского на славянские, имевшее преимущественно (за исключением романско-болгарских контактов) маргинальный характер, изучение результатов исторического взаимодействия восточнороманских и славянских языков имеет исключительное значение прежде всего для истории молдавского и румынского языков. Но в ряде случаев соответствующие данные представляют определенную ценность и для славянского языкоznания, так как могут быть использованы в качестве дополнительных, а иногда и основных свидетельств, относящихся к внешней и внутренней истории праславянского и отдельных славянских языков, соприкасавшихся с восточнороманскими.

Определение относительной научной ценности восточнороманских лингвистических данных для истории славянских языков, насколько можно судить по имеющейся в нашем распоряжении литературе, до сих пор не производилось. Правда, достаточно самого поверхностного знакомства с историей романо-славянских контактов для того, чтобы стала очевидной преимущественная роль восточнороманских языковых данных для исторического изучения главным образом праславянского (собственно, его южных говоров) и болгарского языков. Однако и некоторые вопросы исторического развития других славянских языков, находившихся в непосредственных контактах с восточнороманскими, в том числе древнерусского и украинского, могут быть освещены более полно и убедительно при помощи данных румынского и молдавского языков. В связи с этим представляется целесообразным обзор основных случаев использования молдавских и румынских языковых данных для исторического освещения явлений древнерусского и украинского языков при одновременном определении удельного веса этих данных в общей системе доказательств, применяемых для объяснения соответствующих восточнославянских языковых явлений.

Одну из наиболее важных для славянского исторического языкоznания категорий восточнороманских лингвистических данных составляют топонимические названия славянского происхождения на территории распространения молдавского и румынского языков. Эти названия, служившие объектом исследований ряда румынских и славянских ученых (И. Бэрбулеску, М. Штефэнеску, И. Иордан, Н. Дрэгану, Э. Петрович, В. Ф. Шишмарев, М. В. Сергиевский и др.), в значительной степени дополняют и уточняют исторические данные о границах распространения древнерусского и древнеболгарского языков между Прутом и Дунаем в VIII—XIII вв. Особенно интересными и важными с этой точки зрения являются недавно опубликованные исследования известного румынского лингвиста Э. Петровича, посвященные распростране-

нию на румынской территории топонимов несомненно славянского происхождения с такими фонетическими особенностями, как восточнославянское полногласие и звук *h* на месте праславянского *g*¹. Э. Петрович установил, что ареал распространения славянских по происхождению топонимов с полногласием на территории Румынии совпадает с ареалом распространения славянских топонимов с согласным *h* и ограничивается в основном бассейнами рек Прута и Серета, а также в восточной части Трансильвании. Отдельные случаи топонимов обеих групп зафиксированы также в Добрудже. На основании полученных данных Э. Петрович пришел к выводу, что территория Молдавии и восточной Трансильвании до ее окончательной романизации была заселена восточными славянами, между тем как встречающиеся здесь топонимы южнославянского характера были занесены румынами с южной части румынской территории. Распределение славянских топонимов с признаками восточнославянского и южнославянского характера на территории Румынии позволяет более конкретно ставить вопрос о наличии в VIII—XIII вв. (то есть уже после распадения праславянского языкового единства) непосредственной территориальной связи между восточнославянскими и южнославянскими говорами. Сопоставление установленных Э. Петровичем ареалов распределения топонимов восточнославянского и южнославянского характера приводит к предположению о том, что по нижнему течению рек Дуная и его притока Серета между древнерусскими и древнеболгарскими племенами к VIII в. еще не было того территориального разрыва, который образовался между ними после романизации Добруджи и прилегающей части Молдавии. Что же касается территории к северо-западу от этой области, то здесь между восточнославянским и южнославянским топонимическими ареалами наблюдается значительный разрыв, отражающий, по-видимому, происшедшее уже в предыдущий период отделение южных славян от восточных и западных. Дальнейшее изучение структурных особенностей старых восточнославянских топонимов славянского происхождения и их распределения на территории Молдавии и Румынии обещает последующее пополнение наших сведений относительно границ распростране-

¹ E. Petrovici. Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Române, I. Toponimice prezintînd *h* provenit din *g*. „Romanoslavica”, IV, Bucureşti, 1960; II. Toponimice cu polnoglasie. „Romanoslavica”, VI, Bucureşti, 1962. Ср. исследование того же автора, посвященное распространению на территории Румынии топонимов южнославянского происхождения: Э. Петрович. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики. „Romanoslavica”, I, Bucureşti, 1958; Его же. Изоглоссы славянских элементов в румынском языке. „Slavia”, ў. XXXI, Praha, 1962, сес. I (то же на румынском языке в „Romanoslavica”, VII, с дополнениями).

ния древнерусского языка на этой территории и его контактов с южнославянскими языками.

Серьезные данные для решения вопроса о былой непосредственной связи восточнославянских и южнославянских говоров представляют молдавско-румынские видоизменения структуры и семантики таких славянских слов, которые являются общими для южнославянских языков и смежных с молдавским и румынским языками говоров украинского языка. Такие слова, свойственные украинским говорам, пограничным с молдавским и румынским языками, как, например, *глota* (толпа, теснота), *лилик* (летучая мышь), *лелекати* (нескладно петь), *троскотатися* (кричать, трещать — о курице), *тирло* (место отдыха овец в поле) и др., неизвестны большинству остальных украинских говоров и украинскому литературному языку, но имеют точные соответствия в южнославянских языках (ср. болг. и с.-х. *глóта*, болг. *лиликана*, *лелекам*, с.-х. *лелéкати*, болг. и с.-х. *тróскот*, с.-х. *трло*). Эти же слова с определенными фонетическими и словообразовательными изменениями вошли и в молдавский и румынский языки (молд. *глоáтэ*, *лилийк*, *лэлэй*, *троскэй*, *тырлэ*). Наблюдающиеся в молдавских и румынских формах этих слов отклонения в фонетическом или словообразовательном отношениях (а у слова *тырлэ* в значении рода) от их славянских форм, общих для южнославянских языков и украинских пограничных говоров, не позволяют рассматривать соответствующие слова украинских говоров в качестве заимствований из южнославянских языков через посредство молдавского и румынского языков, а свидетельствуют о непосредственных контактах юго-западной части древнерусских говоров с южнославянскими говорами до начала романизации Молдавии и Добруджи, если не отражают следы древнейшей связи праславянских говоров до отделения их южной части. Имея в виду эти соотношения, можно и в тех случаях, когда общие для украинских говоров и южнославянских и румынском языках (напр. укр. диал. *тропіт* «шум, крик», болг. *тропот* «шум, топот», молд. *трóпот* «топот» или укр. диал. *вікнina* «глубокая яма под водой, омут», болг. *óкно* «отверстие соляной копи», с.-х. *óкно* «шахта», *око* «родник», молд. *окнэ* «копь, рудник»), предполагать, что наличие этих слов в молдавском языке отражает лишь былое их распространение в славянских говорах на всей романизированной впоследствии территории от Днестра до Дуная.

Чисто вспомогательное значение для исторической фонетики славянских языков имеют звуковые особенности славянских заимствований в молдавском и румынском языках, обычно лишь подтверждающие положения славянского языкоznания, установленные другими путями. Таковы, в частности, примеры древнейших заимствований из позднепраславянского языка с сохранением сочетаний *ar*, *al*, между согласными (молд. *балтэ*, рум. и

арум. *baltă* из прасл. **bolto* (болото), арум. *gardu* из прасл. *gordъ* город). Эти примеры являются хорошим дополнением к ряду других доказательств того, что еще в период распада праславянского единства структура древних тавтосиллабических сочетаний *or, ol, er, el* сохранялась без существенных в фонологическом отношении изменений. Рефлексация индоевропейского *o* при заимствовании в неславянские говоры в виде *a* используется некоторыми исследователями для обоснования точки зрения, согласно которой и.-е. *o* в праславянском приобрело характер обычного *a*². Но при таком предположении не находит себе естественного объяснения лабиализованность *o* во всех славянских языках последующей эпохи. Предположение о полной делабилизации *o* в праславянском языке представляется невероятным и с точки зрения типологии языка³. Поэтому звук *a* в усвоенных романскими говорами словах *baltă* и *gardu* скорее всего следует рассматривать как субститут праславянского открытого лабиализованного гласного *o*.

К числу фактов восточнороманских языков, имеющих значение вспомогательных данных для разработки исторической фонетики славянских языков, принадлежат молдавские и румынские рефлексы носовых гласных в заимствованных славянских словах в виде сочетаний гласных *u, i, ī* с носовыми согласными *n* или *m*⁴. В одной части соответствующих слов, принадлежащей к древнейшему слою заимствований, восточнороманские языки сохраняют различие праславянских *ρ, ɸ* в виде противопоставления рефлексов *un (im)* — *in (im)*, например: *scump, muncă, dumbravă, grindă, cinstă* из прасл. *skorpъ, тρoka, добрava, греда, честъ*. Такая рефлексия полностью совпадает с восточнороманскими отражениями латинских сочетаний *on (om)* и *en (em)*, как, например, в словах *lung* (лат. *longus*) или *minte* (лат. *mente*). Между тем более поздние заимствования, восходящие уже к древнеболгарскому языку, на месте праславянского носового гласного *ρ* содержат отличный от *un* рефлекс *în* (молд. *мынду*, *трымбэ* и другие соответственно прасл. *modrъ, тρoba* и т. п.). Эти особенности рефлексии праславянских и древнеболгарских носовых гласных дополняют научное представление о звуковом характере соответствующих гласных в праславянском языке и о различии пу-

² P. Kretschmer. Die slavische Vertretung von idg. o. „Archiv für slavische Philologie“, 27, 1905; F. V. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jednoty. „Slavia“, r. XXV, seš. 4, Praha, 1956, str. 445—458; B. И. Георгиев. Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка, ВЯ, 1963, № 2, стр. 23.

³ См. V. Skalička. Typologie a komparativistika, „Ceskoslovenské přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii“, Praha, 1963, str. 43—44.

⁴ М. В. Сергиевский. Молдаво-славянские этюды, М., 1959, стр. 54.

тей их развития в отдельных славянских языках вскоре после распадения праславянского единства.

Возможно, что в восточнороманских словах славянского происхождения с конечным гласным *и*, соответствующим праславянскому гласному *ъ*, отражается в той или иной степени праславянское звучание заднеязычного гласного, ставшего впоследствии редуцированным⁵. Но в таком случае подобные заимствования, отличающиеся от более поздних, в которых конечный праславянский *ъ* не имеет вообще никакого соответствия, следует отодвинуть к самому начальному периоду восточнороманско-славянского соприкосновения, когда краткий гласный *и* еще сохранял свой лабиальный характер.

Большинство таких фонетических данных имеет непосредственное отношение к позднепраславянскому языку и только через его посредство может быть отнесено также и к истории отдельных славянских языков, в частности восточнославянских. Исключение из данных такого характера составляют единичные примеры отражения в ранних письменных памятниках молдавского языка произношения украинских звуков, претерпевавших по диалектам различные исторические изменения. Так, например, отмеченный в документе 1438 г. топоним *Hliboca* с гласным *и* на месте прасл. *ρ*, которому в большинстве украинских говоров и в украинском литературном языке соответствует гласный *и* (<ы>), своей фонетической особенностью примикиает к современному произношению слова *глібока* в юго-западных (и южных) говорах украинского языка⁶ и, таким образом, свидетельствует о значительной древности этой диалектной черты. Но, имея в виду факультативное отражение в молдавском произношении украинского гласного передне-среднего ряда высокого подъема и как *i*⁷, гласный *i* в топониме *Hliboca* можно рассматривать и как соответствие обычного украинского *и*. В таком случае рассматриваемый топоним становится свидетельством того, что украинский переход заднеязычного *ы* в гласный передне-среднего ряда *и* на соответствующей территории к началу XV в. уже завершился.

⁵ Ср. М. В. Сергиевский. Цит. соч., стр. 53.

⁶ Ср. П. Гладкий. Говірка села Нехворощі Андрушівського району Бердичівської області, «Український діалектологічний збірник», кн. II, К., 1929, стр. 120; О. С. Мельничук. Південноподільська говірка с. Писарівки. «Діалектологічний бюллетень», вып. III, К., 1951, стр. 46. Ср. Л. С. Терешко. Особливості фонетичної системи надбузьких говорів Кривоозерського району на Миколаївщині, «Діалектологічний бюллетень», вып. VI, К., 1956, стр. 102 и др.

⁷ См. С. В. Семчинский. Фонетические соответствия между гласными румынского, русского и украинского языков. «Наукові записки Київського держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка», т. XVI, вип. VII, 1957, стр. 187. Ср. А. С. Мельничук. Молдавские элементы в пограничном украинском говоре. «Уч. записки Ин-та истории, языка и литературы Молд. филиала АН СССР», т. IV—V, Кишинев, 1955, стр. 182.

Произношение рефлекса старого *ъ* в юго-западных говорах украинского языка в конце XVI в. как монофтонга *i* (или, во всяком случае, как гласного, близкого к монофтонгу *i*) подтверждается зафиксированным в молдавском памятнике 1597 г. appellative *хорилкэ*, заимствованном из украинского языка. Интересно, что в более поздних молдавских источниках соответствующее слово выступает в форме *хорелкэ*, по-видимому, русифицированной.

Непосредственное отношение к истории звукового состава украинского языка и его юго-западных говоров, вытесненных на соответствующей территории молдавским или румынским языком, имеют также отдельные факты современной восточнороманской топонимии. Так, например, топоним *Hîrca* в Клужской области, восходящий к прасл. *gorъka*, свидетельствует о местной украинской рефлексации гласного *о* в новообразованном закрытом слоге в виде монофтонга *и* или, возможно, в виде приближающегося к *и* дифтонга *ио* подобно тому, как это имеет место до сих пор в украинских говорах Закарпатья⁸. Подобного рода данные молдавского и румынского языков, относящиеся к истории фонетического строя украинского языка, исследованы пока что слишком слабо и нуждаются в дальнейшей разработке.

Решающее значение принадлежит данным молдавского и румынского языков в исследовании происхождения и этимологии большого количества элементов лексики украинских говоров на значительной территории, граничной с молдавским и румынским языками. Семантика и употребление слов в восточнороманских языках в ряде случаев служат исходным моментом для объяснения особенностей семантики и словоупотребления в пограничных, а иногда и более отдаленных украинских говорах. Примеры систематического использования данных молдавского и румынского языков для объяснения явлений украинской диалектной лексики и семасиологии представлены в целом ряде специальных исследований различных авторов⁹. Данные молдавского и румынского языков найдут себе надлежащее применение

⁸ Ф. Т. Жилко, Говори української мови, К., 1958, стр. 119, 129; I. Панькевич. Нарис історії українських закарпатських говорів, ч. I (Acta Universitatis Carolinae), Praha, 1958, стр. 83—95.

⁹ См. D. Scheulko. Rumänische Elemente im Ukrainischen. „Balcan-Archiv”, II, B., 1926; Б. Кобилянский. Гуцульский говор і його відношення до говору Покуття. «Український діалектологічний збірник», кн. I, 1928, стр. 81—86; I. Шаровольський. Румунські запозичені слова в українській мові, «Збірник заходознавства», К., 1929; И. А. Дзензелевский. Молдаванизмы и их стилистическая роль в украинских говорах Нижнего Поднепровья. «Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Молд. филиала АН СССР», т. IV и V, Кишинев, 1955; А. С. Мельничук. Цит. работа; В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. Восточнославянно-молдавские языковые взаимоотношения, Кишинев, 1961 и др.

и при составлении этимологического словаря украинского языка, работа над которым началась в Институте языковедения АН УССР с 1964 г.

Изучение семантики восточнославянских лексических элементов в молдавском и румынском языках и семантики молдавско-румынских заимствований в пограничных древнерусских и украинских говорах является одним из эффективных способов восстановления характера исторических взаимоотношений между восточнороманскими и восточнославянскими народами на протяжении длительного периода их совместной жизни. На основании лингвистических данных (в частности, таких явлений, как взаимное проникновение из одного языка в другой значительного количества лексических элементов, относящихся к области родственных отношений, забав и детских игр, быта и экономики) эти взаимоотношения могут быть охарактеризованы как дружественные и добрососедские. Это, в свою очередь, помогает уяснению различных исторических процессов, происходивших в восточнославянских и позже в собственно украинских говорах, соприкасавшихся с говорами восточнороманскими. В частности, правильное понимание конкретного характера исторических взаимоотношений между восточнославянскими и восточнороманскими народами способствует более полному учету факторов и особенностей изменения сфер действия древнерусского и впоследствии украинского языков, с одной стороны, и восточнороманских языков, с другой, в различные периоды и на различных территориях.

А. Т. БОРЩ

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК КОМПОНЕНТ СЛАВЯНО-РОМАНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Взаимодействие восточнороманских и славянских языков продолжается уже 14—15 веков. В разные периоды оно протекало и в виде двуязычия в различных формах его проявления, различной степени интенсивности, территориального распространения и результативности.

Это двуязычие менялось и в отношении конкретной языковой формы входивших в его состав компонентов. С романской стороны в нем участвовали сначала балканский общероманский или дако-романский, затем романские языки, диалекты и говоры формировавшихся восточнороманских народностей, позже — языки Молдавии и Валахии. Со славянской стороны в нем участвова-

ли — прежде всего общеславянский или древнеславянский, позднее — конкретные формировавшиеся славянские языки — южнославянские, восточнославянские и церковно-или старославянский.

* * *

Многие ученые, исследовавшие романо-славянские отношения периода до XVII в., в той или иной мере говорят о романо-славянском (или наоборот) двуязычии, в форму которого вылились тогда славо-романские языковые отношения.

Придерживаясь точки зрения о двух видах или формах двуязычия — романо-славянском и славо-романском, действовавших в период VI—XV вв. в сфере устных народных языков, восточно-романских и славянских, вполне возможно и целесообразно говорить об еще одном виде славо-романского двуязычия — о двуязычии с церковно- или старославянским книжным литературным языком.

Использование книжно-литературного старославянского языка восточными романцами — факт общеизвестный, бесспорный, никем не отрицаемый. Однако здесь речь идет об интерпретации этого факта как двуязычия, что встречается в литературе редко.

В скользь говорит об этом, например, В. Ф. Шишмарев. «С превращением Молдавии и Валахии в самостоятельные княжества, — пишет он, — происходит постепенная ликвидация двуязычия, которое, по мнению некоторых исследователей, продолжало держаться даже за пределами XV в. (П. Скок), но которое в широких кругах населения исчезло, несомненно, гораздо раньше... Во всяком случае болгарским владели и пользовались довольно долго верхние слои общества: дворяне, знать, представители административного руководства»¹.

А. Розетти считает, что можно предположить наличие двуязычия в XVI в. как продолжение прежнего, но только для книжников, для грамотных («кэртуаръ»), которые понимали славянский язык и могли писать на этом языке².

Итак, у обоих цитированных авторов речь идет о двуязычии среди «широких кругов населения» и о двуязычии «книжников, верхних слоев общества».

Несомненно, что на территории расселения юго-восточных романцев в устной сфере действовали, вероятно, с VI—VII вв., согласно С. Б. Бернштейну, славо-романский и романо-славянский билингвизм смешанного романо-славянского населения. Он про-

¹ В. Ф. Шишмарев, Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык молдавской ССР, «Вопросы языкоизнания», 1952, № 1, стр. 95.

² A. Rosetti, Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române, (sec. VI—XII), București, ed. Acad. RPR, 1954, pag. 20.

должался долго; как массовое явление на всей территории романо-славянских контактов — до XIII—XIV вв., а как очаговое — в отдельных районах, в пределах двух или более смежных сел, в пределах одного села со славянским и романским населением, живущим смешанно или в отдельных «магалах» села — продолжается и поныне в Румынии, в МССР, на Украине — Одесчине, Кировоградщине, Буковине. Он дал в древний период известный всем пласт древних славянских заимствований в восточнороманских языках.

Двуязычие со старославянским литературным языком началось и протекало в других условиях — в связи с принятием старославянского языка в качестве литературного.

Старославянский язык употреблялся у юго-восточных романцев во всех функциях, свойственных литературному языку.

Как и когда возникло двуязычие со старославянским литературным языком?

Не вызывает сомнений тот факт, что в романских странах юго-восточной Европы имели хождение не только старославянский язык, но и кирилловское письмо, и христианство в его, так сказать, славянском, православном варианте. Это единство — старославянский язык, кирилловское письмо и православное христианство у этих народов не случайно.

Некоторые ученые в разное время пытались разделить это единство на его составные элементы и приурочить принятие романцами каждого из этих явлений в отдельности, в разное время и в различных условиях. Еще с времен Д. Кантемира сложилось и до последнего времени принималось всерьез представление о том, что принятие молдаванами кирилловского письма произошло отдельно от старославянского языка, отдельно, независимо и по злой воле отдельного лица. Так, Д. Кантемир пишет, что после Флорентийского церковного Собора... митрополит Теоктист, болгарин по национальности... посоветовал Ал. Доброму и т. д. и этот последний изгнал из Молдавии латинское письмо и ввел славянское³. Ошибочность этого тезиса была отмечена в русской научной литературе еще в 1844 году⁴. Не так давно П. Панайеску вполне убедительно показал полную несостоятельность и несоответствие фактам истории этого утверждения Д. Кантемира⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что история, зафиксировавшая такие события, как деяния Кирилла и Мефодия, как

³ Д. Кантемир. Дескрипция Молдовей. Кишинев, 1957, стр. 210—211.

⁴ См.: Записки Одесского об-ва истории и древностей, т. I, Одесса, 1844, стр. 296 и сл.

⁵ См. Р. Р. Рапайеску. D. Cantemir, Viața și opera, București, ed. Acad. RPR, 1958.

крещение Руси в Киеве, не оставила никаких следов относительно принятия романцами христианства, старославянского языка и кирилловского письма вместо изгнанного, как полагал Д. Кантемир, латинского письма. А следов нет, наименее вероятно, по простой причине: таких событий в виде разовых государственных актов вовсе не было. Дело, конечно, не в злой или доброй воле отдельных людей, монархов, митрополитов и т. д., настроенных прославянски или пролатински. Дело, по-видимому, обстояло иначе: не поодиночке — каждое в отдельности, а все эти три компонента одного целого были приняты романцами вместе как единое и неделимое, подобно тому, как это было в Киевской Руси, принявшей христианство вместе с церковнославянским языком и кирилловским письмом.

Очень важен и такой вопрос: имело ли место у восточных романцев такое событие как, скажем, крещение Молдавии, подобное крещению Руси, состоявшее в принятии христианства, церковнославянского языка и кирилловского письма? Нет, не имело. Не было в истории таких событий как крещение Молдавии, крещение Валахии и не могло быть. Почему?

На этот вопрос правильнее всего ответить исходя из гипотезы А. Филиппиде.

Как мы видели выше, А. Росетти говорит о славянах как о пришельцах-завоевателях, как о суперстрате по отношению к романцам Юго-Восточной Европы. Аналогичное мнение можно встретить и у некоторых других исследователей.

Но есть и другая точка зрения, согласно которой славяне не суперстрат, а субстрат и сострат. Этой точки зрения придерживается А. Филиппиде, И. Бэрбулеску и другие в Румынии. У нас — вся наша отечественная наука вплоть до последних десятилетий — М. В. Сергиевский, В. Ф. Шишмарев и другие.

Приходя в контакт со славянами, уже принявшими православие с его старославянским языком и кирилловским письмом, и расселяясь между ними, восточные романцы также постепенно, часто незаметно для самих себя, приобщались ко всему местному, в том числе и к религии, к церковнославянскому языку и кирилловскому письму.

В новых местах своего расселения, смешившись с местным славянским населением, вступая во многообразные, в том числе и родственные связи с ним, романцы нашли уже готовый процесс христианизации, распространения славянского языка и письма и постепенно включились в него, приобщились к нему, восприняли его как свой родной.

Именно так мы можем объяснить и издавна спорный вопрос о времени принятия восточными романцами христианства, языка, письма. Это произошло не в XIV или XV, или даже XVI вв., как полагают одни, и не в XI—XII, как полагают другие, вообще не

произошло в какую либо определенную дату. Это происходило в течение нескольких, именно в течение X—XIV столетий постепенно, по мере расселения романцев среди славян. Когда в середине XIV в. возникли государства Молдавия и Валахия, это триединство, фактически существовавшее, стало государственным не как нечто чужое, заимствованное, а как своя традиция.

Примерно так же можно решить и другой спорный вопрос — где это произошло, на каких территориях, и от какого именно народа романцы восприняли это триединство. Это происходило всюду, где имел место контакт с уже принявшим христианство и все остальное, связанное с ним, славянским населением. Что же касается Молдавии, то, как о том можно судить по украинским (рутянским) особенностям письменных памятников, место этого приобщения была территория Буковины, Бессарабии, на стыке с чехословацким этническим массивом.

Интересен и такой вопрос: почему восточные романцы не совершили такого дерзкого революционного шага (они совершили его несколькими столетиями позже), как моравяне в IX в., которые, с одной стороны, сочли невозможным принять христианство в славянской стране на неродном, чужом языке, хотя и с репутацией и традицией третьего (после древнееврейского и латинского) «святого», «богом данного» греческого языка, и, наоборот, ринувшись в страшную тогда и рискованную борьбу против могущественных феодально-церковных сил и римской церкви, против многовековых традиций, признали необходимым принять христианство на своем родном, несвятом, не только не литературном, но даже еще и не письменном языке и со своим опять-таки несвятым письмом? Почему восточные романцы не пошли по этому пути, по этому примеру?

Этот вопрос тем более важен и уместен, что на территориях, где сложились Молдавия, Валахия в X—XIV вв. был хорошо известен и широко распространялся знаменитый труд Иоанна Храброго «О письменах», в котором дается отпор нападкам на кирилловское письмо и славянский язык и излагаются аргументы в защиту этой письменности и языка и всех деяний Кирилла и Мефодия. Кроме того, примерно в то же время почти во всех романских странах становится на очередь и активно обсуждается та же, так сказать, кирилло-мефодиевская проблема, т. е. проблема перехода на местные языки вместо латыни, возвышения их до уровня письменных и литературных.

Мне кажется возможным ответить на этот вопрос следующим образом.

Старославянский язык для смешанного славяно-романского населения на территориях, на которых в середине XIV в. образовались Молдавское и Валашское Господства (Княжества), был тогда, в период приобщения к нему (X—XIII вв.) романцев, еще

не совсем чужим и чуждым, во всяком случае в такой степени, как треческий для Моравии, и менее чуждым, менее непонятным, чем он стал позже, когда романизация на этих территориях сделала 'большие успехи, стала более массовой. Вспомним изложенное выше, что здесь жили и славяне и романцы, действовал и славо-романский и романо-славянский билингвизм, а по В. Ф. Шишмареву (как и по А. Филиппиде, С. Б. Бернштейну и др.) вообще здесь был славянский субстрат, который более или менее полностью романизировался, т. е. стал романским в своей основной толще (широкие народные массы) по их мнению, только в XIII—XIV вв., а в своей «верхушечной части» (двор, знать, административный аппарат, служители культа) — гораздо позже — в XVI—XVII вв.

Кроме того, расселявшиеся здесь романцы, как уже сказано выше, не выбирали себе формы религии, языка и письма. Они застали, унаследовали все это от своего субстрата или сострата. Об этом говорят славянская государственная, политico-общественная, культурная, религиозная терминология первого периода развития молдавского и валашского княжеств (ключар, пахарник, ворник и т. д.). Об этом же говорит топонимика и ономастика, древнейшим слоем которых является славянский. Двуязычию со славянским письменно-литературным языком предшествовал и облегчил его становление билингвизм устный в двух его формах — романо-славянской и славо-романской.

Сколько времени продолжалось двуязычие с литературным церковнославянским языком? Оно началось, по-видимому, с момента вхождения романцев в контакт с крещеными славянами — примерно с X в., и развивалось постепенно параллельно с дальнейшим расселением романских масс среди местного славянского населения в форме взаимодействия церковнославянского литературного языка с романским народным, а с первыми попытками письменного употребления романского языка — уже с его письменным вариантом весь XVI и до середины XVII в., когда старославянский литературный язык был официально заменен молдавским письменно-литературным языком (в Валахии — тоже, хотя несколько позже) в функции языка канцелярии, администрации, богослужения и т. д., то есть когда все функции литературного языка молдавский язык принял полностью на себя.

Какую роль сыграло двуязычие со старославянским литературным языком в истории развития восточнороманских народов, их культур, языков?

Двуязычие с церковнославянским литературным языком имело особое и весьма положительное, исторически-прогрессивное значение.

Пользуясь общими выражениями и аналогиями, можно сказать, что употребление старославянского литературного языка

для исторических судеб восточнороманских языков и народов имело примерно такое же значение, какое имело многовековое употребление латинского языка для неолатинских или романских языков в романских странах, или какое имело употребление старославянского языка в славянских странах для формирования неославянских литературных языков или, как это говорят — языков на народной основе — русского, украинского и т. д.

Если же говорить конкретно и более обстоятельно, то надо назвать все те факты и области, в которых сказалось положительное значение этого явления.

Употребление церковнославянского языка восточнороманскими народами в течение столетий в качестве единственного языка письменно-литературного, языка церковного, административного, политического, научного, дипломатического, школьного и т. д. засвидетельствовало появление этих народов на международной арене, включило их в фиксированную историю народов юго-восточной Европы, помогло им организовать свои государства и свою государственность, всю многообразную систему административного управления, организовать и вести вплоть до середины XVII в. государственные дела, дипломатические дела, организовать и развивать свою церковь и всю совокупность церковных дел — очень важной области жизни народа и государства в средние века, дало возможность организовать и развивать школьное примонастырское дело и книгокопирование (тогдашнее «книгопечатание»), дало возможность организовать и в течение нескольких столетий вести и сохранить для будущих поколений государственную переписку, историческую и прочую документацию, на основании которой последующие поколения имеют возможность составить впечатление и получить информацию о жизни, развитии, политической, экономической, культурной и т. д. организаций этих народов в тот период.

Скрыв от нас историю романского языка до XIV в., за исключением некоторых элементов местной речи, эпизодически встречающихся в славянских грамотах Молдавии и Валахии этого периода и проливающих только некоторый свет на местные языки, употребление старославянского литературного языка в конечном итоге явились школой и толчком, подготовив возникновение и развитие местных романских языков в качестве письменных и литературных. Оно дало многочисленные местные национальные кадры «книжников», писцов-переписчиков, комментаторов-толкователей и т. д., умеющих работать с письменным языком, оно дало письменную традицию, значительную прослойку грамотных и по тогдашним временам образованных людей.

Это двуязычие дало местному романскому языку, становившемуся письменным, готовый алфавит, к которому уже все привыкли, к которому привык и приспособился сам местный язык,

алфавит, который, благодаря богатым возможностям отображать звуки языка на письме, почти не надо было перерабатывать, подгонять, изменять, приспосабливать заново; вместе с алфавитом оно дало и письменную традицию вообще с первыми элементарными правилами письма, орфографии, что очень важно, что часто вызывает многолетние и даже многовековые споры, когда новый алфавит впервые приспосабливается к языку.

Это двуязычие дало местным романским языкам, поднимавшимся до уровня письменности с тем, чтобы впоследствии стать литературными, первую и основную, крайне необходимую терминологию в области всех основных наук того времени, в области государственно-административного управления (*господар, пахарник* и т. п.), в области церкви (*благословире, утрение, придвор, празник* и т. п.), в области общей культуры и, в особенности, в области культуры чтения, письма, школы и т. п. (*а чити, буке, чернялэ, конецул кэрций ынтый, пред словие* и т. п.), — терминологию, к которой грамотные люди Молдавии и Валахии уже привыкли, унаследовали от предыдущих поколений, терминологию, ставшую традиционной в этих странах, к которой привыкли и широкие массы. Вообще это определило на много столетий развитие молдавской научной терминологии не только за счет греко-латинской, как это было на западе, но и за счет славянской и по ее образцу, и за счет своего собственного народно-языкового материала по славянскому образцу (*кэдере, духул винулуй, ням* в смысле *жен⁶* и т. д.)⁷, научную грамматическую терминологию, которая была в этих странах единственной и безраздельно господствующей в течение нескольких столетий, включая и первую половину XIX века. Оно дало первые навыки и богатую продукцию переводов, особенно религиозных, и первые школы перевода, оставшиеся в силе и до настоящего времени (точный, дословный и свободный перевод). Это двуязычие вызвало к жизни рождение лексикографии с ее богатой продукцией славяно-молдавских словарей XVI—XVII—XVIII и даже первой половины XIX вв., из традиций которой идет вся история лексикографии восточно-романских стран, вместе с тем кадры первых лексикографов.

Именно оттуда, из этого двуязычия, от широко распространенного в то время сочинения Ионна Храброго «О письменах» исходили давшие психологические толчки идеи перехода к употреблению местных языков в качестве письменных и литературных.

Именно из этого двуязычия, из славянской грамматики вообще, в частности из грамматики Милетия Смотрицкого, распро-

⁶ См. Д. Кантемир, История иероглификэ, Кишинев, 1957, стр. 11—26; 392.

⁷ См. Е. Petrovici. Limba lui D. Cantemir, „Limba romîna”, 1955, № 6, стр. 15.

страненной в XVII и XVIII вв. в восточнороманских странах, появились первые опыты грамматики восточнороманских языков и грамматическая традиция⁸.

Благодаря господствовавшему в течение нескольких столетий двуязычию со славянским литературным языком переход ко всему местному в области религии, культуры, просвещения, употребления родного языка явился не началом истории письменной цивилизации, а ее продолжением и развитием.

В качестве общего вывода, касающегося двуязычия, можно сказать: романизация славян, в отдельных случаях славянизация романцев — отдельных людей, сотен, тысяч человек, отдельных сел, целых районов, конечно, имели место на протяжении многих столетий взаимодействия, она имеет место и в наше время, но в общем, ни восточные романцы в целом, ни славяне в целом не претерпели от этого ни малейшего ущерба. И те и другие сохранились как народы на исторической сцене, пребывали и пребывают в дружественно-братских соседних взаимосвязях, развиваются и процветают во всех отношениях, — в отношении своих языков, культуры, экономики и т. д.

В чисто лингвистическом плане результатом этого двуязычия является:

1. Несколько отличный от западнороманских литературных языков, изобилующих латинскими структурными моделями, специфический фонетический и морфологически-синтаксический строй восточнороманских литературных языков (йотатизация, чередование звуков, остатки склонения, синтаксические модели и т. д.), обнаруживающих близость с соответствующими аспектами славянских языков, особенно в период до XIX в., что объясняется большой ролью переводов со славянского в начальный период формирования этих языков как письменно-литературных.

2. Значительная прослойка славянской и калькированной со славянской всех видов научной, религиозной и административно-политической терминологии в составе лексики литературных языков Молдавии и Валахии, в отличие от западнороманских языков, где эта терминология преимущественно греко- и особенно латинского происхождения.

3. Большая близость фразеологии и общей лексики восточно-романских языков к славянской лексике и фразеологии, в то время как в западнороманских языках преобладает лексика и фразеология латинского, немецкого, арабского происхождения (в виде заимствований или калек).

⁸ См. Diomid Strungaru, Gramatica lui Smotrițki și prima gramatică românească, *Romanoslavica*, IV, 1960, p. 289.

УНЕЛЕ ОБСЕРВАЦИИ ПРИВИНД ИНФЛУЕНЦА РУСЭ АСУПРА ЛИМБИЙ МОЛДОВЕНЕШТЬ ЛА ЕТАПА АКТУАЛЭ

Проблема инфлюенцей ест-славе асупра лимбий молдовенешть (респектив ромыне) а атрас атенция черчетэторилор ын май мулте рындуры, девенинд объектул де студиу ал нумероаселор лукрэры. Де акум Фр. Миклошич ын опера са «Die slavischen Elemente im Rumänischen»¹, апэрутэ ын а доуа жумэтате а секолулуй трекут ши кяр ын унеле лукрэры де май ынаинте², менциона, кэ елементеле славе дин дакоромынэ ышь ау кореспонденте респективе сау ын лимба булгарэ сау ын чя украинянэ.

Май тырзиу проблема датэ есте сепаратэ де ынтрегул комплекс де кэстиунь привинд инфлюенца славэ ын женерал. Унул дин студниле, апречияте позитив де контемпорань³ ши кяр де черчетэторий де май тырзиу⁴, ын каре пентру прима оарэ се фаче ынчеркаря де а елaborа унеле критерий де идентификаре а елементелор ест-славэ, есте «Die russischen und polnischen Elemente im Rumänischen» де Х. Брюске⁵.

Че-й дрепт, пынэ ла ачаста проблема ын кэстиуне а фост дискутатэ ын унеле лукрэры май пүчин ынсемнате⁶.

Пынэ ын презент проблема датэ а фост черчетатэ суб диферите аспекте ын нумероасе студий ши артиколе. Черчетэторий с'ау окупат ын спечиал де ымпрумутуриле лексикале де орижине ест-славэ, ачестя финнд привите суб аспект женетик ши историк⁷.

¹ Fr. Miklosich. Die slavischen Elemente in Rumänischen. Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. klasse, Bd. XIII, Wien, 1861.

² Везъ: Fr. Miklosich. Beiträge zur Lautlehre der rumänischen Dialekte. Konsonantismus, II. Wien, 1883, Sitzungsberichte der phil.-hist. Kl. d. Kais. Akad. d. Wissenschaft, CII.

³ Везъ: «Arhiva», XXIX (1922), № 4, паж. 553—555 (речензие де Маргарета Штефэнеску).

⁴ Везъ: М. В. Сергиевский. Молдаво-славянские этюды. М., 1959, паж. 67; V. Vascenco. Elemente slave răsăritene. „SCL”, ап. X (1959), № 3, паж. 395.

⁵ Публикат ын „Jahresbericht des Instituts für rumänischen Sprache“ (Rumänisches Seminar zu Leipzig), XXIV—XXIX (1922), паж. 1—66.

⁶ Везъ: C. von Sanzewitsch. Die russischen Elemente romanischen und germanischen Ursprungs im Rumänischen, Jahresbericht des Instituts für rum. Spr. II (1895), паж. 193—214; A. Scriban. Observații privitoare la influența limbii rusești asupra celei românești. Revista idealistă, an I (1903), т. II.

⁷ Н. Г. Корлэтяну. Изучение вопросов славяно-молдавских языковых взаимоотношений (тезисы). Региональное совещание по молдавско-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям. Кишинев, 1963, паж. 38.

Принтре кестиуниле абордате аич се пот менциона: периодизаря ымпрумутурилор ест-славе, аспектул фонетик ши структура лор морфологикэ ши, ын легэтурэ ку ачаста, критерилил де идентификаре ши локул лор принтре ымпрумутуриле славе ын женерал, сфера ноциунилор привинд ачесте ымпрумутурь ш. а. м. д.

Нумероасе студий консакрате инфлюенцей ест-славе ау апэрут ын ултими 15 ань⁸. Проблема датэ а фост де асеменя объектул де студиу а трей тезе де кандидат⁹.

Ши аич, ка ши ын лукрэриле апэрүте май ынаинте, атенция есте концентратэ апроапе ексклюсив асупра ымпрумутурилор де ордин лексикал. Лукруриле се експликэ ушор, дакэ цинем сама де фактул кэ инфлюенца дин партя лимбий ест-славе, де алтфел ка ши инфлюенца дин партя орькэрай алте лимбъ, се екзерчите. ын примүл рынд, ын сфера лексикулуй, кэч ымпрумутуриле лексикале се афлэ май ла супрафацэ. Черчетаря ымпрумутурилор лексикале де орижине ест-славэ ын план историк ши женетик аре о деосебитэ импортацэ пентру кларификаря проблемей легэтуррилор историче динтре попоареле романиче де ест ши челе ест-славе. Еле, ынсэ, ну контрибуе ла елучидаря кестиунилор привинд механизмул контактулуй динтре лимбъ. Ор, контакtele динтре лимбъ адеся ау урмэрь май адынчъ декыт симплул ымпрумут лексикал. Контакtele де лунгэ дуратэ динтре лимбъ, адеся кяр нэйнрудите, ау дрепт урмаре апариция ын лимбile контактанте а унор трэсэтурь структурале комуне. Де екземплу, лимбile балканиче, деши ну сынт женетик апропияте, даторитэ контактулуй ынделунгат, ау дезволтат унеле феномене комуне. «Конкордан-целе ромыно-балканиче, — скрие И. Иордан, — сынт нумероасе ши адеся фоарте избитоаре»¹⁰.

Ын рефератул комун привинд проблема интеракциуний динтре лимбile попоарелор УРСС (ауторы: Ю. Д. Дешериев, Н. Г. Корлэтяну, И. Ф. Протченко), читит ла конферинца консакратэ интерференцей ши ымбогэцирий речипроче динтре лимбile попоарелор УРСС (Казан, 1964) се спуня, кэ ын презент уна дин челе май актуале проблеме але лингвистичий советиче есте студиеря, суб тоате аспектеле, а рапортуррилор динтре нумероаселе лимбъ але попоарелор УРСС ын план де интеракциуне ши де ымбогэцире речипрокэ. Проблема датэ требуе студиятэ дин тоате пункте де ведере, цининд сама атыт де латура методологи-

⁸ Вэзы: «Библиография привинд инфлюенца ест-славэ» ын: «Восточнославянно-молдавские языковые взаимоотношения», И. Кишинев, 1961.

⁹ Л. И. Лухт. Некоторые особенности взаимодействия молдавского и русского языков в области лексики. Л., 1952; В. В. сченко. Восточно-славянские заимствования в румынском языке. Л., 1958; С. В. Семчинский. Лексические заимствования из русского и украинского языков. Киев, 1958.

¹⁰ I. Iorga. Structura gramaticală a limbii române, „Studii și cercetări lingvistice”, 1964, N 5, паж. 566.

кэ. теоретикэ, каре се реферэ да тоате лимбile попоарелор УРСС, кыт ши де латура практикэ, ачаста привинд дезволтаря уней лимбъ ын парте¹¹.

Нечеситати студиерий ачстей проблеме реесе дин ситуация каре се креазэ ын легэтурэ ку ноиле рапортурь че се стабилеск ынтрe попоареле статулай социалист мултинационал: «Интеракциуня динтре лимбile попоарелор УРСС ши ымбогэциря лор речипрокэ реесе ын кип ложик дин лежитатя де интеракциуне ши де ымбогэцире речипрокэ а нациилор ши националитэцилор социалисте, а културилор лор. Скимбул ларг де куноштинце привинд штиинца, политика, техника, ымпэртэширия сукчеселор ын рамура литературий динтре попоареле УРСС се рэсфрынг ын прочеселе де интеракциуне ши де ымбогэцире речипрокэ а лимбилор»¹².

Астээзь, ынд ынтрe пуртэторий лимбилор контактантэ екзистэ ной рапортурь, детерминате де ноиле кондийи але сочиетэций социалисте, унде тоате националитэциле се букурэ де дрептурь егале, ышь скимбэ карактерул ши контакtele динтре лимбъ: локул стрымторэрий ши асимилэрий лимбилор национале де кэтре лимба нацией доминанте ын сочиетатя де класэ е луат ла ной де колабораря динтре лимбъ, де дезволтаря ши ымбогэциря речипрокэ а тутурор лимбилор национале.

Ын прочесул ачста де консолидаре а нациилор советиче ши де апропиере а лимбилор национале үн рол деосебит ыл жоакэ лимба русэ. Лимба русэ екзерчтэ о инфлюенцэ путерникэ асупра тутурор лимбилор попоарелор УРСС, контрибуинд ла дезволтаря лексикулуй, сервинд дрепт катализатор пентру активизаря унор феномене лингвистиче, че се концин потенциал ын лимбэ, ажутинд лимбile национале сэ-шь мобилизезе ла максимум проприиле сале сурсе. Инфлюенца ачста е симцитэ кяр де унеле дин лимбile цэрилор лагэрулуй социалист. Лингвистул булгар Л. Андрейчин скрие ын легэтурэ ку ачста, кэ ын презент лимба русэ ажутэ лимба булгарэ ын дезволтаря са ка лимбэ а нацией социалисте... Суб инфлюенца практичий лимбий русе ын лимба булгарэ контемпоранэ апар нумероасе кувинте ши експрессий, формате, де челе май мулте орь, дин материал ынтрe тутул куноскут (унеорь ачстя сынт кяр кувинте векь гата прин форма лор), дар

¹¹ Ю. Д. Дешериев, Н. Г. Корлэтяну, И. Ф. Протченко. Основные теоретические и практические вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР в советскую эпоху. Тезисы докладов конференции, посвященной вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. Казань, 1964, паж. 6. Везь де асеменя: И. К. Белодед, Е. А. Бокарев, С. К. Кенесбаев, Н. Г. Корлэтяну. Русский язык—язык межнационального общения народов СССР. Вопросы развития литературных языков народов СССР (Материалы Всесоюзной конференции, Алма-Ата, ноябрь, 1962 г.). Алма-Ата, 1964, паж. 47.

¹² Тот аколо.

каре експримэ ноциунь ной дин сфера коңструкцией социалисте, дин сфера де вяцэ ши де рапортурь динтре оамень ын сочиетатя социалистэ¹³.

Сервинд ка мижлок де комуникаре ынтрэ нацииле дин УРСС, лимба русэ есте ынсушитэ де репрезентанций ачестор наций, каре стэпынек де мулте орь ын ачеяш мэсурэ, пе лынгэ лимба матернэ, ши лимба русэ.

Ын легэтурэ ку ноиле рапортурь каре се стабилеск ынтрэ лимбile национале дин УРСС, проблема контактелор лингвистиче капэтэ ун алт аспект, каре пуне ын фаца лингвистичий советиче ной кестиунь.

* * *

*

Проблема инфлюенцей ест-славе (е ворба, ын фонд, де инфлюенца русэ) асупра лимбий молдовенешть, ла етапа актуалэ, требуе черчетатэ суб доуз аспекте: ын план де инфлюенцэ ла нивелул граюрилор териториале, пе де о парте, ши ын план де инфлюенцэ ла нивел де лимбэ литерарэ, пе де алтэ парте.

Ла нивелул диалектал инфлюенца ачаста поате фи дестул де путерникэ. Ын урма липсей унуй контрол дин партя нормей, челе доуз системе лингвистиче се пот кяр ынтрепэтрунде. Де пе урма студиерий ачстей инфлюенце се пот фаче конклузий фоарте импортанте пентру проблема контактелор ын план де лингвистикэ женералэ, кэч контакtele лингвистиче ла нивелул граюрилор популаре «дук ла апариция унор форме интересанте ши вариите де контаминэрь, ла реетимоложизэрь, ла ымпрумутурь де мижлоаче граматикале, ла креаря унор дублете ын лексик ши ла о серие де алте феномене де ынтрепэтрундере (сай де инфлюенцэ унилатералэ)»¹⁴.

Импортанца студиерий интеракциуний лингвистиче ла нивелул де граюрь териториале е сублиниятэ ши де комисия диалектологикэ чехословакэ, каре сокоате, кэ проблема ачаста паралел ку интеракциуня динтре лимбъ, есте уна дин челе май импортанте¹⁵.

Студиеря инфлюенцей лимбий русе асупра лимбий молдовенешть ла нивел диалектал есте импортантэ ши прин фаптул кэ аич еа (инфлюенца) поате фи сурпринсэ ла стадий диферите. Фаптул кэ ачест контакт (динтре лимба молдовеняскэ ши лимба русэ) я пропорций диферите де ла ун грай ла алтул — ел е май

¹³ Везь: «Славяне», 1953, № 9, паж. 38 (читат дупэ: «Вопросы развития литературных языков народов СССР». Алма-Ата, 1962, паж. 45).

¹⁴ E. Vrăbie. Stadiul actual și sarcinile cercetării grauriilor slave din R.P.R., „Romanoslavica”, № 7 (1963), паж. 63.

¹⁵ Об общеславянском лингвистическом атласе. «Вопросы языкоznания», 1961, № 2, паж. 63.

stryinc (май путерник) ын унеле граюрь (де регулэ, ын челе маржинале), май модерат ын алтеле, финнд slab де тот ын челелалте, — пермите сэ фие екзаминате симултан май мулте стадий але ачелуяш контакт.

Даторитэ интерференцей адынчъ де системе а лимбилор контактант, каре поате фи урмэритэ ла нивелул граюрилор, студиеря ачестя не поате ажута сэ не фачем о имажине апроксимативэ деспре старя де билингвизм дин периода веке. Ор, астэзъ ун астфел де билингвизм ну поате фи урмэрит (чел пущин ын кадрул лимбилор дин УРСС) ла нивел де лимбъ литераре, дат финнд фаптул кэ тендинцеле де унификаре ши де консолидаре а лимбий ымпедикэ дезволтаря фиряскэ а ачестей интерференце, ну-й пермите сэ капете пропорций марь.

Интерференца лингвистикэ ла нивелул граюрилор териториале, даторитэ фаптулуй кэ ну е стрымторатэ де нормэ, се манифестэ май дин плин. Деачея студиеря ачестя поате ажута ла ынтреведеря ын линий марь а унор тендинце ын лимбэ, каре се пот реализа май тырзиу, ын урма интенсификэрий интерференцей.

Пентру граюриле молдовенешть путерник инфлюенцате де лимба русэ сынт карактеристиче (е ворба де граюриле лимитрофе), ын линий марь, урмэтоареле.

Е фолосит ун нумэр фоарте маре де елементе лексикале, каре вин сэ дублезе елементеле респективе дин лимба молдовеняскэ (*поезд, винок, конюшни, слон, карандаш, слой, катушкэ, повидлэ, самохон, драницэ, ухажор, кухни, повар, шляпы, урожай, дом, здание, коровник, простой, квартирэ, голубой* ш. а.). Қыт привеште терминология дин челе май фелурите сфере де активитате, ачаста, ын ынтрежиме, е чя дин лимба русэ (*подшипник, руль, форсункэ, болт, прицэп, потяшкэ, врач, накол, санитаркэ, грелкэ, полномоченый, председател, правление* ш. а.). Сынт фолосите пе ларг ну нумай субстантиве, каре се ласэ ушор ымпрумутате. Қяр о маре парте де вербе дин лимба русэ капэтэ терминацииле респективе але вербелор молдовенешть (*а ництожи, любеште, се занимаеште, не находим, а се простуди, служеште, сторожеште, выдумаеште, смотреште*¹⁶ (пе чинева) ш. а.). Де челе май мулте орь кувинтеле ачестя формязэ синониме адеквате ку челе молдовенешть респективе. Дат финнд фаптул кэ лимба ну суферэ синониме абсолют идентиче, кувынтул молдовенеск е дат уйтэрий (трече ын вокабуларул пасив), ын чиркулацию рэмьынынд доар кувынтул ымпрумутат.

Ын чея че привеште системул фоноложик аич де асеменя ау лок унеле скимбэрь. Астфел вокала о неакчентуатэ ын граюл

¹⁶ Ачеста презинтэ о формации молдовеняскэ, ла база кэрэя стэ императивул русеск: *смотрим на меня!*

молдовенеск респектив ынчепе сэ се ростяскэ ка ши ын лимба русэ, апропиинду-се мулт де *a (народ, паход ш. а.)*. (Ын скимб э, кяр ын кувинте русешть е ростит мулт май дескис, декыт чел русеск.) Консоанеле, финнд урмате де препалаталеле *и, е*, се ростеск пущин палатализат ш. а. м. д.

Пентру синтаксэ сынт карактеристиче унеле конструкций, каре ле копие пе челе русе респективе. Пропозицииле се конструеск ын мулте казуръ конформ топичий лимбий русе.

Сынт рэспындице унеле калкуръ дупэ моделе русешть де типул: *кум вяца, кум сэнэтатя, дэ чинч ш. а.* Ын пропозиции сынт фолосите адеся унеле кувинте ынтродусе де фелул луй *конешно, понимаеш, значит*. Ау пэтрунс унеле компараций, каре ау аич май мулт функция унуй адверб: *как часы, как по маслу ш. а.* Қынд ын пропозиции е фолосит үн проверб русеск, о максимэ, ачестя апар ын ынтрежиме ын форма лор русяскэ.

Ын ворбира аре лок үн аместек де елементе а чөлөр доуэ лимбъ (*унде те находешь, ку че те занимаешь?*) ши ын прочесул конверсаций се трече ушор де ла о лимбэ ла алта.

Деши лимба литерарэ есте ши еа инфлюенцатэ дин партия лимбий русе, пэтрунзынд ши аич үн нумэр ынсемнат де елементе де орижине ест-славэ, тотуш, ын компарацие ку граюриле лимитрофе, инфлюенца есте мулт май модератэ, даторитэ нормелор лимбий, каре лимитяэзз оарекум пэтрундеря елементелор дин алте лимбъ. Пентру споририя вокабуларулы лимба литерарэ апеллязз, де регулэ, ла сурселе сале проприй.

Ла ликидаря ачестей руптурь динтре грай ши лимбэ литерарэ требуе сэ интервии култиваря лимбий, каре аре скопул де а ридика ачест грай лимитроф ла нивелул лимбий литераре, ор, ачаста се поате реализа прин стэвилия пэтрундерий елементелор суперфлюе ши прин адучеря диалектелор ын кореспонденцэ ку нормеле лимбий литераре.

* * *

Ынтр'ун мод ку тотул диферит се презинтэ контактул динтре лимба молдовеняскэ ши лимба русэ, ачестя финнд привите суб аспект де лимбъ литераре.

Ын кондицииле уней цэрь мултинационале е невое де о лимбэ де уз женерал, каре ынде плинеште ын асеменя казуръ ролул унуй мижлок де комуникаре ынтре тоате нацииле. Ачаста, де регулэ, е лимба нацией, каре се евиденциязз принтре чөлелалте наций дин пункт де ведере экономик, социал, политик, дин пунктул де ведере ал нумэрулуй ворбиторилор. Де регулэ, лимба датэ е ворбитэ де чөл май маре нумэр де ворбиторь. Еа есте ынсушитэ ши

фолоситэ паралел ку лимба респективэ националэ, репрезентанций кэрэя девин ын фелул ачеста билингвь (прин терминул де билингв се ынцележе аич ворбиторул, каре стэпынеште ши фолосеште курент доуэ лимбь).

Ын сочиетатя де класэ ши де субжугаре а уней наций де кэтре алта лимба нацией доминантэ стрымторязэ челелалте лимбь дин мажоритатя сферелор де ынребуинцаре, лимитынду-се десеорь ла ролул унор лимбь де фамилие. Урмаря билингвизмулай ын асеменя ситуаций есте ревенирия ла монолингвизм, нумай кэ де дата ачаста ын жалитате де мижлок де комуникаре е фолоситэ лимба нацией доминантэ.

Алта е ситуация ын кондицииле сочиетэций фэрэ класэ, ын кондицииле ынди липсеште антагонизмул динтре наций. Аич ын-сушия лимбий де уз женерал аре лок паралел ку пэстрагя интактэ а лимбий национале, амбеле авынд дрептурь егаль ын ынребуинцаре. Ын кондицииле Униуний Советиче, де екземплу, билингвизмул (стэпынирия паралелэ а лимбий национале ши, де обичай, а лимбий русе) есте ун результат ал колаборэрий де бунэ вое а попоарелор либере ши егаль ын дрептурь, легате прин релаций де приетение ши де ажутор речипрок ын сфера экономики, спиритуалэ, историкэ ши культуралэ. «База идеологикэ а ачестий билингвизм есте интернационализмул пролетар, политика ленинистэ де паче ши приетение динтре попоаре. Есенца теорией марксист-ленинисте деспре наций ши а политичий национале, базате пе ачастэ теорие, констэ ну ын акцептая ши ын абсолютиза-ря унилатералэ а спецификалы национал, чи ын сусцинеря а тот чея че дуче ла апропиеря ши ла ынтуририя нациилор ын виитоаря сочиетате комунистэ мондиалэ»¹⁷.

Старя ачаста де билингвизм ын сочиетатя советикэ, детерминатэ де нечеситатя виталэ ын кондицииле статулай социалист мултинационал ну ёксклуде, чи, димпотривэ, пресупуне о крещете фуртуноасэ ши о дэзволтаре атыт а лимбий национале литераре, кыт ши а лимбий де стат комуне пентру тоате нацииле¹⁸.

Ын легэтурэ ку ачаста савантул советик М. Д. Камари менционязэ, кэ лимбile национале вор коекзиста паралел ку лимба де уз женерал, комунэ пентру тоате нацииле, суте де ань, ын орьче каз еле вор коекзиста атыта тимп, кыт попоареле респективе вор гэси де кувинцэ сэ се фолосяскэ де еле. Де факт,—спу-не ел, — ын сочиетатя социалистэ ши ын чя комунистэ н'аре рост сэ се пунэ проблема диспарицией лимбилор национале, сау сэ се

¹⁷ О. П. Суинин, Ю. Д. Дешериев, К. М. Мусаев, Э. Г. Туманин. Проблема двуязычия народов СССР. Тезисы докладов конференции, посвященной взаимодействию и взаимообогащению языков народов СССР. Казань, 1964, паж. 19—20.

¹⁸ Вэль: «Вопросы развития литературных языков народов СССР», паж. 212.

ее аnumите мэсуръ пентру а атинже ачест скоп, деоарече паралел ку лимбile национале респективе попоареле вор поседа о лимбэ уникэ, комунэ пентру тоате нацииле¹⁹.

Авынд ачеляшь функций (фииннд лимбэ де стат, лимба школьий, пресей, штиинцей; литературий, артей ш. а. м. д.) атыт лимба националэ (ын казул ностру — лимба молдовеняскэ), кыт ши лимба русэ респектэ аnumите норме ши ну адмите ынкэлкаря лордин партя челеялalte. Аич е о ситуация ынtru тотул диферитэ де ачяя а интерференцей ла нивелул граюрилор териториале. Спре деосебире де ситуация дин граюарь, унде системеле челор доуэ лимбъ се ынтрапэтрунд, трекынду-се де ла о лимбэ ла алта ын прочесул де ворбирае, аич ворбиторул билингв требуе сэ респекте нормеле лимбий молдовенешть, кынд ворбеште молдовенеште ши нормеле челей русе, кынд ворбеште русеште.

Ла нивелул лимбий литераре сынт лимитате ымпрумутуриле лексикале динтру'о лимбэ ын алта, ын компарацие ку челе дин граюриле териториале. Аич ну се адмит дублете але кувинтелор екзистенте де акум ын лимбэ, ка ын граюриле лимитрофе, путерник инфлюенцате де лимба де контакт. Кувынтул ноу апаре аич нумай атунч кынд де ел се симте неапэратэ невое. Дар ши атунч, де регулэ, се фолосеск сурселе проприй дин лимба респективэ. Аич, ын урма контактулай, даторитэ инфлюенцей унея дин лимбъ асупра алтея (е ворба де инфлюенца лимбий русе асупра челей молдовенешть), суб имбодул ачестея (дин нечеситатя де а реда аnumите кувинте сау конструкций ной, ачестя апарцинынд лимбий, дин партя кэрэя се екзерчитэ ачастэ инфлюенцэ) капэтэ рэспындире ларгэ аnumите мижлоаче де формаре а кувинтелор, пынэ атунч непродуктиве сау пүчин продуктиве.

Норма лимбий ну пермите де асеменя конфундаря системелор фоноложиче але лимбилор контактантэ.

Үн систем фоноложик е фолосит атунч, кынд се ворбеште молдовенеште, ши алтул — кынд се ворбеште русеште. Фонемул, авынд унеле трэсэтуры спечифиче ын лимбile контактантэ, требуе бине диференцият, кынд се ворбеште ынтр'о лимбэ сау ын алта (де алтфел системеле фоноложиче але челор доуэ лимбъ — молдовеняскэ ши русэ — концин пүчине фонеме, че ле деосебеск). Ын легэтурэ ку ачаста, требуе евитатэ, бунзоарэ, ростирия палаталэ а консоанелор урмате де препалаталеле и сау е атунч кынд се ворбеште молдовенеште (де екземплу, *нимень* ну *н'име*, *динте* ну *д'инг'е*). Димпотривэ, ea се чере пэстратэ ын лимба русэ: *н'икто, т'ен* (кондамнынду-се ростирия непалаталэ а ачестора, кум о аузим адеся ла репрезентанций алтор наций). Де асеменя требуе респектатэ дистинкция динтре фонемеле *ы*, э дин лимба молдовеняскэ, пе де о парте, ши фонемеле *ы*, э дин лимба русэ,

¹⁹ Тот аколо, паж. 97—98.

ле де алтэ парте, ка ши динтре алте фонеме спечифиче пентру уна дин лимбилие дате.

Ынвэцаря лимбий русе де кэтре молдовене импликэ унеле дификултэць ын чеа че привеште ынсушия структурий ачестея. Субпресиуня структурий лимбий матерне, ворбиторул молдован, экспримынду-се ын русеште, фолосеште десеорь конструкций, каре дупэ структурэ аминтеск конструкцииле респективе молдовенешть. Астфел, конструкция *он его хватает с рукой* (корект: *он хватает его рукой*) — концине ын композиция са о препозиции, финнд форматэ дупэ моделул молдовенеск: *ел ыл апукэ ку мына*; пропозиция: *я имею один мешок* (корект: *у меня есть мешок*) се-конструеште ку ажуторул вербулуй *а авя* ши ну ку ал луй *а фи*, деоарече е конструйтэ дупэ моделул молдовенеск, каре ыл концине пе *а авя* (*у я ун сак*); ынтребаря: *с откуда идешь?* се конструеште ку препозициие, пентру кэ еа есте ын чя молдовеняскэ: *де унде вий?* ш. а. м. д.

Ын ворбирая русяскэ асеменя конструкций сынт грешите, деоарече еле презинтэ о ынкэлкаре гравэ а нормелор лимбий русе.

Тот атыт де кондамнабиле сынт ши унеле ымбинэрь сау конструкций апэрүте пе терен молдовенеск, прин имитаря унор конструкций дин лимба русэ, дар каре ну кадрязэ ку нормеле лимбий молдовенешть. Принтре ачестя пот фи читате ымбинэрь де типул: *кум вяца?* — дупэ русескул: *как жизнь?*, *дэ чинч* — дупэ рус. *дай пять!*, *ку сэрбэтоаря* — *с праздником*; *ку анул ноу* — *с новым годом* ш. а. м. д.

Ачелааш лукру се поате спуне ши деспред конструкцииле каре пэстярзэ вэдит ампрента лимбий русе. Принтре ачесте юнструкций ка «*у луй а спус* (= *у й-ам спус*) фэрэ реприза пронумелуй ши фэрэ терминация персоналэ ла верб ка ши ын лимба русэ (*я ему сказал*); *ла тине сынт бань?* дупэ русескул *у тебя есть деньги?* ш. а. м. д.

Де аич ынсэ ну реесе кум кэ лимбилие контактантэ ла нивелул де лимбь литераре ну май супортэ нич о инфлюенцэ уна дин партия алтея. Куноаштеря ши рэспындирия ларгэ а лимбий русе ла чалелалте националитэць «контрибуе ла ымбогэцирия речи-прокэ, ла дэзволтаря посибилитэцилор креатоаре але лимбилор попоарелор дин УРСС, а спечификулуй интерн ши а акумулэрий де элементе комуне. Трэсэтуриле ачестя карактеристиче пентру рапортурите интерлингвистиче советиче конституе уна дин чале май де базэ ши май импортантэ лежитэць де дэзволтаре а лимбилор национале але попоарелор УРСС ын прочесул де конструкциие а сочиетэций комунисте»²⁰.

²⁰ И. К. Белодед, Е. А. Бокарев, С. К. Кенесбаев, Н. Г. Корлэтияну. *Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. «Вопросы развития литературных языков народов СССР»*. Алма-Ата, 1962, паж. 46.

Дин лимба русэ, ау фост ымпрумутате нумероасе кувинте ной (колхоз, спутник, луник, райком). Дин лимба русэ се ымпрумутэ ну нумай субстантиве, категорий че се претязэ, де регулэ, ла ымпрумут. Даторитэ контактулуй стрынс ку лимба русэ, дин ачаста се ымпрумутэ кяр унеле вербе (комп.: *а большевиза*—*большевизировать*, *а броня* — *бронировать*, *а брэкуи* — *браковать* ш. а.). Прин интермедиул лимбий русе пэтрунд, де алтфел, каши май ынаните, нумероасе кувинте де алте орижинь, ынсушите де лимба русэ.

Ворбинд ынсэ де ымпрумутурь проприу-зисе, требує сэ се цинэ самэ де фаптул кэ «лимба де обычай ынсушеште дин афарэ нумай чея, че ый есте нечесар, ши ачаста, фэрэ ындоялэ, о ымбогэцеште». Че-й дрепт, унеорь се ымпрумутэ ши унеле мижлоаче синониме, де челе май мулте орь кувинте. Ынсэ одатэ ку апариция а доуэ сау май мулте синониме, де регулэ, ынтрэ еле ынчепе конкуренца, ын урма кэрея се аклиматизязэ унул дин еле — фие чея вея, фие чея ноу, — яр чеялалт трептат есе дин уз сау ка-пэтэ о ынтребуинцаре диференциятэ дин пункт де ведере стилистик. «Лимба н'аре невое де синониме абсолюте, еле н'о ымбогэцеск, чи о сэрэческ ши деачея лимба тинде сэ скапе де еле»²¹.

Де обычай, пентру а реда о ноциуне ноуэ, импусэ де контактул ку о лимбэ оарекаре, се апелязэ ла мижлоачеле проприй²². Астфел, даторитэ нечеситэций де а реда ануимите категорий де кувинте дин лимба русэ, денумирь де ноциунь ной, ын лимба молдовеняскэ с'ау активизат о серие де прочедее де формаре з кувинтелор, пущин продуктиве май ынаните сау ынвеките. Унеле динтре ачесте мижлоаче ау кэпээтат валорь ной, пе каре ну ле-ау авут пынэ ла контактул ку лимба русэ. Астфел, суб инфлюенца субстантивелор ын -ость дин лимба русэ, каре, де регулэ, комуни-кэ субстантивулуй ун сенс абстракт, фиинд карактеристик май алес пентру терминий штиинцифич, ын лимба молдовеняскэ ка-пэтэ о рэспындире ларгэ субстантивеле ын -тате (*вероятность* — *пробабилитате*, *оперативность* — *оперативитате*). Кувинtele ру-сешть ку ачест суфикс сынт редате ын молдовенеште, че-й дрепт, ши прин алте мижлоаче, ын парте, прин алте суфикс²³. Презинтэ интерес ын ачастэ привинцэ конструкция форматэ ку ажуторул кувынтулуй карактер (*категоричность* — *карактер категорик*, *дисциплинированность* — *карактер дисциплинат*, *органичность* — *карактер органик*, *позитивность* — *карактер позитив* ш. а.). Де-ши ынсушь моделул ну презинтэ ун калк дин лимба русэ, фиинд

²¹ «Вопросы развития литературных языков народов СССР», паж. 358.

²² Везь: Н. Г. Корлэти и др. Ымбогэцирия вокабуларулуй молдовенескын периода советикэ. «Восточнославянно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961, паж. 15.

²³ Тот аколо.

ун модел ын спиритул лимбилор романиче (комп. ын легэтурэ ку ачаsta конструкция дин лимба франчезэ екивалентэ ка сенс: *partийность — esprit de parti, примиренчество — esprit de conciliation*), апариция луй се датореште нечеситэций де а реда ын молдовенеште о категорие ануmitэ де кувините дин лимба русэ.

Ачелеяш нечеситэць се датореште де асеменя ши активизаря алтор мижлоаче де формаре а кувинителор ын лимба молдовеняскэ, ын парте а суфикселор: *-име, -ит, -эрие* ш. а.

Ын ануmitе казурь, прин интермедиул унор формаций, вените дин лимба русэ, с'ау ымпрумутат кяр унеле мижлоаче ру-сешть де формаре а кувинителор. Астфел, прин интермедиул унор ымпрумутурь дин лимба русэ ын *-овец, -овцы* (*динамовец, тимуровцы, спартаковцы*) десчендентул ачестуй суфикс *-овист, -овишишь* ынчепе сэ фие фолосит ын лимба молдовеняскэ, че-йдрепт, деокамдатэ нумай ын формацииле респективе ымпрумутате (*динамовишишь, спартаковишишь, тимуровишишь* ш. а.), дешимай обишиниите пентру лимба молдовеняскэ ар пэря формеле: *спартакишишь, динамист*²⁴.

Суб инфлюенца лимбий русе с'ау активизат ын лимба молдовеняскэ унеле прочедеe де формаре а кувинителор прин компунере: се фаче о калкиере а кувинителор дин лимба русэ. Бунэоарэ, прин имитаря типулуй де кувинте компусе дин лимба русэ, ын компоненца кэрора ынтрэ *само-* (типул *самообслуживание*), ын лимба молдовеняскэ ау кэпэтат рэспындире ларгэ астфел де кувинте компусе ка, бунэоарэ: *автоактивитате — самодеятельность; аутокырмуире — самоуправление; аутобичуире — самобичевание; аутолэударе — самовосхваление; аутокритикэ — самокритика; аутоинструире — самообразование; аутовнкэлзире — самонагревание* ш. а.

Е ши аич ун каз, ынди суб инфлюенца лимбий русе капэтэ о дэзволтаре ларгэ о структурэ романикэ.

Алт тип дин категория кувинителор компусе; даторит де асеменя лимбий русе, есте чел че имитэ кувинителе компусе русешть, прима парте компонентэ а кэрора есте *все-* (типул *всепобеждающий*): *атотптерник — всесильный; атотшиутор — всезнающий; атоткупринэтор — всеохватывающий; атотбируитор — всепобеждающий; атотнородник — всенародный* ш. а..

Тот ун результат ал инфлюенцей русе сынт ши кувинителе компусе дин доуэ субстантиве де типул: *пилот-космонавт — летчик-космонавт, пилот-экспериментатор — летчик-испытатель; борт-механик — борт-механик; мамэ-ероинэ — мать героиня* ш. а. Ымпрумутуриле ачестя каре президентэ, де факт, ниште калкурь

²⁴ Май амэнунцит вээз: С. Бережан. Ун суфикс хибрид, «Культура Молдовей», 1964, 17 сентябрье.

дупэ моделеле русешть респективе ворбеск деспре ун контакт фоарте стрынс динтре лимбile дате, кондиционат де ноиле рапортурь динтре нацииле социалисте. Ноиле рапортурь социале контрибуе ла апариция де кувинте ной, де сенсурь ной, еле ау дус ла о ынноире симцитоаре а лексикулуй лимбий, ау стимулат лэржирия капачитэцилор де формаре а кувинтелор, ау контрибуит ла активизаря мултор афикссе непродуктиве сау пүчин продуктиве ш. а. м. д.

Унул дин факторий каре контрибуе ла апрониеря динтре лимбile контактантэ (ын казул ностру лимба молдовеняскэ ши лимба русэ) е нумэрул маре де традучерь привинд литература политикэ ши штиинцификэ. Лимба дин каре се традуче аре ун ануимт спечифик, пе каре ну-л поседэ лимба ын каре се традуче (ачаста, ла рындул сэу, авынд трэсэтуры спечифиче индивидуализатоаре). Пентру пречизия традучерий е невое сэ фие гэсит өківалентул аутентик ал ноциуний дин лимба дин каре се традуче. Ор, лексикул, конституинд ун систем спечифик пентру фиекаре лимбэ, традучеря динтру'о лимбэ ын алта импликэ де мулте орь унеле инноваций. Иновацииле ачестя привеск май мулте компартиименте але лимбий.

Лукрул ачеста аре лок, ын примул рынд, ын сфера семантикэ а чөлөр доуэ лимбь. Де обичей, структура семантикэ а кувинтелор дин доуэ лимбь ну коинчиде. Ачаста се поате ведя ушор, анализынд ануимите артиколе динтру'ун дикционар билингв. Астфел, кувынтул *пэдуре* дин лимба молдовеняскэ аре ын калитате де кореспондент русеск кувынтул *лес*. Дар ачеста дин урмэ аре ын лимба русэ ши ун алт сенс, каре е редат ын молдовенештэ прин кувынтул *лемн* (*строительный лес* — *лемн де конструкции*). Пе де алтэ парте, кувынтул *лемн* (*лемне*) дин лимба молдовеняскэ ый кореспунде ын русеште унитатя лексикалэ *дррова* ш. а. м. д.

Ын фелул ачеста пентру фиекаре лимбэ ын парте е карактеристик ун ануимт мод де а кончепе о ноциуне, де а о лега де алтеле, де а стабили ануимите рапортурь динтре еле ш. а. м. д. Ануиме аич се оглиндеште фелул спечифик де а кончепе реалитатя, ел фиинд индивидуал пентру фиекаре колективитате лингвистикэ. Деачея а ынвэца о лимбэ стрэйнэ ну ынсямнэ а мемориза, а ынсуши етикета респективэ пентру фиекаре кувынт дин лимба матернэ. Аич ар требуи ынсушит фелул спечифик пентру фиекаре лимбэ де а кончепе лукруриле дин лумя реалэ, релацииле объективе динтре еле.

Унитатя веций экономиче, социале ши политиче а попоарелор УРСС, фолосиря лимбий русе де рынд ку лимба националэ фаче сэ се активизезе прочесул де нивеларе а структурий семантиче а кувинтелор дин челе доуэ лимбь контактантэ. Прочесул ачеста

де «нивеларе» а структурой семантиче а кувинтелор молдовенешишь дупэ унитэциле лексикале респективе русе есте дестул де актив астэзь. Е ун фел де ымпрумут ши ел, нумай кэ е ворба де ун ымпрумут семантик. Кувынтул молдовенеск, де обичей моносемантик, суб инфлюенца кувынтулуй полисемантик рус ышь асумэ ши челелалте сенсурь але ачестуя дин урмэ, тинзыннд, аст-фел, сэ девинэ ун екивалент адекват ал ачестуя. Де екземплу, вербул *a суна* дин лимба молдовеняскэ ышь аре дрепт кореспондент ын лимба русэ вербул *звонить*. Дат фиинд фаптул кэ ачеста дин урмэ аре ши сенсул де «*а да ун телефон*», «*а телефона*», *a суна* дин лимба молдовеняскэ ворбитэ, прин аналогие, капэтэ ши ел ачест сенс. Ел поате фи урмат кяр де ун комплемент индирект: *й-ам сунат луй Ион*.

Даторитэ кореспондентулуй рус *прорабатывать*, вербул молдовенеск *а прелукра*, дупэ структура семантике а примулуй, капэтэ ши сенсул де «*а студия*», «*а анализа*»²⁵ ынтр'ун контекст ка: *ла семинар а фост прелукратэ инструкция; а фост прелукрат ун капитол...* Ын лимба ворбитэ вербул молдовенеск *а прелукра*, суб инфлюенца *вёрбулуй прорабатывать*, капэтэ ши сенсул де «*а дискута*», «*а критика пе чинева*».

Ын шкоалэ а кэпэтат рэспындире ларгэ кувынтул *ынсемнаре* ку сенсул де «*обсервации*» ын експресия *а фаче куйва ынсемнаре* (корект: *а фаче обсервации куйва*), каре се датореште де асеменя моделулуй русеск *делать кому-либо замечание*.

Прин имитаря структурой семантиче а кувынтулуй русеск *передавать*, вербул молдовенеск *а да*, каре аре май мулте сенсурь комуне ку ачеста, а кэпэтат ши валоаря семантике де «*а трансмите*» ын експресия *дэ-й комплименте де ла mine* (корект: *трансмите-й комплименте...*) прин калкиеря конструкцией русесшь *передай ему привет от меня*.

Кувынтул молдовенеск *туфэ* ын експресия *туфэ методикэ* а кэпэтат, суб инфлюенца русескулуй *куст* дин експресия *методический куст*, ши сенсул де «*ынтунире*».

Дин нечеситатя де а реда русескул *голосовать* а фост фолосит ымпрумутул май векь *а глэсси*, каре де дата ачаста шь-а ынсушит ши сенсул де «*а вота*». Кувынтул *пэтурэ* суб инфлюенца русескулуй *прослойка* капэтэ ши сенсул де «*класэ социалэ*» (*пэтурэ мик-бургэзэ*). Унитатя лексикалэ *орындуире*, инфлюенцатэ де русескул *строй* (общественный) капэтэ ши сенсул де «*формации социалэ*» (*орындуире капиталистэ*). Суб инфлюенца ымбинэрий де кувинте проводить *урок* дин лимба русэ, вербул молдовенеск

²⁵ Весь: С. Семчинский. Семантические заимствования из славянского языка в молд. яз., Региональн. совещ. по молд.-русско-укр. яз. литер. взаимосвязям (тезисы). Кишинев, 1963, паж. 74.

а петрече а кэпэтат ши сенсул де «а цине», ын экспрессия: а петрече о лекции (корект: а цине о лекции).

Десеорь ымпрумутул де сенс е легат де фаптул кэ унитатя лексикалэ респективэ девине термин (комп.: кувинтеле *кондучере, алипире*, каре се фолосеск астэзь ка терминъ лингвистичъ ши ачаста суб инфлюенца кувинтелей респективе дин лимба русэ: *управление, примыкание*).

Унеорь ынсушия ноулуй сенс де кэтре кувынтул молдовенеск, суб инфлюенца кувынтулуй русеек, есте легатэ де унеле модификэрь де ордин формал але ачестуя. Астфел аддективул *актив* дин лимба молдовеняскэ, суб инфлюенца русескулуй *актив* дин ымбинэриле де типул: *партийный актив, профсоюзный актив, ышь ынсушеште ноул сенс де «партия чя май активэ а уней организаций»* одатэ ку тречеря луй де ла аддектив ла субстантив. Субстантивул *ажунсурь* капэтэ прин аналогие ку русескул *достижения* ши сенсул де «реализэрь», финнд фолосит, де регуля, ла плурал.

Деши се датореште оарекум имболдулуй дин партия лимбий русе, прочесул ачеста де модификаре а структурый сенсулуй кувынтулуй се десфэшоарэ пе база сурселор проприй лимбий молдовенешть. Феноменул модификэрый де сенс а кувынтулуй е посибил даторитэ фаптулуй кэ ачеста дин урмэ аре капачитатя де а-шь метафориза сенсул, де а ынтра ын диферите ымбинэри ку алте кувинте ш. а. м. д. Ролул факторулуй екстериор, ын казул де фацэ — инфлюенца лимбий русе, се редуче ла ачела ал унуй имболд, каре ажутэ сэ се дезволте ануимите посибилитэць потенциале але лимбий молдовенешть.

Имболдулуй дин партия лимбий русе и се датореште де асеменя ши апариция унор ымбинэри де кувинте дин лимба молдовеняскэ, каре презинтэ, де фапт, ниште калкурь лингвистиче. Еле ау ынтрат де-а бинеля ын лимбэ, финнд кяр ынрегистрате де дикционаре. Деосебит де нумероасе сынт аич ымбинэриле номинале ка, бунэоарэ: *колц рошу (красный уголок), Армата Рошие (Красная Армия), тероаре албэ (белый террор), Ероу ал Мунчий Сочиалисте (Герой социалистического труда), бригадэ де мункэ комунистэ (бригада коммунистического труда), адунаре де даре де самэ ши де алежерь (отчетно-выборное собрание), ка-сэ де ажутор речипрок (касса взаимопомощи), актив де партид (партийный актив), методэ активэ де предаре (активный метод преподавания), активитате революционарэ (революционная деятельность), акумулэрь сочиалисте (социалистические накопления), алесул нородулу (избранник народа), даре де самэ ануалэ (годовой отчет), арматэ де специалишти (армия специалистов), блокул комуништилор ши чөлөр фэрэ де партид (блок коммунистов и беспартийных), атитудине комунистэ фацэ де мункэ*

(коммунистическое отношение к труду), бироул политик (политическое бюро), вал де протест (волна протеста) ш. а.

Суб инфлюенца структурний лимбий русе унеле вербе молдовенешть шь-ау ынсушит капачитатя де а авя ун режим ануумит, ачеста финнд копият дупэ моделул лимбий русе. Принтре ачестя пот фи менционатэ ымбинэрь вербale ка, бунэоарэ: *а авя чева ымпотризвэ* (иметь что-либо против), *а алеже ын советеле локале* (выбирать в местные советы), *а ынвинже ын ынтречеря социалистэ* (победить в социалистическом соревновании), *а арма бетонул* (армировать бетон), *а апэра кауза пэчий* (защищать дело мира).

Проблема привиннд калкуриле лингвистиче ши ымпрумутурниле семантиче есте ыт се поате де импортантэ пентру лимбile контантанте, ын казул де фацэ пентру лимбile национале дин УРСС. Прочесул ачеста ну нумай кэ ымбогэшеште патримониул лексикал, чи кяр апропие лимбile ынтре еле. Ор, проблема датэ рэмыне ши пынэ ын президент департе де а фи солуционатэ.

Копиеря конструкциилор дин лимба русэ ку ажуторул мижлоачелор лимбий молдовенешть, пермите сэ се фактэ пресупунеря кэ синтакса ну поате фи инклусэ принтре компартиментеле «импенетрабиле» (дин пунктул де ведере ал инфлюенцей) але лимбий. Инфлюенца ачеста дин партя лимбий русе о ресимте лимба молдовеняскэ ну нумай ын чея че привеште алежеря дин пункт де ведере семантик а унитэцилор лексикале. Еа се ресимте, че-й дрепт, ынтр'о мэсурэ slabэ, кяр ын фелул де а субордона кувинтиле, модул де а фаче акордул ынтре еле щ. а. м. д. Астфел, унеорь, урмынд текстул русеск, доуэ субстантиве оможене ла женетив апар легате ынтре еле нумай прин конжункция *ши*, фэрэ ка ал дойля дин еле сэ фие пречедат де артиколул прономинал (ынтылним десеорь скрис: *проблема пэчий ши рэзбоюлуй — проблема мира и войны* — деши е фиряскэ пентру лимба молдовеняскэ конструкция: *проблема пэчий ши а рэзбоюлуй*).

Е куноскут фаптул кэ челе доуэ лимбъ (молдовеняскэ ши русэ) се деосебеск ынтре еле ын чея че привеште акордул апозицией ку субстантивул детерминат: ын лимба русэ акордул се фаче, ын молдовеняскэ — ну. Дар, имитынду-се моделул рус, унеорь се фаче ынчекаре де а о акорда ши ын лимба молдовеняскэ (комп.: рефератул докторулуй ын штиинце филологиче, ал профессорулуй X: *й-ам спус луй Василе, омулуй челуй тынэр де лынгэ ной*).

Дупэ моделул русеск ынчеп сэ фие фолосите пе ларг ын калитате де предикат унеле екваленте але адвербелор предикативе дин лимба русэ ка, бунэоарэ: *девине тот май клар* (становится все яснее); *принчипалул есте де а + инфинитивул* (главное в + инфинитив) ш. а.

Привитэ ын план женерал инфлюенца дин партя лимбий русе се ресимте май алес ын аnumите стилурь, ын парте ын чel публичистик. Традучеря нумероаселар ши вариятелор материале, привинд челе май диферите сфере де активитате, пуне ын фаца традукэторилор ун шир ынтрег де проблеме легате де редаря ын лимба молдовеняскэ а унор кувинте, конструкций, ымбинэрь. Ачаста фаче сэ се активизезе ын лимба молдовеняскэ унеле мижлоаче лингвистиче, каре ерау непродуктиве сау пущин продуктиве сау каре презентау ниште посибилитэць ын потенцэ але лимбий.

Ануме стилулуй публичистик рус, имитэрий ачестуя и се датореск титлурь де типул: «*Ну урс — май деграбэ тигру*», «*Ерь ун некуноскут — азь кампион*», «*Прима куноштинцэ — де аур*», «*Ну — алежерилор дин Аден*» ш. а. Деши пентру лимба молдовеняскэ ну сынт карактеристиче пропозицииле ку вербул копулатив омис, тотуш суб «*пресиуня*» стилулуй газетэреск рус еле апар.

Ачелеяшь инфлюенце и се датореск ши унеле титлурь але артиколелор дин газетэ, каре констау дин пронуме персонале нехотэрыте ка, бунэоарэ: «*Салвяэз лира стерлинэ*», «*Ынантязэ спре Стенливилил*». (дупэ моделе русе: «*Спасают фунт стерлингов*», «*Продвигаются к Стенливилию*»). Ынсэ конструкцииле ачестя сынт нефирешть лимбий ноастре.

* * *

Ачестя сынт доар ытепа момента, че карактеризязэ прочесул де контакт динтре лимба молдовеняскэ ши лимба русэ.

Мажоритатя иновациилор де фелул челор де май сус се ынтылнек май алес ын стилул пресей, ануме аич, де регулэ, се ынрежистрязэ пентру прима оарэ астфел де скимбэрь. Деачея лимба пресей требуе сэ стее ла база черчетэрилор ын ведеря стабилирий унор тендинце де апропиере динтре лимбиле контактантэ.

Се поате пресупуне кэ одатэ кяр ку лэржирия контактулуй динтре лимбиле национале (ын казул ностру лимба молдовеняскэ) ши лимба русэ ну се ва ажунже ла ун аместек де структурь але лимбилор контактантэ. Еа ва дуче доар ла о оарекаре нивеларе а структурилор семантиче але лексикулуй, ла о аnumите апропиере ын чея че привеште фелул де а организа материалул лингвистик, кондиционат, ла рындул сэу, де контактул стрынс динтре пуртэторий лимбилор респективе.

Ворбинд ын женерал деспре инфлюенца лимбий русе асупра лимбий молдовенешть, требуе менционат, кэ еа се асямэнэ ку ун имболд, каре активизязэ унеле тендинце че се конциин потенциал ын лимбэ. Ын женерал, ынсэ, ну требуе супраапречият ролул инфлюенцей, кэч ын фелул ачеста ам редуче дэзволтаря лимбий ла о серие де ымпрумутурь.

Б. П. АРДЕНТОВ и А. Х. ЛАУР

К ОТРАЖЕНИЮ НОСОВОГО ГЛАСНОГО ЗАДНЕ-СРЕДНЕГО РЯДА ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ В МОЛДАВСКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ

В основе молдавского языка, как и всех романских языков, лежит народная латынь. Она изменялась и развивалась в различных областях Римской империи по-разному; к тому же неодинаковый этнический субстрат способствовал образованию особого типа речи в каждой отдельной провинции. В результате и появились различные, существенно отличающиеся друг от друга романские языки. В каждом из них фонемы и сочетания фонем народной латыни претерпевали свои изменения.

В образовании молдавского и румынского языков в качестве адстрата участвовали древние диалекты славянских языков, появившиеся предположительно вскоре после распадения праславянского языка. Их фонетика, преломляясь через народную латынь, изменялась, однако можно восстановить ее некоторые древние черты. В этом отношении показания молдавского и румынского языков могут получить особо важное значение для решения некоторых вопросов, касающихся особенностей праславянского языка и его диалектов, а также — доисторического прошлого существующих славянских языков.

В данном случае нас интересует вопрос о характере носового гласного задне-среднего ряда в древних славянских диалектах, явившихся адстратом молдавского и румынского языков. В сравнительной грамматике славянских языков он определяется как Q (о носовое), образовавшееся еще в праславянском языке. Q, полагают, перешло без изменений в старославянский язык, в письменности которого обозначалось буквой ж (юс большой). Q перешло и в другие древнеславянские языки, в каждом из них претерпевая свои, различные изменения. Данные молдавского и румынского языков заставляют внести в это, ставшее традицион-

ным, положение значительные коррективы, по крайней мере, касательно древних славянских диалектов, вошедших в эти языки.

Носовых гласных нет и в классической, и в народной латыни; поэтому в образующихся на основе последней румынском и молдавском языках носовые гласные непременно разлагались на «гласный + носовой согласный» (как в русском в словах польского происхождения: польск. *węzel* — русск. *вензель*). Это звукосочетание, получившееся из носового задне-среднего ряда, в молдавском и румынском языках отразилось двояко:

В середине слов в большинстве случаев как *ы + м* (перед губными согласными) или как «*ы + н*» (перед согласными другого места образования). Например ст.сл. *кржпъ* — молд. *крымпей* (*обрывок чего-либо*); *а крымпоци* (разрывать на части); *тжпъ* — *тымп* (тупой); *тымпим* (тупоумный); *тржба* — *трымбэ* (смерч, труба); *тржбица* (труба, горн); *эжбъ* — *зымбет* (улыбка); *кржъ* — *крынг* (круг, молодая роща); *дөбждж* — *а добынди* (добывать); *гжганик* — *гынгание* (букашка); *мждръ* — *мындрю* (гордый, красивый); *нэтжгъ* — *нэтынг* (глупый, бесстолковый); *облжкъ* — *облынк* (седельная лука); *осждъ* — *осындэ* (наказание, осуждение); *пајг(к)ъ* — *паинг* (паук); *пждити* — *а пынди* (выслеживать, следить); *распжнтик* — *рэспынтие* (перекресток, распутье); *тжга* — *а тынгүи* (оплакивать, сетовать); *тжжити* — *а тынжси* (хиреть, чахнуть); *трждъ* — *трынд* (геморрой, подонок); **кржченъ* — *крынчен* (ожесточенный, жестокий); *избждъ* — *а избынди* (одержать победу); *поржгъ* — *пэрынг* (просо); *бжзлъ* — *а вынзоли* (ворошить, возиться); *вжж* — *вынж* (сила, мощь); *гжгавъ* — *гынгав* (заика);

или, в меньшем числе случаев, как *у + м (н)*: *кжпона* — *кумпэнэ* (весы, журавль); *джбрава* — *дүмбравэ* (дубрава); *лжка* — *лункэ* (пойма, прибрежный лесок); *мжка* — *мункэ* (работа); *прждъ* — *прунд* (гравий, берег, усыпанный песком); *скжпъ* — *скумп* (дорогой); *скждъ* — *скунд* (низкий, невысокий); *поржчити* — *а порунчи* (приказывать, повелевать).

В начале слова носовой задне-среднего ряда отразился как «*у + н*»: *ждица* — *ундица* (удочка); *жринъ* — *унгур* (венгр); *жлъ* — *унгъ* (угол).

Отражение в молдавском и румынском языках носового задне-среднего ряда древних славянских диалектов-адстратов обнаруживает известную параллель с отражением в этих же языках сочетаний гласный + носовой согласный (*m* перед губными, *n* перед согласными другого места образования) в словах народной латыни: сочетания *a + m (n)* постоянно отражается как *ы + м (н)*, например: *blandus* — *блынд* (кrotкий, смирный); *branca* — *брынкэ* (рожистое воспаление); *campus* — *кымп* (поле) и т. д. Сочетания *o + m (n)*, как правило, в середине слова дали *у + м (н)*:

bonus — бун (хороший); *frondea* — фрунзэ (лист); *ponere* — а пуне (ставить) и т. д. В начале слова эти же сочетания остались без изменений: *homo* — ом (человек) и т. д. Сочетания *и+т* (*n*), встречающиеся в начале слова, тоже изменений не претерпевали: *umbra* — умбрэ (тень); *unda* — унде (волна); *unde* — унде (где) и т. д.

Прежде чем перейти к лингвистическим выводам, сделаем экскурс в историю румынского и молдавского народов.

Римляне появились на Балканском полуострове в начале III в. до н. э. В 107 г. н. э. была завоевана Дакия. Но к 274 г. н. э. римские легионы были уведены из нее в связи с трудным положением империи. Но язык, занесенный ими сюда, остался (в измененном виде) до наших дней, вытеснив язык дакийцев. После ухода римлян, с конца III в., на территорию Дакии стали проникать готы, затем гунны и авары, а в конце V — начале VI вв. здесь появились славянские племена, оказавшие большое влияние на местное население и последующее формирование молдавского и валашского народов. Его завершающим этапом было смешение их со славянами, которые здесь все больше романизировались. Славянские элементы в языке и быте валахов и молдаван — не результат внешнего воздействия славян (как это часто представляют некоторые ученые), а наследие тех славян, которые романизировались, слившись с предками теперешних румын и молдаван¹.

Выступая против латиноманов и тех, кто старался не видеть славянского происхождения многих слов в молдавском языке, Алеку Руссо писал: «Выбросьте славянские элементы из нашего языка, и полетела его самобытность»². Действительно, обилие славянских элементов в румынском и молдавском языках резко отличают их от других романских языков.

Овид Денсушяну, который объективнее своих предшественников подошел к оценке славянских элементов в румынском и молдавском языках, пишет: «Только с проникновением славян балкано-романский стал румынским языком, каким он является теперь. До тех пор говор, возникший из латинского на обоих берегах Дуная, нельзя было считать большим, чем диалектным вариантом итальянского языка. Контакт со славянами преобразовал этот говор в независимый, самостоятельный язык, несомненно романский по своей внутренней основе, но значительно отличающийся от тех, которые выросли из того же корня. Большинство славянских элементов проникло в румынский язык в V—VI—VII вв. Они образуют самый значительный слой. На них со временем легли дру-

¹ Изложено по работе Н. А. Мохова. «Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства», Кишинев, 1959, стр. 1—19.

² A. Russo. *Scritti alese*, Bucureşti, 1959, стр. 24.

тие, новые, которые мы более или менее можем отличить от предыдущих»³.

И. Бэрбулеску, опираясь на положение сравнительно-исторической грамматики славянских языков о наличии в древнеславянских диалектах *Q*, унаследованного ими от праславянского, считает, что славянские слова с этим звуком вошли в румынский и молдавский языки позже VIII в., так как иначе этот звук, аналогично латинскому сочетанию *o + t (n)*, должен был бы перейти в *u + m (n)*, а не в *u + m (n)*⁴. Ал. Росетти считает, что «...на раннем этапе языка, когда *ж* звучал как *Q*, он отразился в румынском, молдавском языках подобно латинским сочетаниям *ot, on*; а *ын, ым* соответствуют среднеболгарскому *ън, ъм*, которые получились из *ж* и отражает дальнейшее изменение этого звука, дальнейшую эволюцию его в болгарском языке»⁵.

Вряд ли можно согласиться с О. Денсушяну, И. Бэрбулеску и Ал. Росетти в том, что проникновение славянских элементов в румынский и молдавский языки имело место позже образования молдавского и румынского народа — в VII и даже XII вв., когда упомянутый переход *ж* в *ън, ъм* совершился в среднеболгарском языке. Славянские элементы в румынском и молдавском языках могли появиться вместе с влиянием древних славянских племен на массу аборигенов Балканского полуострова, а не привносились в них извне в позднее время. А если это так, то необходимо предположить, что в какой-то части древнеславянских диалектов адстрат молдавского и румынского языков носовым гласным задне-среднего ряда был не *Q*, а *À* (а носовое); он, разложившись перед губными на «*a + t*», перед другими согласными — на «*a + n*», подобно аналогичным сочетаниям в словах латинского происхождения, только и мог дать в молдавском «*ы + м*», «*ы + н*». Это подтверждается отражением в молдавском древнеславянских слов с сочетанием «*a + н*» перед гласными: рефлексы слов *жу-панъ, стопанъ, станъ* звучат в молдавском как *жупын, стэпын, стынэ*.

Мысль о наличии *À*, а не *Q* в некоторых древних славянских диалектах, возникших сразу же после распадения праславянского языка, не нова. «И. Лицеевский полагал, что в древнепольском языке существовал только один носовой гласный *À* (то есть *an*), который обозначался через *ρ, a, я*. Из *À* развились в современном польском *Q* и *E*, именно из долгого *a* получилось *ρ, aQ* — из краткого *a»*⁶. Такое же мнение высказывал А. А. Потебня.

³ O. Densușianu. Istoria limbii române, Buc., 1961, p. 171.

⁴ I. Bărbulescu. Individualitatea limbii române și elementele slave vechi, 1929, p. 274.

⁵ Al. Rosetti. Istoria limbii române, București, 1962, p. 101.

⁶ Т. Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию, Киев, 1897, т. I, стр. 414. Мнения А. А. Потебни, И. В. Ягича приводятся по этому же источнику.

Их противники — И. В. Ягич и др. — выставляли два довода: 1) если, по данным сравнительной грамматики, в праславянском языке было Q, то как оно в какой-то части образовавшихся из праславянских диалектов могло перейти в Å? Здесь компаративисты оказались в пленау собственных схем. Ведь в какой-то части диалектов праславянского языка носовые гласные задне-среднего ряда, образовавшиеся из сочетаний «гласный заднего или среднего ряда + носовой согласный», оказавшихся в закрытом слоге, могли унифицироваться не в Q, а в Å. Таким образом, в этих диалектах Å может считаться таким же исконным, как в других Q, и вопрос о переходе Q в Å, следовательно, отпадает.

2) Нет фактических данных в пользу предположения о наличии в древних славянских диалектах Å. Если наши предположения верны, то румынский и молдавский языки и дают как раз фактические данные о существовании в древних славянских диалектах, их адстратах Å. Если же принять во внимание территориальную близость этих диалектов к тем, на базе которых образовался польский язык, то показания молдавского языка смогут служить пусть хотя бы косвенным фактическим материалом в пользу предположения о наличии Å в древнепольском языке. В этом — исключительная важность данных молдавского и румынского языков для изучения состояния древних славянских диалектов.

В другой части славянских диалектов, адстрате молдавского языка, видимо, было и Q, которое, подобно латинскому *o+em* (н), дало *u+m* (н): мункэ, лункэ, ундицэ и т. п.

Но возможно и другое объяснение. В IX—XI вв. междуречье Прут—Днестр было заселено славянами, политически входившими в состав Киевской Руси: «...раскопки археологов неопровергнутыми материалами подтвердили, что Прутско-Днестровское междуречье было заселено славянами и тесно связано с Киевским государством. После распада Древнерусского государства на ряд феодальных княжеств на территорию современной Молдавии, между Днестром и Прутом, распространяют свою власть князья Галицкого княжества⁷. Не являются ли слова с *u+m*, *u+n* на месте носового общеславянского гласного задне-среднего ряда заимствованиями в молдавском и румынском языках из восточнославянских диалектов? В них общеславянское Q сначала перешло в У (у носовое), а затем позже в чистое У⁸. В VIII—IX вв., когда мог быть контакт между молдаванами и восточными славянскими племенами, в языке последних был У

⁷ Н. А. Моков, Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961, стр. 15.

⁸ См. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, М., 1935, стр. 289.

Кроме того, молдавский и румынский языки своими отражениями носового гласного задне-среднего ряда позволяют по-новому поставить вопрос относительно одного интересного фонетического явления в восточнославянских языках, а именно: спорадического отражения в них общеславянского Q не как У, а как Ъ: например, литовскому *lanka* в русском соответствует *лыко*, а не *луко*, как бы ожидалось. Срав. также *встать дыбом* — польск. *dać dęba*. Это же Ъ мы находим в ряду юсовых чередований наряду с отражениями Е и Q как соответственно 'А (орфографически Я) и У: *прянуть* ||*упругий*|| *прыгать*. Чередование 'А||Ъ мы находим и в других словах: *брякать* ||*брыкать*; *дрягать* ||*дрыгать*; *брязги*||*брзыгать* и др. Молдавский язык и подтверждает происхождение Ъ в некоторых из этих слов именно из носового гласного: *а да брынч, а ымбринчи, а брынчи* (толкать, пинать ногой); *а дрынгэи* (дрыгать ногой). Возникает предположение: не является ли это Ъ на месте древнего славянского носового гласного задне-среднего ряда в словах русского языка результатом влияния восточнороманского языка на восточнославянские диалекты? Ведь контакты молдавского и славянских народов существуют издревле, и, конечно, не только славянские диалекты влияли на молдавский язык, но и молдавский язык на славянские диалекты.

А. П. ЕВДОШЕНКО

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОНОЛОГИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МОЛДАВСКОГО ГОВОРА РЫБНИЦКОГО РАЙОНА

Р. Якобсон (В. 5, стр. 354, 364) отметил, что под влиянием русского языка (он подчеркивает, что включает сюда и белорусский, и украинский языки) вдоль западной его черты возникла в пограничных говорах других языков корреляция твердых и мягких согласных. Сведения об этом влиянии, названном автором «восточнославянским», носят у Р. Якобсона несколько неточный и в некоторой степени противоречивый характер. Так, в одних своих работах он говорит, что эта корреляция присуща вообще «румынскому» языку (В. 1, стр. 109), «румынским» говорам (В. 5, 361), тогда как в других его работах он относит ее к «молдавскому» языку (А. 2, 26, 39—40; В. 2, 237), к «молдавским» говорам (В. 4, 55). О корреляции палатализации в молдавском языке говорит и Н. С. Трубецкой (А. 1, 152), ссылаясь при этом на работы Якобсона (А. 2; В. 2; В. 4). Судя по библиографии, сос-

тавленной А. Аврамом (В. 6), можно предположить, что Р. Якобсон специально не занимался фонологической системой молдавских говоров, а пользовался сведениями из вторых рук. Касаясь молдавских говоров, необходимо отметить, что в действительности названная корреляция встречается только в описанном М. В. Сергиевским (А. 4) «рыбницком» говоре национального языка МССР.

Р. Якобсон справедливо замечает, что, оставаясь в рамках сравнительного изучения родственных языков, нельзя понять причину появления таких новшеств, как корреляция палатализации, которая несвойственна в целом романским языкам (В. 5, 350—354). Сравнение же неродственных языков становится возможным в плане общей типологии, на основании парадигматического изучения языка, то есть в исследовании его как системы.

Сравнению фонологических систем различных языков мешает, однако, господствующее в структурной лингвистике неверное представление о соотношении фонемы и релевантного признака. Так, Н. С. Трубецкой (А. 1, 80), Л. Ельмслев (А. 5, 356), А. Мартине (А. 6, 52), а также наши ведущие структуралисты — В. В. Иванов (А. 7, 140), С. К. Шаумян (А. 8, стр. 3) ошибочно считают, что фонема «расщепляется» на релевантные признаки, что фонема есть, следовательно, механическая сумма признаков, что последние являются «элементами элементов», «конечными точками анализа».

Применение к изучению системы языка разработанного Карлом Марксом метода восхождения от абстрактного к конкретному позволяет поставить вещи с головы на ноги, то есть расценивать фонему как конечную точку анализа, а признаки — как абстракции, синтез которых воспроизводит в мышлении конкретное, фонему.

Рассматривая в свете диалектической логики систему языка, и в частности фонологическую систему, удается выявить образующую ее логическую иерархию понятий, сущностей: фонема — категория (признаков) — система (подробно об этом см. А. 9). Степень, характеризующая сущность устойчивости, прямо пропорциональна ее уровню отвлеченности и совпадает со степенью ее исторической устойчивости: логическое совпадает с историческим, находя в последнем свое подтверждение. Именуемый К. Марксом и Ф. Энгельсом «обращением» метода обратный путь от системы к категории, от категории к признаку, а от последнего к фонеме дает новые знания о перечисленных компонентах системы и позволяет произвести известную переоценку накопленных в области фонологии сведений.

Одно из основных следствий, вытекающих из выявляемой объективной иерархии понятий, заключается в примате оппозиции

признаков над оппозицией фонем. Определение фонемы оппозициями, в которые она входит, приводит к принципиально неверному мнению, будто фонема в диахронии лишается или приобретает тот или иной признак (на таком представлении о соотношении фонемы и признака построена работа А. 8).

Не пересекаясь в рамках объединяющей их категории, признаки одной категории перекрещиваются каждый в отдельности с признаками другой категории, образуя в точках пересечения «актуальные», то есть наличествующие в данный момент в системе фонемы, и «виртуальные» фонемы. Так, например, в системе согласных латинского языка не было «актуальной» фонемы *z*. Виртуально же эта фонема «существовала», так как в системе имелись все признаки, ее образующие. В дальнейшем эта фонема появилась, стала актуальной в консонантизме романских языков.

Появление или исчезновение фонемы — изменение первого, так сказать, ранга. Такое изменение не затрагивает целостного характера системы, оно относится к «суммативному» пониманию системы. Более существенным изменением, изменением второго ранга, оказывается появление или исчезновение признака (см. А. 10). Обладая большой устойчивостью, соответствующей его уровню отвлеченности, признак изменяется гораздо реже, чем фонема. Достаточно сказать, что почти за двухтысячелетний период развития вокализма молдавского языка признаки не претерпели никаких изменений, хотя за это же время исчезла и вновь появилась фонема *ɛ*, стали актуальными виртуальные фонемы *ă, ī, Ӧ*. В системе согласных за это же время появились «аффрикатный» признак (успевший исчезнуть уже в системе французского языка) и палатальный признак, исчезли 4 согласные и появилось 14 новых согласных фонем.

* * *

Взгляд на развитие фонологической структуры молдавского языка дает масштаб для оценки уровня изменения, произошедшего в консонантизме интересующего нас рыбницкого говора. Здесь в течение двухсот-трехсот последних лет появился новый, «постстородентальный» или «мягкий» (M) признак, общий для фонем *t'*, *d'*, *n'*, *s'*, *z'*, *l'*. Этот признак входит в категорию «локальных» признаков: «лабиального» (Л), «гуттурального», (Г), «палатального» (П) и «дентального» (Д).

Локальные признаки рассматриваются нами как непересекающиеся классы, объединяемые в категорию «локальности». Категория по отношению к признаку является своего рода «классом классов». Понятие «класс» расщепляется нами на класс как «сумма» и класс как «свойство». Для обозначения понятия «класс» в символической логике используется заглавная буква К:

хК означает «х имеет свойство К»; хεК означает «х находится в классе К», «х есть член класса К». Класс всех х, которые обладают свойством К, обозначается символом (Cx) (xK) (см. А. 11, стр. 33, 38).

Расщепление понятия класс позволяет, с одной стороны, кратко сформулировать суть отношения автора к теории Н. С. Трубецкого, а с другой стороны, воспользоваться некоторыми его выводами, придавая им новую интерпретацию.

Класс как свойство соответствует признаку, тогда как *класс как сумма* соответствует ряду, а точнее «порядку» (ordre) фонем, для которых общим является один и тот же признак. Расщепление класса позволяет интерпретировать «ряд» Трубецкого как признак. При этом нельзя забывать, что автор «Основ фонологии» рассматривает, по сути дела, фонему как класс, сумму признаков (А. 1, стр. 45, 51), то есть видит отношения фонемы и признака в перевернутом виде.

Преимущество понятия «свойство» заключается и в том, что оно позволяет оперировать виртуальными фонемами, дающими возможность предвидеть появление той или иной фонемы, когда определяющие ее признаки известны. Виртуальное же определение самого признака оказывается возможным благодаря сопоставлению фонологических систем различных языков и учета появляющихся или исчезнувших признаков в процессе развития системы. Типологические изыскания получают тем самым реальную базу в виде «потенциальной системы» (см. о «потенциальной системе» у С. Маркуса, В. 7, стр. 59—60, 63—64), которая приобретает важное значение в плане диахронии, включая сюда и фонологическую диалектологию. Потенциальная система может быть изображена при помощи стереометрии (см. А. 9, рис. 1). В такой системе основными, наиболее часто встречающимися локальными признаками будут (Л), (Г), (П), (Д). Н. С. Трубецкой приводит эти признаки в другом порядке: (Г)—(П)—(Д)—(Л), противоречащем данным истории языка и диалектологии (см. А. 9, стр. 206). Кроме того, основатель фонологии включает в локальные признаки и «латеральный», который относится автором к другой категории, а именно к модальным признакам. Неправомерным представляется и расщепление основных локальных признаков на «эквивалентные близкородственные признаки» (А. 1, 146 и след.). Наконец, нельзя согласиться и с тем, что самостоятельный «постеродентальный» признак (М) рассматривается как результат расщепления признака (Д), то есть «апикального» или «дентального», например, в украинском языке на собственно «апикальный», который расценивается как «нейтральный», «немаркированный», и на «маркированный», «характеризующийся дополнительной артикуляцией, палатализацией». Р. Якобсон расценивает как одно из «фундаментальных открытых» Трубецкого

противопоставление маркированного члена бинарной оппозиции лишенному «марки» члену (В. 8, р. XXVII). В действительности такое противопоставление не является правомерным; оно возникло в результате того же перевернутого изображения отношений фонемы и признака. Определение любой фонемы конкретной системы *одинаковым* количеством признаков можно считать непреложным фонологическим законом. Логически это вывод вытекал из интерпретации стереометрической модели (А. 9).

Если рассматривать консонантизм рыбницкого говора в синхронической плоскости, то, согласно Трубецкому, пришлось бы допустить, что постлеродентальный ряд образовался в результате расщепления апикального ряда. Оба ряда оказываются симметричными: *t'*, *d'*, *n'*, *s'*, *z'*, *l* и *t*, *d*, *n*, *s*, *z*, *l*. В действительности же постлеродентальный ряд возник в результате постепенного передвижения лабиального ряда в сторону апикального, не отождествляясь с последним:

(Л)	→	(П)	→	(М)	(Д)
<i>p</i> (<i>pisk</i>)		<i>k'</i> (<i>kisk</i>)		<i>t'</i> (<i>t'isk</i>)	<i>t</i>
<i>b</i> (<i>bine</i>)		<i>g'</i> (<i>gini</i>)		<i>d'</i> (<i>d'ini</i>)	<i>d</i>
<i>m</i> (<i>mie</i>)		<i>n'</i> (<i>nii</i>)		<i>n'</i> (<i>a'ii</i>)	<i>n</i>
<i>f</i> (<i>fin</i>)		<i>s'</i> (<i>sin</i>)		<i>s'</i> (<i>s'in</i>)	<i>s</i>
<i>v</i> (<i>vin</i>)		<i>z'</i> (<i>zin</i>)		<i>z'</i> (<i>z'in</i>)	<i>z</i>
		<i>j</i> (<i>baje</i>)		<i>l'</i> (<i>b'ale</i>)	<i>l</i>

Лабиальный признак (Л) характерен в этой позиции для литературного языка, сохранившего без изменений унаследованные от латинского языка лабиальные согласные. Палатальный признак (П) характерен в этой позиции для молдавского «центрального» говора. Все фонемы этого ряда, кроме й, имеются и в литературном языке, но здесь они другого происхождения. (Фонему й, специфическую для центрального, родного говора автора, удалось выявить и определить благодаря стереометрической модели).

Лабиальные перешли, по-видимому, не сразу и не непосредственно в палатальные. Представляется, что лабиальные перешли сперва в лабиогуттуральные *pk'*, *bg'*, *mn'* *fń'*, *vń'*. Лабиогуттуральные *pk'*, *bg'*, *mn'* и, частично, *fń'*, *vń'* сохранились в некоторых северотрансильванских говорах. Возможно, что здесь они появились под влиянием системы соседних украинских говоров (ср. *мясо* вм. *м'ясо*). В центральном говоре еще сохранились следы

прежних лабиогуттуральных, точнее глухой смычной лабиогуттуральной фонемы *rk'*: *lupk'* и *cokp'il* наряду с *luk'* и *cok'il*. В этих единичных случаях *rk'* нельзя уже рассматривать как одну самостоятельную фонему, а как две фонемы *r* и *k*. Возможно, что в сохранении *r* в группе *rk* отразилось влияние морфологии, стремящейся сохранить согласную основу *r* (*lup*).

Дальнейшее изменение (*П*) > (*М*) произошло непосредственно. Постеродентальный признак (*М*) специфичен для рыбницкого говора, то есть не является характерным ни для литературного языка, ни для центрального говора.

Таким образом, (*М*) и «корреляция» (*М*) : (*Д*) появились не в результате расщепления (*Д*)), как это можно было бы подумать, полагаясь на А. И. (*М*) и (*Д*) генетически не связаны. Отпадает, тем самым, и бинарная трактовка корреляции палатализации: (*Д*) = «ненаркированный член корреляции», а (*М*) = = «маркированный ее член». Само понятие «палатализации» уместное, когда речь идет о синтагматическом анализе, представляется неуместным в процессе парадигматического анализа, отвлекающегося по необходимости от «потока», от позиции одной фонемы по отношению к другой в потоке речи.

Поскольку корреляция (*М*) : (*Д*) специфична и для украинского языка (см. А. 1, 152) и для рыбницкого говора, но не является характерной для других молдавских говоров, вывод о появлении (*М*) : (*Д*) в молдавском говоре под давлением системы украинского языка напрашивался сам собой.

Поскольку корреляция палатализации получила широкое распространение в ряде языков, которые ее раньше не имели (перечень этих языков дается в В. 5), рассмотрение конкретного «механизма» ее появления приобретает оправданный интерес. Этот механизм остался нераскрытым в работах Р. Якобсона (В. 1, В. 2, В. 3, В. 4, В. 5, А. 2, А. 3). В этих работах имеются лишь некоторые общие соображения относительно «фонологического заражения»: «В противовес общераспространенному мнению действие одного языка на фонологическую структуру другого языка не предполагает обязательно политическое, социальное или культурное превосходство нации — носителя первого языка», «язык принимает чужие структурные элементы лишь в том случае, когда они отвечают его собственным тенденциям развития», «словарные заимствования не являются достаточными для появления фонологического заражения, они даже не являются ее необходимым условием» (см. В. 5, 359).

Действительно, слова, заимствованные в центральном говоре молдавского языка из русского языка, содержащие постеродентальные фонемы, не привели к появлению признака (*М*). Для интересующего нас вопроса очень важно, однако, учесть «реакцию» носителей этого говора на признак (*М*). Для них (*М*) ока-

зался ближе к (П), чем к (Д): они отождествили (М) не с (Д), а с (П)! Иными словами, (М) оказался дальше от «близкородственного немаркированного ряда» (Д), чем от (П). Понятно, что такого рода понятия, как «марка» (маркированный — немаркированный), «близкое родство» признаков, не способствуют выяснению объективных соотношений признаков в системе, а отвлекают от него.

В центральном говоре отождествление (М) с (П) проявляется в следующем произношении заимствованных русских слов *тетя*, *дядя*, *Петя*, *Федя*, *Ваня*, *Феня* и др.: *koka*, *gaga*, *pega*, *fega*, *vana*, *fena* etc.⁹

История заселения левобережного Приднестровья молдаванами (см. А. 14), а также сравнительное изучение фонологических структур молдавских и северотрансильванских говоров позволяют прийти к выводу о том, что носители нынешнего рыбницкого говора еще до недавнего времени (XVIII в. по Сергиевскому) были носителями центрального говора. Тесный контакт левобережных молдаван с украинцами и русскими нашел свое отражение в языке. Молдаване научились постепенно произносить более или менее «правильно» такого рода слова, как *тетя*, *дядя*, *Петя*, *Ваня* и др., что привело в конечном счете к появлению в системе согласных признака (М). Признак же (М) оказался несовместимым с признаком (П) в одной и той же системе молдавского говора. Несовместимость (М) и (П) в одной и той же системе согласных является типологической закономерностью, заслуга выявления которой на материале различных языков принадлежит С. Н. Трубецкому (А. 1, 153). Поскольку признак (М) оказался «сильнее» признака (П), последний был вытеснен из системы. В результате весь ряд (П) перешел в (М). Следует при этом подчеркнуть, что переход (П) > (М) произошел именно внутри системы рыбницкого говора. Об этом красноречиво говорит «обработка» слов, заимствованных в рыбницком говоре непосредственно из русского или украинского языков: *жыт* "ет вм. *жакет*, *т*" *илянка* вм. *киянка* и др. Приведенные факты, свидетельствуют о том, что фонема и тем более признак не заимствуются, не пересаживаются из одного языка в другой; они возникают внутри самой системы в результате происходящих в ней сдвигов, под давлением системы другого, контактирующего языка. Поэтому вряд ли следует считать удачным термин Р. Якобсона «фонологическое заражение»; компоненты системы не передаются в другую систему наподобие микробов. Общее положение Р. Якобсона (В. 5, 359: «Язык принимает чужие структурные элементы лишь в том случае, когда они

⁹ Аналогичная картина наблюдается в полабском языке, в котором находим: *g'unsna*, «десна»; *g'olii* «дело»; *k'ostii* «тесто»; *k'ama* «тьма» (см. А. 1, стр. 153).

отвечают его собственным тенденциям») не представляется приемлемым. Наблюдаемые в рыбницком говоре явления не позволяют согласиться с тем, что «язык принимает чужие структурные элементы». Речь может идти лишь о перестройке системы по определенному образцу, модели; при этом необходимо учитывать, что перестраивающаяся система лишь приблизительно копирует другую (ср. изменения типа *жакет* > *жыт'ет*). Что же касается общих «тенденций», то они потенциально существуют в любом языке. Приведенные самим Якобсоном многочисленные примеры возникновения корреляции палатализации в совершенно различных языках, опоясывающих восточнославянский массив, не позволяют рассматривать «собственные тенденции развития» этих языков как решающее условие появления в них этой корреляции. Термин *«affinité»*, используемый Якобсоном в оглавлении цитируемой работы, не способствует раскрытию сущности явления.

Еще менее удачным представляется другое положение Якобсона, согласно которому словарные заимствования не являются «даже необходимым условием» фонологического «заражения» (В. 5, 539). В словах отражается, «манифестируется» вся система языка. Именно благодаря лексике, наиболее подвижному компоненту языка, осуществляется системное давление. Система сравнительно легко справляется с небольшим количеством заимствованных слов, приспособляя их к своим закономерностям. В условиях же тесного языкового контакта, на определенной фазе билингвизма, значительное увеличение числа заимствованных слов приводит к известной перестройке системы. Количество переходит в качество. Количественные накопления вызывают качественные изменения.

Итак, системные изменения возникают на определенном уровне межъязыкового контакта. Поскольку этот уровень оказался примерно одинаковым в опоясывающей восточнославянский массив иноязычной зоне, и результат, в частности появления корреляции палатализации, оказался в известной мере одинаковым. Рассматриваемые в этом плане условия появления корреляции палатализации в молдавском говоре приобретают интерес для общей проблемы билингвизма, для общих теоретических проблем диалектологии, разработка которых поставлена сейчас на повестку дня (см. Постановление Бюро Отделения литературы и языка АН СССР по докладу члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова «О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии». «Известия Академии наук СССР», серия литературы и языка, т. XXIII, вып. 6, 1964, стр. 562).

ЛИТЕРАТУРА

- A. 1. Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, (перевод с немецкого), М., 1960.
- A. 2. Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931.
- A. 3. Р. О. Якобсон. О фонологических языковых союзах. «Евразия в свете языкоznания». Прага, 1931.
- A. 4. М. В. Сергиевский. Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР. «Ученые записки Института языка и литературы», т. I, М., 1927.
- A. 5. Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка (перевод с английского). Сб. «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960.
- A. 6. А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях (перевод с французского). М., 1960.
- A. 7. В. В. Иванов. Теория фонологических различительных признаков. «Новое в лингвистике», вып. II, 1962.
- A. 8. С. К. Шаумян. История системы дифференциальных элементов в польском языке. М., 1958.
- A. 9. А. П. Евдошенко. К вопросу о применении стереометрической модели в области фонологии. Сб. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.
- A. 10. А. П. Евдошенко. Елементе де фонология диакроникэ. Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть. Кишинев, 1964.
- A. 11. Э. Беркли. Символическая логика и разумные машины (перевод с английского). М., 1961.
- A. 12. М. В. Сергиевский. Молдаво-славянские этюды. Изд. АН СССР, М., 1959.
- B. 1. R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, Praha, TCLP, II, 1929.
- B. 2. R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde. Praha, TCLP, IV, 1931.
- B. 3. R. Jakobson, Les unions phonologiques des langues. „Le Monde slave”, VIII, Paris, 1931.
- B. 4. R. Jakobson. Sur la théorie des affinités phonologiques des langues. „Actes du Quatrième Congrès International de linguistes tenu à Copenhague”, 1936.
- B. 5. R. Jakobson. Sur la théorie des affinités phonologique entre les langues, art. publ. dans N. S. Troubetzkoy, Principes de phonologie, Paris, ed. I, 1949; ed. II, 1957.
- B. 6. A. Avram. Bibliografia fonologică românească. „Fonetica și dialectologie”, III, București, 1961.
- B. 7. S. Marcus. Lingvistică matematică, București, 1963.
- B. 8. Notes autobiographiques de N. S. Troubetzkoy communiquées par R. Jakobson; N. S. Troubetzkoy. Principes de phonologie (v. B. 5).

C. B. СЕМЧИНСКИЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Количество и характер заимствований непосредственно отражают характер взаимодействия контактирующих языков. Например, молдавские заимствования в украинском языке и украинские в молдавском являются своеобразным зеркалом, отражающим взаимосвязи между молдавским и украинским языками. При этом для того, чтобы зеркало не оказалось кривым, в изучении заимствований следует обязательно учитывать территориальные и временные параметры молдавских элементов в украинском и украинских элементов в молдавском языке.

Среди различного рода заимствований особое место принадлежит семантическим заимствованиям. Часто семантические заимствования рассматриваются в составе калек. Однако калькирование и семантическое заимствование — явления не тождественные, хотя и обладающие рядом подобных черт. Общее у этих двух явлений то, что в обоих процессах язык использует собственные морфемы, которые организуются так или иначе и связываются с определенным значением под влиянием иноязычных моделей. Однако аналогия между процессами калькирования и семантического заимствования только и ограничивается тем, что в обыденной речи называют «буквальным переводом». Вместе с тем эти процессы обладают и рядом отличий. Эти последние как раз и заставляют даже тех лингвистов, которые объединяют калькирование и семантическое заимствование в один процесс, как-то выделять явление семантического заимствования. Так, Р. А. Будагов пишет, что «кроме структурных, существуют и смысловые кальки», и добавляет, что «смысловые кальки — явление сравнительно редкое и почти совсем не изученное»¹. Со второй

¹ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 112.

частью последнего утверждения можно согласиться, однако нам представляется неубедительным мнение, что семантическое заимствование — процесс, редко встречающийся в языках. Наоборот, везде, где существует (или существовало в прошлом) двуязычие, следует предполагать и наличие семантических заимствований. Л. А. Булаховский, рассматривавший семантические заимствования в составе калек, тоже вынужден был признать особый характер того, что он назвал «заимствованными связями значений»².

Под калькированием следует понимать процесс образования **нового слова** с использованием собственных морфем и иноязычной словообразовательной модели (в полукальках одна морфема может быть иноязычной). Под семантическим заимствованием следует понимать заимствование значения под влиянием полисемии иноязычного слова, при этом в языке не образуется новое слово (фономорфологическая внешность), а используется уже существующее. Заимствование значения приводит к образованию полисемичных слов вплоть до возникновения омонимии. Калькирование же не может создать омонимов, так как при этом процессе заимствуется сам способ образования нового слова.

Процесс семантического заимствования объясняется просто. Допустим, что в языке А существует полисемичное слово *a* со значениями «1» и «2». В языке Б существует моносемичное слово *b* со значением «1», совпадающим в основном со значением «1» слова *a* из языка А. При двуязычии коллектива, владеющего языками А и Б, связи между значениями и звуковыми представлениями настолько переплетаются, что полисемия слова *a* вызывает полисемию частично совпадающего с ним иноязычного слова *b*. Другими словами, в языке Б слово *b* приобретает и значение «2», заимствованное из языка А. При этом заимствуется не само значение, а его связь с определенным словом. Главным в этом процессе является то, что язык связывает с одной фономорфологической внешностью два значения. Калька же при ее образовании моносемична.

В молдавском языке существует немало семантических заимствований из славянских языков. В диахроническом плане эти заимствования располагаются отдельными пластами, соответствующими отдельным периодам восточнороманско-славянского взаимодействия. Наиболее древний слой славянских семантических заимствований — это заимствования из языка древнего славянского населения бывшей Дакии, влившегося в состав восточно-романских народностей. Ниже приводятся некоторые примеры таких заимствований (после молдавского слова указывается его

² Л. А. Булаховський. Нариси з загального мовознавства. Київ, 1955, стр. 113.

унаследованное значение, затем заимствованное, и, наконец, славянское слово, с которым сопоставляется соответствующее молдавское).

луме 1. «свет» 2. «мир» («земля») ст. сл. СВѢТЪ³
фацэ 1. «лицо» 2. «особа» ст. сл. ЛИЦЕ.
карте 1. *«письмо» 2. «книга» ст. сл. КНИГЫ⁴
жок 1. «игра» 2. «танец» ст. сл. ИГРА
витэ 1. *«жизнь» 2. «животное» ст. сл. ЖИВОТЪ
флоаре 1. «цветок» 2. *«цвет» ст. сл. ЦВѢТЪ
лунэ 1. «луна» 2. «месяц» (часть года) ст. сл. МЬСАЦЬ
фемее 1. «жена» 2. «женщина» ст. сл. ЖЕНА⁵

(знак * отмечает несохранившиеся в современном языке значения).

Здесь же следует сказать и об «отрицательном семантическом заимствовании». Речь идет об утрате языком какого-либо исконного слова под иноязычным семантическим влиянием. Так, в молдавском языке и почти везде в Румынии не сохранилось различие в названиях руки, подобно разнице, существующему в западных романских языках (ср. фр. *main* и *bras*). Это явление может быть объяснено только славянским влиянием, так как славяне воспринимают эту конечность человеческого тела как целое⁶. С другой же стороны, там, где *брац* обозначает не непосредственно руку, это слово сохраняется, ср. *брац де лемне* «охапка дров», *брац* «рукав реки», *а ымбрэциша* «обнимать»⁷ и т. п.

Более новыми являются семантические заимствования из славянских языков, с которыми контактировал молдавский язык в позднюю эпоху, заимствования абстрактного характера. К этой группе можно отнести такие заимствования:

³ Во избежание омонимии (см. ниже) *луме* «свет» почти полностью исчезло, даже выражение *лумя окилор* > *лумина окилор*, см.: Дакоромания, IX, стр. 443—444. Но и XVIII в. *луме* «свет» еще активно употреблялось, ср. у И. Некулче: *ши ау ынчепут а сэ бате пре врэжмаш, кыт ынтунекасэ лумя* «и начали громить врага так, что затмили свет».

⁴ Для избежания омонимии *карте* «письмо» тоже перестало употребляться, за исключением словосочетания *карте пошталэ* «открытка», которое, впрочем, можно толковать как результат народной этимологии.

⁵ В этом случае особенно значительным явилось влияние восточнославянских языков, см. ALRM, partea 1, vol. II, карта 379.

⁶ Ср. О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957, стр. 45—47.

⁷ Явление утраты значения «рука» словом *брац* впервые отмечено в статье С. Попа и Э. Петровича. *Din atlasul lingvistic al României*. В кн.: Дакоромания, VII, стр. 95—102. См. там же карту с ответами на вопросы 361 (рука, *main*) и 2158 (рука, *bras*). Ср. статью Э. Петровича. «Omonimia brîncă «main»; érusipèle». В кн.: Дакоромания, X, стр. 353—360.

күцит 1. «нож» 2. «черенковый нож плуга» укр. *ніж*⁸
скындурэ 1. «доска» 2. «отвал плуга» болг. *дъска*
колцун 1. «чулок» 2. «стойка плуга» укр. *носок*
кэлкый 1. «пятка» 2. «пятка плуга»: укр. *п'ятка*
кэнэтый 1. «подушка» 2. «часть передка плуга» укр. *подушка*
броаскэ 1. «лягушка» 2. «часть плуга» укр. *жабка*
3. «замочная скважина» болг. *жабка*
скарэ 1. «лестница» 2. «боковая стенка телеги» укр. *драбина*⁹
а аузи 1. «слушать» 2. «чувствовать запах»¹⁰ русск. *слыхать*,
укр. *чuti*
а се апука 1. «ухватиться» 2. «взять обязательство»¹¹ русск.
взяться, укр. *уздяти*
а фура 1. перех. гл. «красть» 2. возвр. гл. «красться»¹², русск.
красться, укр. *крастися*
лимбэ 1. «язык» 2. «информатор» русск. *язык*, укр. *язик*¹³
а спарже 1. «разбить» 2. перен. «разгромить»¹⁴ русск. раз-
бить, укр. *роздити гроши*

3. «разменять (деньги)

кэмашэ 1. «рубашка» 2. «детское место»¹⁵ укр., русск. *сорочка*
а фужи 1. «бежать» 2. «сбегать» о (молоке)¹⁶ укр. *збігати*
блындэ 1. прил. ж. р. «добрая» 2. «крапивница» болг. *добра*
а фрека 1. «тереть» 2. «крошить» укр. *терти*, серб.-хорв. *трти*¹⁷

⁸ См. ареал второго значения в Румынии по ALRM sn, карта 14.

⁹ Этот и ряд предыдущих примеров приведены по диссертации В. С. Сор-
балэ «Развитие молдавской производственной диалектной лексики» (маши-
нопись, 1963), автор которой, однако, допускает и самостоятельное развитие
новых значений в молдавском в результате каких-либо ассоциаций. Впрочем,
этому противоречат им самим превосходно выполненные карты по програм-
ме АЛМ.

¹⁰ Ср. речение в русско-молдавском разговорнике М. Стрильницкого: «*дунэ духул луй сэ ауде (кэ тутунул) ый фоарте таре*» — «по запаху слышно,
что (табак) очень крепкий».

¹¹ Сравнительно часто встречается у Некулче: *н-ау врут сэ сэ апуче де*
ачеле лукрур; *ел с-апукасэ кэ ва адуче кеиле четэцый; ханул... ла галиоанеле*
*москичешть н-ау путут ажунже, сэ ле апринзэ, прекум с-ау апукат кэтрэ ым-*нэртул турческ.**

¹² Ср. у Некулче: «*О самэ динтре дынишь с'ау фурат ноаптя*» — «кое-кто
из них ночью подкрался». Для устранения омонимии в современном языке
во втором значении употребляется глагол *а се фуриши*.

¹³ П. П. Панайеску полагал, что в этом случае следует видеть польское
влияние, впрочем, В. Богря справедливо отверг это мнение, см. его рецензию
на работу Панайеску в кн.: Дакоромания, IV, стр. 1053.

¹⁴ Например, у Некулче: *й-ау ловит фэрэ весте.. де й-ау спарт «удари-
ли их внезапно... и разгромили».*

¹⁵ См. ареал второго значения в ALRM, partea 1, vol. II, карта 289.

¹⁶ См. ареал второго значения в ALRM, partea 1, vol. II, карта 337. В
большинстве районов Дакоромании говорят *лаптеле дэ ын фок.*

¹⁷ Здесь предлагается сравнить с двумя славянскими языками, так как
в пользу такого сравнения свидетельствует территория распространения вто-
рого значения, см. S. Pop. „*Din atlasul lingvistic al României*”. В кн.: Дако-
романия, VII, стр. 72—74.

- брэшор* 1. «ячневая крупа» 2. «ячмень (у глаза)¹⁸ укр. яч-
мінь
верде 1. «зеленый» (цвет) 2. «неспелый» болг. зелен, укр. зе-
лений
ос 1. «кость» 2. «косточка плода» укр. кістка
а фербе 1. «кипятить» 2. «сваривать» (металл) русск. варить,
укр. варити.

И этот, как и предыдущий, список можно значительно продолжить. Здесь приводились примеры семантического заимствования в словах исконных, но под иноязычным влиянием становятся полисемичными и заимствованные слова, например:

- пернэ* 1. «подушка» 2. «подушка плужного передка» укр. по-
душка
труп 1. «тело» 2. «стойка плуга» укр. корпус
кош 1. «корзина» 2. «лагерь» укр. кіш, болг. кош
3. «дымоход»¹⁹ болг. кош
бабэ 1. «старуха» 2. «повивальная бабка»²⁰ русск., укр. баба
3. «бабка» (пирог)²¹ русск., укр. бабка
ситэ 1. «сито» 2. «насып» (ящик для зерна, предназначенног
о к размолу)²² укр. сито.

Немало семантических заимствований проникло в недавнее время. Этот процесс продолжается и сейчас. При этом некоторые семантические заимствования приобретают интернациональный характер. Например:

- район* 1. «отдел магазина» (устар.) 2. «район» (адм. русск.
район
сарчинэ 1. «поклажа» 2. «обязанность» русск. нагрузка
а контрола 1. «проверять» 2. «господствовать»²³ русск. кон-
тролировать
бригадир 1. «бригадный генерал» 2. «бригадир» русск. брига-
дир
кампания 1. «кампания» (только военная) 2. «кампания»
(выборная, посевная) русск. кампания
зид 1. «стена» 2. спорт. «стенка» русск. стенка
лумынаре 1. «свеча» 2. спорт. «свечка» русск. свечка

¹⁸ Во втором значении употребляется также и слово *орз* «ячмень». См. Дакоромания, IX, стр. 427.

¹⁹ См. I. A. Candrea. Constatări în domeniul dialectologiei, „Grai și susflet“, vol. I, fasc. 2 (1924), стр. 172.

²⁰ Ср. ареал второго значения в ALRM, р. I, vol. II, карта 293.

²¹ См. «Молдавско-русский словарь». М., 1961.

²² Ср. ареал этого значения в ALR sn, том 1, карта 171.

²³ Например, *Стателе Уните контролляэз гувернеле латино-американе — Соединенные Штаты контролируют латино-американские правительства*. Заимствование из языка прессы.

ѣкспликаре 1. «объяснѣніе» (название действия) 2. «объяснение» (результат действия)²⁴ русск. *объяснение* винтреcherе 1. «состязание» 2. «соревнование» (социалистическое) русск. *соревнование*.

Можно различить книжные семантические заимствования и устные. Большинство приведенных выше примеров относится ко второй категории. В качестве примера книжного семантического заимствования можно назвать молд. *ынтунерик* 1. «темнота» 2. «десять тысяч», получившее второе значение в средневековой переводной литературе под влиянием славянского ТЬМА²⁵. Трудно определить, является ли молд. *лимбэ* 1. «язык» 2. «народ» книжным или устным семантическим заимствованием из славянских языков (ср. ЯЗЫКЪ).

Изучение семантических заимствований связано и с значительными трудностями, так как явления, наблюдающиеся при этом процессе, во многом аналогичны явлениям, происходящим при процессе «внутреннего словообразования» (изменения значения слова). Невозможно с абсолютной уверенностью утверждать относительно нового слова, что оно образовано самостоятельно или под иноязычным влиянием. Например, молд. *хыртие* 1. «бумага» 2. «документ», часто встречающееся во втором значении в летописи И. Некулче, может быть семантическим заимствованием иноязычного происхождения (ср. русск. *бумага*), но нельзя отрицать и возможность самостоятельного семантического развития «бумага», «документ» на основе вполне понятной ассоциации.

В молдавском *a скрие* «писать» имеет еще и значение «рисовать, малевать» («*кипул луй Барновски есте скрис*» — «образ Барновского нарисован» — в летописи Мирона Костина; *оуэ скри-се* «писанки»; ср. лат. *scribēre*, но *pingere*). Можно предположить, что второе значение заимствовано из славянского ПИСАТИ, но молдавское слово бытовало в языке до появления письменности, и это затрудняет решение вопроса, тем более, что аналогичная семантическая связь наблюдается и в греческом языке. Так, в хронографе Феофана об одной иконе говорится, что ее «*τὸν χεῖτρες οὐκ ἔγραφάν*», а художник в греческом называется *ζωγράφος*, т. е. «живописец» (при *γράφω* «пишу» и «рисую, пишу красками»). Подобным образом можно было бы предположить, что значение «целовать» латинский глагол *salutare*, молд. *a сэрута* получил под влиянием славянского ЦЕЛОВАТИ 1. «приветствовать» 2. «целовать». Но такое же значение встре-

²⁴ Ср., например, *експликария констэ ын фаптул кэ...* вместо *експликация констэ ын фаптул кэ...* «объяснение состоит в том, что...».

²⁵ S. Pușcariu. En travaillant au dictionnaire, „Etudes de linguistique roumaine”, 1937, стр. 368.

чается у наследника лат. *salutare* и в Западной Европе²⁶. То же самое следует сказать и о развитии значения «штука» в существительном сары²⁷.

Этот ряд примеров говорит о трудностях установления семантического заимствования. Однако это не значит, что следует отказаться от установления иноязычного семантического влияния. Кажущаяся трудность очень часто устраняется с помощью данных лингвистической географии. Ареалы значений и внимательное исследование истории языка и истории народа-носителя этого языка позволяют вполне определенно говорить в тех или иных случаях о семантическом заимствовании, а не о самостоятельном «внутреннем словообразовании». Для успешного определения и различия процессов семантического заимствования и «внутреннего словообразования» необходимо дальнейшее изучение языкового материала в пространственном аспекте. Лингвистическая география может и должна помочь исторической лексикологии и семасиологии.

Язык стремится избежать возникающей при семантическом заимствовании омонимии. Для этого используется либо дифференциация фономорфологических внешностей омонимов (а), либо замена термина (названия) (б).

(а) Для различия значений «свет» и «мир», совпавших в слове *луме*, возникло слово *луминэ* «свет», оставив за *луме* значение «мир», «люди», «народ». Таким образом после того, как лат. *vita* «жизнь» под влиянием славянского ЖИВОТЬ получило в Восточной Румании и значение «животное» — *вите*, в целях избежания омонимии понятие «жизнь» начали обозначать словом *вяцэ* < лат. **vivitia*.

(б) Термин *скрисоаре* «письмо» появился в молдавском сравнительно поздно. Он отсутствует в древнейших письменных памятниках. Первоначально это слово имело несколько иное значение, чем в современном языке, а именно «письмо» (способ начертания знаков), «грамота» (школьная подготовка), «книга»²⁸. Но значение «книга» передавалось и словом *карте* в результате семантического заимствования из славянских языков. Слово *кар-*

²⁶ По утверждению С. Пушкариу, в раб. «Pe marginea cărților». В кн.: Дакоромания, VII, стр. 496, Ср. A. Zauner, Romanische Sprachwissenschaft, 4-е изд., 1926, стр. 10.

²⁷ Ср. укр.: *головки сиру*, *головка цибулі* и т. п.; македоно-рум. *доаі сапіте ді* саš «две головки сыра»; новогреч. ἔνα χεφάλι τοῦ. По утверждению С. Пушкариу, такое же развитие в каталанском и сардинском, ср. сард. *ca bida* «голова» (при подсчете скота). Подобное же развитие значения «не могущий», «больной» произошло и в македоно-рум. *пірутут*, ср. молд. *непутин-цэ*, укр. *занемогли*, алб. *sëmund*, болг. *немощ*, греч. ἀδύνατος. «могу»).

²⁸ Ср. в летописи Уреке «яр скрисориле стрицнилор май не ларгуши де ажонсусу скриу...» «а книги (писания) иностранцев шире и вполне достаточно описывают...»

те сохраняло и исконное значение «письмо» (эпистолярное послание). В целях ликвидации омонимии значение «письмо» отходит от слова *carte* и закрепляется за словом *скрисоаре*, хотя еще в XVII веке *carte* значило «письмо», а *скрисоаре* — «книга»²⁹. Заемствование из славянских языков *дыхание* < (ДЫХАНИЕ) первоначально имело значение «всякое живое существо». В устной речи оно сравнительно быстро приобрело значение «чудовище, зверь», которое вытеснило первоначальное значение. Появилась необходимость передавать его другим способом, поэтому прибегли к кальке *суфларе*.

Но тенденция к ликвидации омонимии не является всеобщей и всеохватывающей. Значительная часть семантических заемствований сохраняется в языке, не вызывая изменения фономорфологических внешностей и создания новых слов, способствуя тем самым экономии словообразовательных средств языка.

Диахроническое исследование семантических заемствований не только дает материал для объяснения состава и происхождения лексики того или иного языка, но и позволяет подойти к решению вопросов экстралингвистического порядка. Акад. Ал. Розетти усматривает в семантических заемствованиях и кальках по славянским моделям одно из доказательств того факта, что в славяно-восточнороманском симбиозе на территории бывшей Дакии двуязычным оказалось славянское, а не романское население³⁰. Этот аргумент, разумеется, не является единственным. Акад. Э. Петрович полагал, что на территории Дакии некогда существовали двуязычные славяне и двуязычные романцы³¹. Однако, как правило, в состоянии двуязычия может находиться только один из двух взаимодействующих языковых коллективов. В лучшем случае только некоторые представители второго языкового коллектива владеют языком первого, если первый полностью владеет языком второго.

Клужский лингвист Т. Капидан считал, что авторами семантических заемствований из славянского языка были сами романцы³². Позже на этом вопросе подробно останавливался С. Пушкариу, правда, привлекая в качестве иллюстративного материала не семантические заемствования, а кальки. Это было вызвано тем, что в то время не проводили четкой границы между семантическим заемствованием и калькированием. Проследим за ходом рассуждения С. Пушкариу: «Для того, чтобы у меня в опре-

²⁹ I. Stefan. Cuvîntul *scrisoare* în limba română, „Limba română”, XI, 1962, № 1, стр. 58.

³⁰ A.I. Rosetti. Istoria limbii române, vol. III, Limbile slave meridionale (sec. VI—XII), Bucureşti, 1964, стр. 37.

³¹ E. Petrovici. Elementele slave din limba română — mărturie a legăturii dintre poporul nostru și poporul rus. „Limba română”, 1952, № 1, стр. 19.

³² Th. Capidan. Calques linguistiques. В кн.: Dacoromania, I, стр. 335.

деленный момент появилось иностранное выражение раньше, чем соответствующее выражение родного языка, необходимо, чтобы я привык думать на другом языке. Но думать иногда на другом, а не на родном языке еще не означает полного, до тончайших нюансов владения им и особенно не означает овладения его словообразовательными законами. Поэтому иногда случается, что мы вводим в наш родной язык слово, образовательная форма которого «аналогична», возможна, но не существует в иностранном языке... Слово *godac* «годовалая свинья» имеет ясную этимологию — слав. *годъ* и суффикс *-акъ*. Однако ни в одном из языков славянских народов, с которыми контактировали румыны, нельзя засвидетельствовать форму *годакъ*). С другой стороны, простое слово *годъ* не вошло в румынский язык, следовательно, нельзя считать *godac* румынским новообразованием. Отсюда надо предположить, что тот, кто ввел впервые это слово в румынский язык, знал хорошо болгарский и по словообразовательным законам последнего создал слово **годак*, однако он не владел болгарским в такой степени, чтобы знать, что узус болгарского языка высказался в пользу образования *год-ин-ак* (которое впрочем, также вошло в румынский язык в форме *godanac*)³³.

С рассуждением С. Пушкариу можно полностью согласиться, но только в отношении калькированных элементов лексики, а не семантических заимствований. На его примере еще ярче становится необходимость различения процессов калькирования и семантического заимствования. Что же касается того, что авторами семантических заимствований были не романцы, а двуязычные славяне, то это положение находит подтверждение в свежих наблюдениях румынской лингвистики Ф. Думитреску³⁴. Она отмечает: «Если мы обратимся к калькированию путем прибавления значения (так называется здесь семантическое заимствование — С. С.), то отметим, что оно может быть осуществлено только тем лицом, которое в своем родном языке связывает оба значения, в то время как калькирование путем перевода составных элементов слова или с использованием предлогов может принадлежать и лицу, на языке которого осуществляется калькирование».

В статье «Развитие румынского национального языка в годы народной власти» акад. Иоргу Иордан подчеркнул огромное значение, которое приобретает в наши дни изучение источников обогащения языка³⁵. Все сказанное там в полной мере относится и к молдавскому языку. На этом пути особенно важно учитывать процессы калькирования и семантического заимствования, значитель-

³³ S. Pușcariu. Pe marginea cărților. Dacoromania, VII, стр. 467—468.

³⁴ F. Dumitrescu. Note asupra interferenței dintre limbi în cursul achiziției unei limbi noi, SCL, XI, 1960, № 3, стр. 469.

³⁵ Бюллетень научной информации. Общественные науки. 1962, вып. 2, стр. 13—14.

но усиливающиеся в нашу стремительную эпоху, так как они служат делу обогащения и совершенствования языка, не вступая в противоречие с его характером, как это можно было заметить иногда в случае обычных лексических заимствований.

T. B. УРСУ

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛАВЯНИЗМЫ В ХРОНИКЕ Д. КАНТЕМИРА

Одной из важных, но еще недостаточно изученных проблем, является проблема славянизмов древнемолдавского языка, разработка которой даст возможность определить пути, формы, характер, степень употребления и роль славянского элемента в формировании и дальнейшем совершенствовании молдавского литературного языка.

Славянское влияние сказалось особенно сильно и на творчестве Д. Кантемира — передового молдавского мыслителя конца XVII и первой четверти XVIII в., глубокого знатока западной и восточной культур, прожившего в России 12 лет.

Особенно глубоки следы славянского влияния в лексике Д. Кантемира¹, содержащей латинские неологизмы, общепринятые в русском официальном стиле эпохи Петра I, которые можно считать заимствованиями из русского языка, а также книжные славянизмы, которые, согласно утверждению Ем. Петровича, входили в состав литературного языка².

Отмечая наличие славянских заимствований в области лексики молдавского языка, как в прошлом, так и в настоящем, автор пишет, что жители Молдавии «смешали в своем языке много славянских слов; подобно тому как и теперь смешиваются» — 202/об.³ Автор хроники прибегает в своей языковой практике к лексическим славянизмам для выражения отдельных понятий: например, *областиа* — 32 (<ст. сл. *область*), *осырдие* — 26 (<ст. сл. *оусердіє*), *стидирѣ* — 4/об. (ср. ст. сл. *стыдъніе*, Дьяченко, 681), *стихуриле* 34/об. (<ст. сл. *стихъ*) — или для пояснения и уточнения смысла некоторых неологизмов, терминов при помощи синонимов славянского происхождения, которые, по-види-

¹ См. Șt. Giosu. Limba în opera lui Dimitrie Cantemir. „Analele științifice ale universității Al. I. Cuza” din Iași” (serie nouă), 1958, t. IV, стр. 132.

² Ем. Петрович. Limbă lui Dimitrie Cantemir. „Limba romîna”, 1953, 6, стр. 13.

³ Цитаты приводятся по рукописи Д. Кантемира «Хроникул векимей а Романо-Молдо-Влахилор», находящейся в Московском ЦГАДА. Цифра указывает на страницу рукописи; «об.» обозначает «обратная сторона листа».

мому, были доступны читателю: например, *колоний* (адек *слободзий*) — 11/об. (ср. укр. *слободи*, *ист. свободные земли*⁴) или *генеалогии* (адек *корение*) — 30/об. (<ст. сл. *корень*).

Многие слова, главным образом неологизмы, топонимы, этнонимы по форме напоминают русские эквиваленты: *авторъ* — 33/об. (авторъ), *експериенциа* — 104/об. (эксперіенціа, Смирнов⁵, 346), *Аравия* 16/об.⁶, *францоз* 9/об. (ср. рус. *француз*). Аналогичное явление наблюдается и у молдавских летописцев XVII—XVIII вв. Гр. Уреке, М. Костина, И. Некулче, у некоторых писателей XIX в., а также в разговорном языке наших дней.

Многие глаголы, встречающиеся в хронике, — славянского происхождения.

Для этимологических исследований большой интерес представляет изучение фонетического состава глагола в его историческом развитии. Так, П. Бенеш полагает, что глагол *а кити*, этимология которого отсутствует в словарях, восходит к славянскому *пытати*, претерпевшему ряд изменений в результате чередований *ы*>*и*, *а*>*и* и *п*>*к*⁷. Правильность такого суждения подтверждается и данными семантического анализа. В славянском языке *пытати* обозначал «обсуждать, изучать, вникать»⁸, *обсудить* же означает «разобрать, обдумать, высказывая свои соображения по поводу чего-нибудь»⁹, *вникнуть* означает «вдумавшись понять» [Ожегов, 83], следовательно, во всех случаях сохраняется основной элемент семантики славянского глагола *пытати* — «думать», выражаящийся и глаголом *а кити*.

Большинство глаголов славянского происхождения в молдавском языке — IV спряжения, оканчивающихся в инфинитиве на -и или -уи. Даже глагольные новообразования, как: *а аргументуи*, *а экспликуи*, *а ынформуи* — относятся к IV спряжению, включая в свой состав суффикс -уи.

В области глагольного управления и залога наблюдаются некоторые грамматические кальки из славянских языков: глагол *а завистуи* «завидовать» строился с дательным падежом (луй Тео-

⁴ Украинско-русский словарь, том V (Р-С). Издательство Академии наук Украинской ССР, Киев, 1962, стр. 376.

⁵ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 29. (В дальнейшем: Н. Смирнов).

⁶ Григорій Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1899, стр. 21. (В дальнейшем: Дьяченко).

⁷ См. Р. Вепес. Origine slave du verbe roumain „a chiti“. Sborník prací filosofické fakulty Brnenske univerzity. Ročník VII, Rady jazykovědné (A) С. 6, Brno, 1958, стр. 107—110.

⁸ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II (Л—П). СПб., 1902, стр. 1759—1760.

⁹ С. И. Ожегов. Словарь русского языка, изд. IV, М., 1961, стр. 425—426. (В дальнейшем: Ожегов).

дор завистуинд — 274/об.), как в старославянском¹⁰ или в болгарском¹¹ языках: *А се вени* — «прийтись», в значении безл. «выпасть на долю» [Ожегов, 582] был возвратным (ср. прийтись: и *с'ау винит Москул* 276 — *ему пришлась (на его долю выпала) Москва*).

Исходя из контекстуального значения, глаголы славянского происхождения в хронике можно разбить на несколько категорий, обозначающих конкретные действия, связанные с а) общественными взаимоотношениями: *а се зэминти* — 59/об. (ср. пол. *зате-сіć*) «смешаться», *а се стэви* — 140 (ст. сл. *ставити*) «поселиться»; б) с различными жизненными процессами и действиями человека: *а се потопи* — 173 (ст. сл. *потопити*) «умереть», *а пофтори* — 39 (ст. сл. *повторити*) «повторить» (встречается также и у Гр. Уреке и М. Костина); глаголы, обозначающие абстрактные действия, связанные а) с государственной деятельностью: *а креи* — 87 (ст. сл. *краль*) «править»; б) с проявлением интеллекта: *а кити* — 173/об. (ст. сл. *пытити*) «думать»; в) психические и нравственные процессы и состояния: *а винуи* — 43 (ст. сл. *ви-на*) «обвинять», *а се торопи* — 253/об. (укр. *торопитися*) «воодушевлять».

Многие глаголы, входившие в состав семантических групп (например, *баснэ* — *а бэнуи* — бэнуиториу; *причинэ* — *а причини* — причиниториу), могли служить основой для образования производных слов: *а бэнуи* — *бэнуиториу*, *а причини* — *причиниториу*, что свидетельствует об их определенной давности и частоте употребления¹². Синонимические дублеты и триплеты и даже целые ряды (например, *а кити*, *а кумпэни* «думать»; *а се кэзни*, *а се сили*, *а се труди* «стараться, приложить усилия»; *а лови*, *а нэ-буши*, *а нэврэпи*, *а нэпэди* «напасть»), столь характерные и для старославянского и древнерусского языков¹³, служили средством обогащения языка и стилистической вариации.

Значительный интерес представляет также и семантическая эволюция заимствований в неславянских языках из славянского языка, так как она может облегчить этимологические исследова-

¹⁰ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, (А—К). СПб., 1893, стр. 901. (В дальнейшем: Срезневский, 1).

¹¹ А. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, т. I, 1885—1888. М., 1889, стр. 654.

¹² См. G. Mihăilă. *Imprumuturi vechi sud-slave în limba română*. Bucureşti, 1960, стр. 171.

¹³ См. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Проблемы славянского языкоznания. Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 91. (В дальнейшем: Проблемы славянского языкоznания).

ния¹⁴, раскрыть много новых значений, неизвестных или едва наметившихся в славянском языке, но развившихся впоследствии в других языках, ускорив процесс восстановления общеславянской лексики¹⁵.

Одни глаголы сохраняли значение соответствующих старославянских: *а брэни* означал «(вос)препятствовать», как и ст. сл. *бранити* (Срезневский, I, 166), или одно из значений: *а се кончени* 117/об. означал только «умереть, быть истребленным», как и ст. сл. *коńčatisia* «исчезнуть, умереть» (Срезневский, I, 1276), но второе значение этого слова «кончаться» не встречается. *А нэбущи* «напасть (на врага), вторгнуться», сохранил второстепенный переносный смысл сербского глагола *набусити* «напасть на кого-либо, наброситься на кого-нибудь с руганью»¹⁶.

Расширение смысла, основанное на метонимии (следствие вместо причины), наблюдается в случае глагола *а потопи* (ст. сл. *потопити*) «истребить, умереть». В славянских языках (старославянском, болгарском, сербском, чешском) он означает только «топить, погружать в воду, затоплять». В молдавском языке, помимо основного смысла, заимствованного из славянского, этот глагол приобрел более общее значение «умирать» (то есть стал выражать следствие действия глагола «потопити»), видимо, в результате семантической аттракции со стороны его синонимического эквивалента латинского происхождения — *а ынека* от лат. *peco* (означавшим «убивать, топить»).

Глагол *а лови* сохраняет смысл, унаследованный из славянского «атаковать, нападать» и «охотиться» (ср. ст. сл. *ловити* «охотиться, искать случай, чтобы повредить»). Для выражения действия охоты в молдавском языке стал использоваться также глагол латинского происхождения *а вына* (<лат. *venare*), который, расширив свое значение и сферу действия, заменил глагол *а лови* со значением «а вына». Основное значение, закрепившееся за глаголом *а лови* «ударять», основанное на синекдохе (расширение и обобщение его первичного смысла), объясняется лексико-семантической общностью молд. *а лови* «ударить» и ст. сл. *ударити* «напасть». Семантическая аттракция со стороны славянской лексики сказывается и на глаголах неславянского происхождения. Так *а кэдя* из лат. *cadere* употреблялся и со значением «нападать», как и ст. сл. *паденик*, означавшее «нападение» (Срезневский, II, 359).

¹⁴ См. L. Șăineanu. Încercare asupra semasiologiei limbii române. București, 1887, стр. 10; Славский. Замечания об этимологических исследованиях славянской лексики. В сб.: Проблемы славянского языкоznания, стр. 86.

¹⁵ См.: P. Olteanu. Contribuții la studiul slavonismelor lexicale din texte rotacizante. I. Substantive. «Studii și cercetări lingvistice», 1960, 3, стр. 603.

¹⁶ См. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 426.

Наблюдение над глагольными славянизмами хроники показывает, что они занимали важное место среди прочих заимствований, это свидетельствует об интенсивности славянского влияния в области лексики хроники. В дальнейшем следует уделить должное внимание изучению славянского влияния на язык Д. Кантемира, так как до сих пор подчеркивались лишь латинское, турецкое и греческое влияния.

По своей форме одни глаголы сходны со славянскими (*а пофтори*), другие видоизменили свой фонетический состав (*а се сэвырыши* — *а се сфырыши*). Некоторые неологизмы французского происхождения проникли в молдавский язык через посредство русского языка. Исходя из этих соображений мы считаем, что проблема проникновения отдельных неологизмов в молдавский язык требует дальнейшего уточнения. Уточнение сведений о некоторых славянских этимонах и семантических сдвигах облегчит процесс создания этимологического словаря молдавского языка. Данные лексико-семантического и этимологического характера, содержащиеся в памятниках прошлого, послужат для дальнейшего изучения славянских заимствований в романских языках в частности и всех заимствований вообще, для дальнейшей разработки проблем лексикологии и семасиологии молдавского языка в историческом плане.

И. БОГАЧ

ТЕРМИНОЛОЖИЯ ЖЕОГРАФИКЭ МОЛДОВЕНЯСКЭ ЫН ПРИМА ЖУМЭТАТЕ А СЕКОЛУЛУЙ XIX (пе база материалелор луй Г. Асаки)

Бынчепутуриле терминоложией жеографиче молдовенешть датяэ де ла Димитрие Кантемир. Ануме Кантемир ын «Скара нумерелор ши кувинтелор стренине тылкуитоаре» ку каре се ынкее романул «История иероглификэ» (1705) пентру прима датэ а ынрегистрат ши а експликат о ынтрягэ серие де терминъ жеографичъ ши космографичъ (*аустру, катаррактис, комитис, еклипсис* ш. а.).

Ын курсул секолулуй XVIII ын Молдова ау чиркулат май мулте лукрэръ жеографиче де провениенцэ диферитэ, дин каре унеле ау фост традусе орь компилате кяр ын Молдова. Нич ачестя, ынсэ, н'ау дус, дупэ кум н'а дус нич опера луй Кантемир, ла стабилитатя атыт де нечесарэ ын терминология штииницифи-

кэ жеографикэ. Ну адуче унiformизаре нич Амфилохие Хоти-ниул, каре типэреште ла Яшь ын 1795 прима карте молдовеняскэ де жеографие «Де общте географие пе лимба молдовеняскэ, скоа-сэ де пе география луй Буфиер», пентру каре академичианул И. Иордан пресупуне пе лынгэ ун модел италиян ши унул русеск¹. О сингурэ експепции конституе Василе Фабиан, каре ын картия са «Елементеле географией» (1834) избутеште сэ ынчэтэ-ценяскэ о парте де терминь, каре се вор реынтылни ын ачяеш формэ ла ауторий постериорь ши вор ынтра апой ын узул же-нерал.

Терминология жеографикэ молдовеняскэ с'а креат ын жене-рал суб инфлюенца русэ, каре с'а ынчепут ла ной дестул де де-време. Историул ромын Николае Иорга менциона доуэ траду-черь жеографиче дин русеште ын 1725 ши 1753² ши о «География че с'ау тэлмэчит пре лимба ромыняскэ де пе чя москичаскэ, че с'ау типэрит ын Сфынтул-Петербург... ла аний 1759», традусэ де Сава Попович ын анул 1785³.

Ачастэ инфлюенцэ русэ ын чея че привеште терминий жео-графичь о констатэм ши ла кроникарий ноштри, ла Д. Канте-мир ши алць скринторь. Де пилдэ: *Аравия, цара арэяскэ, Греция* (ла Костин), *Флоренция* (ла Уреке).

Ын прима жумэтате а секолулуй ал XIX-ля, каре есте о пери-оадэ де модернизаре ши де стабилире а вчестей терминологий, инфлюенца лимбий русе девине ши май путерникэ, май алес ду-пэ пачя де ла Адрианопол. Лексикул жеографик, каре се импуне акум ши каре ын мажоритатя казурилор ера де орижине ини-циал латинэ сау латино-романикэ, не вине прин лимба русэ.

Ын анул 1839 апаре мануалул луй Иосиф Женилие «Жеогра-фие историкэ, астрономикэ, натуралэ ши чивилэ», каре избутеште сэ импунэ ын уз о парте дин терминология жеографикэ модер-нэ. Астфел ануме де ла Женилие датязэ форма *жeографiе*, пен-тру каре тот трекутул офөря нумай формэ *геогrаfie*. Де акум ынаинте ун сингур термин ынлокуеште о серие де дублете, узи-тате ын диферите извоаре. Де пилдэ: терминул *екинокциu* ынло-куеште серия де екваленте — *исонихтэ, исиметриe, еквинокциe, еквиноантe, екинонс, екононс*.

Ынрэдэчинаря уней терминологий жеографиче униче а путут авя лок акум даторитэ фаптулуй кэ ноул лексик ши ноиле форме се ынтродучяу ынтр'о периоадэ де инаугураре ши унификаре а ынвэцэмьынтулуй ын школиле элементаре.

Георге Асаки н'а скрис кэрць специале де жеографие. Дар ел аре ын фаца посторитэций меритул де а фи едитат ун атлас же-

¹ I. Iordăne. *Influențe rusești asupra limbii române*, „Analele Academiei R.P.R.”, seria C., t. I, memorial 4. București, 1949, паж. 44.

² N. Iorga. *Istoria literaturii românești*, II, București, 1926, паж. 143—144.

³ N. Iorga. *Istoria invățământului românesc*. București, паж. 92.

ографик, алкэтут дин б хэрць литографияте. Ачестя сынт: харта женералэ а Америчий (1840), Африка (1840), Океания (1841) ши доуэхэрць але Молдовей ши Басарабией ку цинутириле ши портуриле лор (1855) ши де дупэ трататул де ла Парис (1856)⁴.

Афарэ де ачаста ын скриериле луй Асаки се купринд мулць терминь штиинцифичь дин домениул жеографией. Спре деосебире де алць ауторь контемпорань,aproape ын тоате казуриле, ел ле-а ынсоцит ку экспликаций адеквате. Ачестя, сервинд ын примул рынд ла лимпезимя текстулуй, ау контрибуит ши ла популяризаря терминологии жеографиче, ла ынтродучеря ей ын лимбэ. Тотуш Асаки н'а гичит ын тоате казуриле форма чай май избутитэ а терминилор, унеорь кяр ымпотрива узулууй, каре се статорничя, ел стэрье ла менцинеря унор форме ындрэжите, дар депэшите ла ачя датэ де алте форме конкуренте.

Пентру а эксплика ун термин ноу Асаки се фолосеште де мижлоачеле, де каре, де алтфел, ел се фолося ши ла гласаря неоложизмелор дин диферите домений: де челе май десе орь ел алэтура ла кувынт, кяр ын текст, о экспликации сумарэ; алтеорь ел кобоарэ экспликация ын субсол, ын нотэ; даэ опера датэ авя анексат ун вокабулар, атунч терминул орь неоложизмул жеографик ку экспликация са ышь гэсэя локул аич. Ятэ о микэ листэ де топониме ши терминь жеографичь ку экспликаций екстрасе дин диферите публикаций але ачестуй харник черчетэтор:

Асия «а патра парте а лумий, каре цине пэрциле рэсэритуй» (ИИР, Вок.)⁵;

Буту «аша се нумеште пе вырфул Плопулуй (Чахлэулуй) о стынкэ ын форма унуй турну, де ла витязул оштэн ши вынэторул Буту, че ау трэйт аиче ын векиме ши вынынд ун черб ау кэзут де пе ачастэ стынкэ, каре поартэ акум нумеле сэү» (П. Вок.);

Етна «фоко-вэрсэторюл мунте Етна дин Сичелия» (АР, 1831, 8); «нумеле унуй мунте дин Сикилиа, кариле де ла сине апринзынду-се арде» (ИИР, Вок.);

Зона «брыул пэмынтулуй, ынсемнязэ ши клима» (П. Вок.);

Истру «нумеле векь а Дунэрий» (П., Вок.);

Карпату «се нумеск мунций че деспарт Молдова де Трансильвания» (П., Вок.).

Ачесте лэмурирь сынт унеорь атыт де ынтинсе, ынкыт се презинтэ ка адевэрарате артиколаше дескриптиве. Ятэ нумай о пилдэ:

⁴ „Ugicagul”, XVI, Iași, 1891, паж. 415.

⁵ Прескуртэриле дин парантээ ынсемнязэ: АР — «Албина ромыняскэ, газета политикэ ши литерарэ», 1829—1840; ИИР — И. Кайданов, «История империи россии», Традучерде Г. Асаки, вол. I, 1832, вол. II, 1833; ИЛ — «Икона на лумий», 1841; КЛ — Miron Costin. Opere. Letopisești țării Moldovei de la Aron Vodă încoace, București, 1958; НЛ — N. Neculice, Letopisești țării Moldovei, ed. II, București, 1959; П — «Поэзий», 1836; УЛ — G. Ureche. Letopisești țării Moldovei. București, 1955; БИ — «Бордююл индиенеск», 1821.

Албэ-четате «нумитэ ла чий векь Оксна. Четате а Молдовий, акум ын Бесарабия ла гура Ниструлуй, лэнгэ Маря Нягрэ, аколо се афлэ ун лак нумит Овиду. Сэ пресупуне кэ аиче ар фи трэйт ын ексил (сургун) ачел поета латин Овиду ынсушь. Ын а сале поэзий де Понто үнүштэе Томи ын Скитиа. Локул петречерий сале, ши финнд кэ Скитиа сэ ынтиндя пынэ ла Нистру, апой ачесте традиций с'ар пэрэ асемэнате, де ши алций пун Томи пе Нипру, алций ын Тракиа, дядрептул Дунэрий. Пентру армоние ромыний зик ынтынде ын версурь *Далба Четате* ын лок де *Четате-Албэ*» (П., Вок.).

Алтеорь экспликация окупэ ынтиягэ. Аша сынт, де пилдэ, экспликацииле пе каре ле капэтэ ын «Албина ромыняскэ» кувинтеле *Варсавиа, остроаве Азоре, Пекинг* ш. а.

Экспликацииле луй Асаки конституе о довадэ а марей луй грижь де културализаря компатриоцилор, а доринцей луй де аридика нивелул де културэ ал контемпоранилор.

Мажоритатя терминилор де жеографие, фолосиць де Асаки, ау фигурага ши ынаните ын манускрисле орь кэрциле де жеографие. Дар меритул чөл мэрэ ал луй Асаки констэ ын фаптул кэ анууме ел а популяризат ынтр'о мэсурэ неегалатэ де нимень номициулие жеографиче фие ын формеле, ын каре ачестя с'ау ынчэтэценит, фие ын форме апропияте, пе каре тоын ворбиторий ле перчепяу ка дублете фирешть (ком.: *комитэ* — *кометэ*, *окцидентал* пентру *окцидентал*, *хоризонт* — *оризон* пентру *оризонт* ш. а.).

Ануме ачастэ латурэ а активитэций де карактер лексикографик а луй Асаки а фост апречиятэ де контемпораний луй. Үнтр'о скрисоаре партикуларэ дин анул 1838 Костаке Негруци скрия: «Д-та, ынтрепринзынде редакция уней фой периодиче, ай ынчепут а не фаче куноскуць ку лумя чивилизатэ, ынвэцьынду-не кэ *Мадритул* есте ораш, ну ом, ши *Ринул* руу, ну четате, кэч пе лынгэ штириле дин стреине цэрэ, колоанеле «Албиней ромынештэ» не дау ши мичь ынвэцэтурь историче ши жеографиче»⁶.

Терминология жеографикэ молдовеняскэ, кулясэ дин скририле луй Асаки, поате фи конвенционал ымпэрците ын доуз групэ марь. Дин прима групэ фак парте топонимеле стреине де типул *Албания, Арабия, Англия*. Ын група а доуа ынтрэ терминий жеографичь проприу-зишь — *голф, остров, фрет* ш. а.

Топониме стреине

О деосебитэ луаре аминте меритэ форма топонимелор ла Асаки. Ын казул топонимелор стреине *Арабиа, Асна, Индия* (требуе читит, фиреште, *Арабия, Асия, Индия*), *Британия, Етна, Перекоп, Плоцк, Таврида* ш. а. не афлэм ын фаца аспектулуий ынчэтэценит.

⁶ „Uricarul”, VIII, паж. 220.

Ё дрепт, ынсэ, кэ тот ла Асаки авэм ши форма архаикэ ши барекум традиционалэ *Аравия*, пе каре о ынрежистрэм дежа ла Мирон Костин (*Аравия, цара арэяскэ* (КЛ, 252, 85, 291, 121, 252, 253); ла ачелаш аутор ынсэ е фолоситэ о сингурэ датэ ши форма *Арабия* (КЛ, 291). Идентик есте ши казул денумирилор *Енглитера* фолоситэ де ачелаш Мирон Костин (КЛ, 121, 258, 253), каре алтернязэ ла Асаки ку *Англия* (ИИР, 246); *Греция*, форма курентэ ла М. Костин (КЛ, 245, 246, 253), каре ла Асаки е ун дублет фолосит алэтурь де *Гречия* (АР, 1831, 4; ИИР, 87); *Флоренца*, формэ узитатэ ши де М. Костин, алэтурь, ла ачелаш Асаки, де *Флоренциа*, пе каре а атестат-о Г. Уреке (УЛ, 72). Асаки се фолосеште ыннд де форма *швед* (пл. *швець*), каре е традиционалэ, екзистынд ла Уреке (УЛ, 161) ши ла М. Костин (КЛ, 51, 52, 85, 175, 176, 153, 168), дар ши де *сфед, свед* ку плуралул луй Асаки *сфеъзь, свеций* (ИИР, 260); *сведезий* (ИИР, 262). Традиционале сынт формеле *Висла* (АР, 1831, 78), узитате ла Г. Уреке (УЛ, 115) ши ла М. Костин (КЛ, 85); *Венеция* (АР, 1831, 85), идентикэ ла Уреке (УЛ, 120), Костин (КЛ, 95, 215, 252) ши поате Некулче (НЛ, 14, 35, 142), ла каре форма *Венеции* пресупуне, дупэ кыт се паре, о алтэ акчентуаре (*Венециé*); *Гангес* (БИ, 84) пентру каре авэм *Гангес* ла Уреке (УЛ, 115), *Гангие, Гангес*, дар ши *Гангес* ла М. Костин (КЛ, 324, 321); *Европа* (ИИР, 256) ку форма идентикэ ла Уреке (УЛ, 116) ши М. Костин (КЛ, 262, 291); *Египет* (ИИР, 419) идентик ла Уреке (УЛ, 116) ши М. Костин (КЛ, 252, 253); *Каспия* (П., Вок.) пентру каре ла Уреке гэсим *Маря Каспий* (УЛ, 115, 117), яр ла М. Костин *Каспия, Маря Каспий* (КЛ, 252, 253, 263); *Кипру* (П., Вок.) е идентик ла Уреке (УЛ, 120); *Перекоп* (ИИР, 349), каре континуэ пе Уреке (УЛ, 132, 117), деосебинду-се ынсэ де денумирия де орижине тэтэряскэ *Ор* ши *Ори* де ла М. Костин (КЛ, 127, 128).

Бомбай (конт. *Бомбей*), *Гангес* (конт. *Ганже*), *Делхи* (конт. *Дели*), *Европа* (конт. *Еуропа*), *Тюлерие* рефлектэ пронунцэргэ арханчэ пентру зилеле ноастре, пронунцэргэ, каре се датореск фие лимбилор дин каре ау фост ымпрумутате, фие лежилор, каре ау президат ла прима лор ынчтэтэцирие ын лимбэ. Нумеле Мэрий *Каспиче* — *Каспия* рефлектэ рус. *Каспий*; *Европа, Бомбай, Гангес, Делхи* пар а фи де асеменя сужерате де интермедиул русеск; *Тюлерие* — де орижиналул франчез (*Tuillerie*). Ятэ ши алте пилде, деосебите де формеле актуале: *Мексику, Капитолу* (П., Вок.), *Парис* (ачеста конкурязэ ла Асаки ку *Париз* кяр ын корпул ачлеяш скриерь, — ИИР, 432, 439); формеле де сингулар але мунцилор *Кауказ, Карпаци, Апенины: Кауказу, Карпату, Апенину* (П., Вок.); нумеле инсулей *Чипру* — *Кипру*, ал Счицией — *Скития*, ал Сармацией — *Сармакия*, ал Трачией — *Тракия* (П., Вок.) ш. а.

Кипру, Тракия, Скития, Сарматия ши алтеле асемэнэтоаре ре-

дау моделеле гречешть, узитате де кроникарь, ынанитя примелор ноастре скрипъръ жеографиче. Бируница ын топониме а формелор ку чи- ын лок де ки- ши ци- оръ чи- ын лок де ти- (*Тракия, Сармация* ш. а.), прекум ши африкатизаря ын терминий жеографичъ комунъ (*апожеу* ын лок де *апогеу*, *очеан* ын лок де *океан*, *центрю* ын лок де *кэндру*, *кентру*, *центрю* ш. а.) се экспликацэ, дупэ кум се паре, прин фреквенца май маре а африкателор ын лимба молдовеняскэ⁷. Циньнд сама де ачастэ партикуларитате а фонетизмулуй лимбий молдовенешть, ынцележем ушуринца ку каре с'ау адоптат ла ун момент дат — одатэ ку апариция мануалулуй луй *Женилие* ши ку облигативитатя ачестор мануале ын школъ — формеле африкагизате, каре ерау май фреквенте ши, деч, май обишинүте ын лимбэ. Тречеря ну ера греу де реализат ку атыт май мулт, кэ, даторитэ экспликациилор инсистенте але топонимелор ын кэрць ши ын публичистика ноастрэ ачестя дин урмэ ерау ла ачя датэ бине куноскуте. Ын ачастэ ынчтетэцирие даторитэ активитэций сале лексикографиче Асаки аре о парте ынсемнатэ де контрибуцне.

Ын прима жумэтате а секолулуй XIX-ля ын мажоритатя ковыршитоаре а казурилор ын кэрциле ши ын прима газетэ молдовеняскэ «Албания ромыняскэ», каре, дупэ кум се штие, фолося материалул дин газетеле русешть, ынтылним ла тот пасул нуме де цэрь ши ораше стрэние ын форма, пе каре ачестя о ау ын лимба русэ (*Албания, Англия, Бенгалия, Венеция, Италия* ш. а.) ши каре ау ынтрат ын лимба молдовеняскэ прин интермедиул русеск. Академичианул Иоргу Иордан ын студиул сэу «Инфлюенце русешть асупра лимбий ромыне»⁸ аратэ пе базе фонетиче ши акцентологиче ануме ачастэ провениенцэ русэ а мажоритэций топонимелор молдовенешть. Ел стабилеште пе база аспектулуй фонетик, кэ нумеле де цэрь, терминате ын *-ia*, ка *Англия, Булгария, Италия* поартэ, ынтокмай ка ын лимба русэ, акцентул пе си-лаба антипенултимэ.

Дезиненца субстантивалэ *-ia*, ку ажуторул кэрэя се формязэ де обычей ачесте топониме, а фост ымпрумутате дин лимба русэ ымпреунэ ку мулте алте неоложизме дин диферите домений. Еа а ынтрат ушор ын лимбэ, гэсийнд ун сприжин ши ын фантул кэ ла ачя датэ се афлау ын лимбэ формеле: *Сцитиа, Тракия, Слижиа, Померия, Индия, Сармация*, ла Г. Уреке (УЛ, 115, 117, 120, 116, 112); *Дания, Португалиа, Хишпания* ши *Шпания, Хэндия, Тракия, Скития*, ла М. Костин (КЛ, 176, 253, 252, 253; 324, 202, 206,

⁷ Астфел, бунэоарэ, фацэ де формеле вербелор *фак, траг* ш. а. май фреквенте сънт формеле африката де ла персоана а доуа ши а трея сингулар ши персоана ынтыя ши а доуа плурал.

⁸ I. Iorga p. *Înfluențe rusești asupra limbii române*. București, 1949, паж. 43.

254) ши формеле *Макидониа, Франшиа, Подолиа* ш. а. ла амын-дой ачешть кроникарь.

«О бунэ парте дин ачесте топониме, — скрие Иоргу Иордан, — ау избутит сэ-шь пэстрезе аспектул инициал ши, дупэ че инфлюенца франчезэ девине фоарте путерникэ».

Дакэ ачешть терминь арфи фост ымпрумутаць дин лимба франчезэ, ей арфи авут о алтэ формэ, кэч ын лимба франчезэ елс сунэ алтфел:

<i>Англиа</i>	— <i>Angleterre</i> , <i>Венеция</i>	— <i>Venise</i> ,
<i>Австриа</i>	— <i>Autriche</i> , <i>Индия</i>	— <i>Inde</i> ,
<i>Бельгия</i>	— <i>Belge</i> , <i>Италиа</i>	— <i>Italie</i> ш. а.

Дин формеле ынтребуинцате де Асаки ын лимба молдовеняскэ ау рэмас: *Албания, Англия, Андалузия, Аркадия, Австриа, Асия, Булгария, Венеция, Ельвация, Индия, Испания, Италия, Ливония, Лидия, Панония, Персия, Померания, Пруссия, Саксония, Скандинавия* ш. а. Алтеле, ынсэ, май тырзну, шь-ау рефэкт формеле дупэ лимба франчезэ сай италиянэ (*Арабия, Бенгал, Оланда, Франца*).

Ын ачяеш периодэ се пот урмэри ши унеле осчилэрь ын нумирile жеографиче, каре сыйт варианте де ымпрумутурь конкимите дин диферите лимбъ, ши ын унеле казурь, ла епочь диферите. Аша авем: *Аравиа* — *Арабие*, *Бенгалиа* — *Бенгал*, *Варсавиа* — *Варшавиа*, *Грециа* — *Грециа*, *Оланда* — *Холандиа* — *Оланда*, *Сичелия* — *Сицилия* — *Сикилия*, *Туркиа* — *Турциа*, *Флоренциа* — *Флоренца*, *Франциа* — *Франца*, *Хина* — *Чина* — *Кина* — *Китай* ш. а.

О группэ апарте о конституе топонимеле русе проприу-зисе, пе каре, дин диферите причинь, уний ауторь н'ау кэутат сэ ле адоптезе лежилор лимбий молдовенешть. Поаге кэ й-а ындеиннат ла ачаста ши рэспындира рестрынсэ а ачестор терминь. Орькум, ынсэ, ын опереле луй Г. Асаки ынтылним нуме топиче де фелул ачеста: *Азов* (ИИР, 243), *Астрахан* (ИИР, 389), *Березов* (ИИР, 317), *Бородино* (ИИР, 431), *Воронеж* (ИИР, 242), *Ивангород* (ИИР, 265), *Казану* (ИИР, 299), *Камышевка* (ИИР, 243), *Китай* (ИИР, 200), *Кожуха* (ИИР, 240), *Крым* (ИИР, XIII), *Лисно* (ИИР, 268), *Москва* (ИИР, 232), *Мста* (ИИР, 297), *Нева* (ИИР, 298), *Новгород* (ИИР, 78), *Одеса* (АР, 1831, 78), *Перекоп* (ИИР, 349), *Перислав* (ИИР, 240) ш. а.

Фаптул редэрий топонимелор стрэние презинтэ ун интерес деосебит, ынtru кыт абя ын зилеле ноастре, дупэ о конвенцие валабилэ ын тоатэ лумя, топонимете стрэние се редау ку мижлоацеле фонетиче ши графиче проприй, ку кондиция ка сэ се пэстрезе кыт май фидел пронунцаря дин лимба ши цара де оржиние. Алтфел ау прочедат кроникарий ши, ка сэ не мэржиним ла ун сингур аутор, ла Некулче констатэм редаря: *Хастрахан* (пен-

тру Астрахан), Азак (пентру Азов), Белиград (Белград), Била Цэрквий (Белая Церковь), Воронин (Воронеж), Моск (Русия), Петребург (Петербург) ш. а. Ачеяш атитудине о манифестэ Некулчеши фацэ де персоане: Конецкие (Кунисский), Медхорский (Медхородский), Шермет (Шереметьев) ш. а.

Терминъ жеографичъ

А доуа группы ын терминология штиннцификэ дин ачест домении о презинтэ номенклатура жеографикэ проприу-зисэ, каре ын скриериле луй Асаки а фост ынсоците ын мажоритатя ковырши тоаре а казурилор де экспликаций.

Унеле кувините ла Асаки пэстряэз аспектул лор русеск (*делтэ, епохэ, империе*); се пэстряэз группа *кв: екватор* «брыул пэмынту луй» (АР, 1834, 104); *еквиноктие* (АР, 1831, 131); е презентэ, группа *це, ци; ге, ги: окцидентал* (конт. *апус*), *географие, географический*; се гэсеск форме ку рефлексул греческулуй γ-в дупэ русеште, — ын казурь унде гэснм май тырзну дупэ французеште *у (Европа, европеу)*.

Уний терминъ, ка *промонториа* (конт. *промонториу* дин лат. *promontorium* «капэтул сау промонториа Буней Нэдеждий»; *солстициа* (конт. *солстициу*, дин лат. *solstitium* «старя соарелуй»; *еквиноктиа* (конт. *екинокциу* дин лат. *aequinoctium*) «адикэ зиуа деопотривэ ку ноапте» — ла Асаки сынт де женул феминин.

Ла ынтребаря — де че Асаки адоптэ терминация *-иа* ши, респектив, женул феминин, ын време че ын лимба латинэ ши франчэзэ ачестя сынт де женул маскулин — се поате пресупуне, пробабил, кэ прин интервенция аналогией ку алте субстантиве ку ачеяш дезиненцэ.

А экспликат Асаки ши мулцъ терминъ жеографичъ де провениенцэ диферитэ. *Вулкан* прин «мунте фоковэрсэторю» (АР, 1831, 107); *зенит* прин «полу (крештет)» (БИ, 104) ши алтеле ка *аквilonу, аеролите, атмосферэ, аурора, вест, глобу, голфу, дефиле, дилувиу, зонэ, истму, канал, каскаде, компас, кратер, меридионал, метеор, мулат, натурэ*.

Алцъ терминъ мулт май пуцинь ла нумэр, ну с'ау принс, ку тоате кэ уний динтрынший екзистау демулт ын лимбэ: *бореа* «вынт де мязэ-ноапте» (П. вок.); *еквиноктие* «адикэ зиуа деопотривэ ку ноапте» (АР, 1831, 131); *инсуреле* «островаше» (АР, 1830, 22); *комитул* «стя ку коамэ» (АР, 1831, 168); *оккцидентал* «апусэ» (БИ, 88); *ост* «рэсэрит, кувынт географический» (ИИР, X); *суд-ост* «мязэ-рэсэрит» (ИИР, VI); *фрет* «стрымтоаре» (ИИР, 324); *хоризонт* «маре черк каре тае пре сфера ын доаэ пэрьц дрепте, дин каре уна се нумеште емисфера сусникэ (де сус), яр алта жосникэ (де жос)» (БИ, 104) ши *оризону* «ынтиnderя де лок кыт се поате ведя ымпрежур ку окий» (П. Вок.). Н'а принснич

Жалкул, пропус де Асаки, пентру иоциуня де «шáратрэснет»: *фéритун* (АР, 1833, 32; П. Вок. ла експликаря кувынтулуй *Франклин*). Екзистенца синонимелор непримите ын уз, синониме каре се датореск ыте одатэ ши алтор аутор, оглиндеск греутэциле ла ынчтэциения кувинтелор иой. Аша пентру иоциуня де май сус синонимеле ла иой ау фост: *автор де фулжер, паратонер, фери-фулжер ши паратунет*⁹.

Асаки с'a опрят унеорь ши асупра унор кувинте аутохтоне ку ынцелес жеографик: *женуне* «прéпастия, безди» (ИИР, XIV); «францезий ау фужит прин пунта дракулуй, каре се ынтиндя песте о≈ сау прéпастие адынкэ» (ИИР, 399); *зефир* «ачел май плэкут дин вынтурь де ла апус» (П. Вок.).

Фаптулуй кэ Асаки ну ынтребуницяэ неоложизмелек декыт атунч, ынд ну гэсеште ын кореспондент ын лимба молдовеняскэ поате серви о интересантэ жустификаре, пе каре о пропуне ел пентру ынчтэциения неоложизмулуй *инсула*. Ын лимба времий ера ларг рэспындит терминул слав *остров*. Асаки ышь ынчепе жустификаря де ла експликация терминулуй *пенинсула*, пентру каре ын терминология жеографикэ де пынэ атунч, ау чиркулат формеле: *херсониус, херсонисос, херсонис*¹⁰ ши «остров принс де пэмьинт», «жумэтате де остров»¹¹, пе каре Асаки ыл глосязэ аст-фел: «пенинсула, остров унит ку ускатул прин о ынгустэ лимбэ де пэмьинт, нумитэ истм, прекум Мореа, Крымл ш. ч. л.» (ИИР, П, XIII). Пентру Асаки амындоуз неоложизмелек *пенинсула* ши *инсула* сынт нечесаре ын лимбэ пентру комодитате. Есте май комод а ынтребуница терминул *инсула*, кэч ачеста е легат прин формаре ку терминул каре презинтэ иоциуня апропиятэ *пенинсула*, декыт а се фолоси де терминул *жумэтате де остров*, формат дупэ моделул русеск *полуостров*, каре ын лимба молдовеняскэ поате провока екивокурь.

Ятэ че спуне Асаки: «Инсула — остров, кувынт географик, прекум сынт истм, голф, фрет ши алтеле. Се протомисеште (конт. *фолосеште, обишинуеште*) а зиче *остров*, финндкэ, авынд а ворби деспре ын остров че-й легат ку ускатул, спре а ну зиче: *жумэтате де остров*, каре ар ынсемна ымпэрцит ын доуз, се ынтребуницяэ зичеря географикэ де *пенинсула*, дрепт ачя се зиче островулуй *инсула*» (ИИР, П, VII).

Челе спусе май сус не дау дрептул ла ынкеериле урмэтоаре:

Ынтрат ын прочес де ынделунгате кэутэрь але ынторва *женераций* де жеографь, Асаки континуэ сэ се фолосяскэ ын *лукрэрие* сале май алес де формеле русешть. Ын прочесул де фэурире

⁹ N. A. Ursu. Formarea terminologiei științifice românești. București, 1961, паж. 250.

¹⁰ Манускриптул дин 1778, «Географие ноуэ».

¹¹ Амфилохие Хотиниул. Граматика физичий, 1790.

а терминоложией штиницифиче молдовенешть, Асаки, глоынд терминий штиницифичь, а адус о контрибуции ынсемнатэ ын стабилиря ши популяризаря терминоложией жеографиче. Латура ачастэ лексикографикэ а активитэций сале меритэ тоатэ атенция.

Пунеря ын чиркулацие а терминилор жеографичь ши экспликаря лор инсистэнтэ а ажутат ла алкэтуирия фундаментулуй трай-ник, пе каре се ва ридика ын анул 1834, прин мануалул луй Василе Фабиан, ши ын анул 1839, прин мануалул луй Иосиф Женилие, кэлэдиря ынтрягэ а терминоложией жеографиче молдовенешть деосебит де пречисе ши армомноасе дин зилеле ноастре.

M. A. ГАБИНСКИЙ

КОНТРИБУЦИЙ ЛА СТУДИУЛ КОМУНИТЭЦИЙ ЛЕКСИКАЛЕ УКРАИНЯНО-БАЛКАНИЧЕ

Скопул ачестей лукрэй есте де а демонстра презенца, ын лимба украинияэ, а унуй страт де кувинте, фэкынд парте дин фондул лексикал де орижинь диферите, карактеристик пентру униуния лингвистикэ балкашкэ.

Спре а не делимита май стрикт сарчина с'ар кувени сэ фачем урмэтоареле обсерваций, стабилинд локул объектулуй постру принтре объектеле черчетэрилор паралеле.

Ын примул рынд, финнкэ дакоромына, ын спечнал молдовеняска, есте ачя дин лимбile балканиче, ку каре украинияна а авут ши континуэ сэ айбэ челе май интенсе контакте, о маре парте а балканализмелор ау пэтрунс ын украинияэ дин (респ. прин) дакоромынэ. Ын казул дат, кувинtele трекуте прин ачастэ филиерэ ар путя сэ фие презентате ши ка симиле дакоромынлизме дин украинияэ, деч, уи екземплу конкрет ал уней ситуаций жеперале бине куноскуте ын рапортурile интерлингвистиче. Привит ын ачест фел, стратул де ымпрумутурь, де каре е ворба, ар путя сэ фие лэржит ку алте зечь де етимонурь, рэспындите, май алес, ын группул диалектал карпатик¹ ал лимбий украиннене, унеле молдовенизме финннд спечифиче ши граюрилор украиннене подолене ши челор дин режиуния кымпней. Е ворба, ын примул каз, де ку-

¹ Аша вом нуми май жос тоталитатя челор чинч субдиалекте суд-вест-украинене (буковинян, хуцул, покутик, транскарпатик ши лемковян). каре сыйнт челе май богате атый ын элементе дакоромыне ын жеперал, ыгы ши ын челе комууне ку алте лимбъ балканиче. Весь инфомрмация респективэ л. е. Жилко, 123—124, 139, 146, 150 ш. а. Весь ши Кобилянський, 244—246; Прокопенко, 70—78.

винтеле ка: *бөвгарь, брацар, буката, вакарь, гармасарь, гелета, демнати, дога, журат, капестра, каруца, кентар (киттар, тяпкарь), кулястра, май, мерендзати, негура, парть, плай, путера, путерія, спуд(з)а, турма, тяр, урма, цара ш. а., яр ын казул ал дойля де май пущине, кум сынт д. е. клака, малай, папушоя (папишоя), паратарь, рипа, турма ш. а.*². Қытева дин асеменя дакоромыннисме ау пэтрунс ши ын украинияна комунэ: кф. *плачинда, ремигати орь съорбати* (весь ши май жос).

Ну ынкапе нич о ындоялә, кә тоате ачесте элементе меритэ сэ фие студияте суб диферите рапортурь, ын примулрынд ка екземпле але интеракциунний динтре челе доуэ лимбъ ын дискуцые.

Молдовенизмел, май алес челе де орижине латинэ, се май ласэ ынкадрате ши ынтр'ун страт лексикал май маре, чялалтэ парте а луй финнд презентатэ де нумероаселе латинизме (унеорь ши италенизме орь кяр спаниолизме), пэтрунсе ын украиниянэ де обичей дин латина кэртурэряскэ (инклусив прин полонэ). Аич е ворба де алтфел де кувинте ка *дешперувати, здекретувати, змурувати, знатурити, зрееструвати, кавза, канона, кана, капелюх, капота, каскет, коменда, комин, конт, контентий, контентувати, легувати, лемент, лементувати, ліберія, мата, натерменувати, неодукованый, нотація, оковита, окуляри, опат, оранда, орація, пакта, палац, парасолька, пасія, пробант, промоція, публіка, регула, репетувати, сакрамент, секундувати, скринька, спроба, струмент, суплікувати, сухендувати, темперувати, турба, турбувати, ужанція, фацелик, фоса, хворту(ви)на, хундатирь, циприс, цідула ш. а.* Унеорь е греу де стабилит, дакэ авем де а фаче ку ун молдовенизм орь ку ун латинизм венит дин апус, кум е д. е. бешиха орь *статура*.

Аша дар, тоате ачесте категорий де романизме ну не интересзэ ын артикулуд де фацэ декыт танженциал, ка фонд ши термин де компараціе пентру черчетаря ултериоарэ, лукрая финнд консакратэ, ын примулрынд, балканизмелор проприу-зине (принтре еле ши чөлөр де орижине романикэ).

Mutatis mutandis ачелаш лукру требуе спус деспре стратул де етимонурь ымпрумутате де дакоромынэ дин украиниянэ, страт де алтфел бине куноскут ши етимологизат ын дикционаре. Ла ачаста паре а фи контрибуит фаптул кә май мулте украинизме ау девенит ун бун ал лимбий комуне ын дакоромынэ, декыт ын казул контрап. Е де ажунс сэ не аминтим де бахнэ, бихункэ, борши, бухай, дрымбэ, катеринкэ, кахлэ, күшмэ, ланцуг, приспэ, пухэ, холеркэ, хришкэ, хуртэ, хыд ш. а. (весь д. е. Дырул, 79—96). Ачастэ ымпрумутаре поате фи привитэ ши еа ка манифестаре а уней интеракциунь май интенсесе, кум е, де дата ачаста, бине куноскута инфлюенцэ славэ асупра лимбилор романиче дин Балкань.

² Весь: Жилко, 108—109, 128, 171.

Ын ал дойлярынд, фондудук лексикал балканник комун коинчиде парциал ку аша зисул страт лексикал карпатник, презент ши ел ын субдиалектеле украинене аминтите. Коинчиденце се гэсэск май алес ын терминология дин домениул крештерий анималелор, каре ын женере са дэзволтат ын идиомурile «карпатиче» (адикэ диалектеле, респективе украинене, полонезе, словаче, чехе ши унгаре, дар унеорь ши ын ачесте лимбъ проприу-зисе) суб евидентэ инфлюенцэ дин партя лимбилор балканиче, ын специал а челей ромынешть³. Ка пилдэ, типикэ поате фи дат мулт читатул етимон ал луй *кляг* (<*coagulum*, аром. *cleag*, дакор. векъ *cleag*), ымпрумутат дин векя (дако-)ромынэ суб формэ де укр. *кляг*, *гляг*, *гльог* (ку мулте деривате), полон. *klag*, словак *kl'ag*⁴. Дар, ку тоате ачестя требуе сэ констатэм, кэ ну е ворба де ун балканизм, чи нумай де ун карпатизм, деоарече, дунэ кум се штие, лимбиле балканиче нероманиче ну-л куносок.

Тот аич требуе аминтите ши фаптеле комунитэций етимологиче (ши лексико-семантичесе) динтре лимбисе славе де суд (май алес граюриле лор нордиче) ши идиомурile украинене ши вест-славе аминтите. Е пробабил, кэ не гэсим, ын казул ачеста, ын фаза а доуэ екстремитэць де изоглосе, одатэ континуе, дар ынтрерупте май тырзну де ашезаря унгурилор ын сек. IX. Ар фи ворба, деч, де пэстэраря, ла челе доуэ периферий славе, а унуй страт де ымпрумутурь комуне динтру'о лимбэ неславэ ворбите ын Карпацийынантия сосирий славилор ын сек. III—IV. Ачастэ лимбэ требуя сэ фие де апартененцэ тракэ орь, ын партя де апус а ареалулуй, чөлтикэ⁵. Ынструкыт, ынсэ, пынэ акум етимонурите ын дискузие н'ау путут фи дедусе дин чөлтикэ, каре не е дестул де бине куноскутэ, рэмьиэ сэ консiderэм орижиня лор тракэ май пробабилэ. Ши тутуш, дешн лимба (орь фамилия де лимбъ) трек (о-дак) э е прии ексчеленцэ балканикэ, о маре парте де етимонурь, де каре е ворба, ну е проприе лимбилор балканиче атестате, ка уней тоалитэць. Деч, яр ну путем ворби де балканизме ка атаре, чи де ун страт де элементе неетимологизате ынкэ, дин интериорул унор идиомурье славе, дешн трансмисе унеорь, релатив речент, ши алтор лимбъ ворбите ын Карпаций. Қф. укр. карп., с.-кр., *пазити*, булг. *пазя* (>*a пэзи*), укр. карп., с.-кр., *кварити*, словен. *kvariti*, булг. *кваря*, словак. *kvarit'* (>унг. *kár*) ш. а. (вэз Бернштейн, 78—80).

Унеорь тутуш о делимитаре стриктэ динтре карпатизме ши балканизме ну е ку путинцэ де фэкут, прекум се ва ведя дин унеле

³ Вэз деспре ачастга Голомб, 19—50, прекум ши библиография датэ аколо ла паж. 20—21, 38. Вэз ши речензия: Gămălescu, 572—573.

⁴ Пентру вест-славэ вэз Голомб, 25.

⁵ Дател сыйн луате дин артикул: Бернштейн, 72—74, 75, 84. Вэз ши тезеле ачелуяш аутор ын «Проблемы лингвогеографии и ареальной диалектологии», Тезисы докладов. М., 1964, паж. 28—31.

екземпле де май жос. Екзистэ етимонурь, каре сыйт презентате ба тотал не ун ареал ши парциал пе чөлэлалт, ба тотал орь парциал пе амбеле ареале, ба анч ши ын режиунь, фоарте ынтинсе ши ындепэртате де Балкань ши Қарпаць. Сарчина ноастрэ есте ши ын казул де фацэ алжеря балканизмелор проприу-зисе (ку сау фэрэ паралеле ын афара Балканилор).

Ын ал трейлярынд, украиняна поседэ, ын комун ку лимбите балканиче, о серие де терминь пескэрешть ши маринэрешть, кф. д. е. депумириле де вынтурь ка *грега орь тримунтан* орь объекте дин ачелаш домениу ка *сарти* «греементе че сусчин катаргул», *роба* «ымбрэкэминте» ш. а. Асеменя кувинте фак парте дин аша зисул фонд де терминь маритимь медитерано-понтко-азовик, де орижине италиянэ (ын Балкань ын спечиал венециянэ), грязэ орь ярабэ. Деши купринд Балканий, изоглоселе респективе се ласэ урмэрите пе территорий литорале, ку мулт май ынтинсе, дин Европа, Асия ши Африка⁶.

Аша дар, сфера балканизмелор лексикале е контигуэ ку чя а инфлюенцэрилор речипроче славо-романиче, чя карпатикэ ши чя медитерано-понтикэ, неконичидынд тутуш кунич уна дин еле.

Ынчкеркая де фацэ де а идентифика балканизмелор пэтрунс ын украиняна комунэ орь диалекталэ, ну е прима ын фелул ей. Украиняна е менционатэ десеорь, ыннд се стабилеск арииленде рэспындирие а унор етимонурь конкрете (карпато-) балканиче⁷. Май мулт декыт атыта, ын 1959 О. С. Широков а публикат о лукраре спечиалэ пе тема ын дискущие (вээз Широков, 130—131). Дарнич листеле менционате май сус ну купринд тоате балканизмелор украиннешть⁸,нич артиколул луй О. С. Широков ну е комплэт, кяр дин кауза волумулуй (чева май мулт де о пажинэ). Лукраря де фацэ требуе сэ фие привитэ, деч, ка о континуаре ши татализаре а чөлөр пречеденте, мените сэ елучидезе рапортурите лексикале украиняно-балканиче, ын примулрынд, а потөлөр семнаде О. С. Широков.

Ын чөлөр де май жос том авя пүчин де адэугат ла етимоложия финалэ а кувинителор ын дискущие. Цинем тутуш сэ сублинием атитудиня ноастрэ негативэ фацэ де рэспындила илүзие, кум кэ

⁶ Вээз урмэтоареле лукрэрь публикате ын «Bollettino dell'Atlante linguistico mediterraneo», Venezia—Roma, 1960—1961: I. Petkanov. Esperienze sulla costa bulgara del Mar Nero col questionario dell'ALM, паж. 25—41; M. Sala. Esperienze a Costanza col questionario dell'ALM, паж. 43—54; E. Lozovan. Autour des rapports pontico-méditerranéens, паж. 149—163; I. Petkanov. Ancora sul „vento di Provenza”. Riflessi balcanici, паж. 193—194 ш. а.; A. Спасова. Италиански елементи в българската морска рибарска терминология. «Български език», XIV (1964), кн. 4—5, паж. 389—400.

⁷ Вээз опера читатэ а луй З. Голомб. Вээз ши утгима екзаминаре а (карпато-)балканизмелор ын Rosetti, 107—122, үндэ е ворбя де аша зиселे романо-албанизме.

⁸ Кф. чөл пүчин спуселе луй З. Голомб привинд лимбите екзаминате де аутор (паж. 47).

тоате балканизмеле лексикале, май алес етимонуриле комуне романо-албанезе, ар провені динтру'о сингурэ лимбэ-субстрат (фие са кяр тракэ) ши ар фи тоате моштените де еа дин стрэлимба ей (адикэ дин индоевропянэ)⁹. Кыт деспре етимология немижложитэ, не вом интереса, ын мэсуре посибилитэций, де кэиле де пэтрундере а етимонулуй дат ын украинянэ, ын спечиал дин молдовеняскэ орь дин алте лимбъ. Ын женере, факторул симилитудиний фоно-семантиче адмите ымпрумутаре дин (орь прин) орьче лимбэ, ку каре се обсервэ асемэнэя. Ачаста ар имплика ши унеле лимбъ диспэрите ши некуноскуте. Деачея, кыте одатэ фачем апел ла факторул жеографик: ын казул ностру мажоритатя дакоромынлизмелор сигуре (адикэ а челор де оржине латинэ) е концентратэ, ын украинянэ, ын субдиалектеле карпатиче але ачестея орь, май рап, ын челе де суд-вест. Деч, ши концентрая балканизмлер де оржине некуноскутэ ын ачеляшь режиунь презинтэ провенирия лор дакоромынэ (пентру украинянэ) ка май пробабилэ. Дар нич ачест критериу ну е дестул де сигур, деоарече күвнителе «рэтэчитеаре» ар фи путут сэ пэтрунде ши прин алте лимбъ ворбите акум ын Карпаць орь кяр директ дин лимбите диспэрите де аколо. Аша дар, сарчина чя май реалэ ын ачест до мениу есте ын презент ынсэшь ынширия кыт май комплектэ а балканизмлер украинешть. Вом ынчерка сэ фачем аста ын челе че урмязэ, луынд ка базэ принципалэ куноскутул дикционар ал луй Б. Д. Гринченко, ынвекит ка нормэ литерарэ, дар фоарте багат ын күвините популаре ши регионализме¹⁰.

* * *

*

аргат дефинит де Б. Д. Гринченко (I, 9) ка «работник, наемник», «рабочий на запорожских рыбных ловлях, большою частью бездомный бродяга» ши «бездомный бродяга». Чел пущи

⁹ Везь дискуция ку И. И. Руссу ши А. Росетти ын: Габинский, 91—106. Дин ачяш каузэ фэрэ алте довезь ну путем ведя ын ачесте етимонурь албанизме, атыт ын дакоромынэ, кыт ши ын украинянэ (контрар пэрерий дин Роровиэ, паж. респ. 22—24 ши 31—32, унде сыйт адусе укр. *ватра, струнка (в)урда, ринձа, дзер, лагура*.

¹⁰ Ын че привеште литература балканистика ши романистикэ, спре а ну комплика траттара етимонурилор обскуре, ын спечиал а челор «романо-албанезе», ку дате фантиче ши библиографиче куноскуте, не лимитэм де челе май десе орь ла индикария ултимей привирь женерализаторе пе ачестэ темэ (Rossetti, 107—122, анул 1964), импликаңд ши лукрэриле фолосите де автор. Май читэм, пентру етимологий контроллерсате, ши ноул дикционар Cioranescu (I—IV), неутилизат де А. Росетти. Тот ын скопул симилификэрий омитэм де регулэ экземпеле паралеле балканиче адусе ын литература читатэ (ка ши челе меглено-ши истроромыне). Традучериле ле дэм ла күвнитул де базэ ши ын казурь де деосебирь есенициале де семантика луй. Пентру лимбите ын каре н'ам путут фолоси тексте читэм дикционаре билгигве (афарэ де Ізюмов, УРС ши УФС), кыт ши БТР.

фэрэ черчетаря извоарелор читате де аутор кувынтул ну се ласэ асочият ку о локалитате оарекаре. Дин ачастэ каузэ е греу де стабилит, каре е лимба-сурсэ конкрет пентру украиняи. Кяр нефиинд диалектал, терминул ну (май) е литерар, деоарече дикционареле модерне але лимбий ну-л конции. Пробабил, авем де а фаче ку ун архаизм украиняи комун. Ын жепере, е ворба де ун балканизм типик (деорижине грякэ): кф. гр. ἀργάτης дакор. *argat*, аром., алб. *argat*, булг. *argat(ин)*, с.-кр. *argatин* ку ачела什 ынцелес де базэ ши ку диферите деривате.

бáлега, бéлега, а доуа вариантэ е презентатэ ла Б. Д. Гринченко (I, 24, 49) ка преферабилэ, финнд традусэ ка «эксремент коровы» (I, 49). Дателе ауторулуй не пермит сэ локализэм кувынтул ын режиуния букванино-хуцул-транскарпатикэ. О. С. Широков (паж. 131) май читяээ вар. *бáлига* ши пропуне о етимоложие ипотетикэ индоевропянэ. Паралеле фоносемантиче екзистэ ын дако-, мачедо- ши мегленоромынэ, сырбокроатэ, албанээ ши ын диалектул ломбард (весь: Rosetti, 108; Ciogănescu, 62—63). Ын албанээ кувынтул е векъ, деоарече *l* трекут ын *j* ын лимба литерарэ (*bajgë*) се май пэстряэ ын граюрь архаиче (*balgë, bagëlë* ш. а.). Деч, с'ар путя гынди ла ун аутохтонизм балканик, пэтрунс ын ромына комунэ, яр дин дакоромынэ ын украиняна карпатикэ. Ростирия оклусивэ а луй *g* ын украиняи фаче пробабилэ пэтрундеря релатив речентэ а луй *балега* ш. а. ын ачастэ лимбэ.

бáлта «жидкая грязь» (Гринченко, I, 25) кувынтул хуцул, не-куноскут украиненей комуне. Атыт фоно-семантика, кыт ши лингвожеография трэдяээ ын ымпрумут дин дакоромынэ, унде етимонул е моштенит дин ромына комунэ, финнд презент ши ын аромынэ ши мегленитэ. Ын Rosetti, 108—109; Ciogănescu, 64, сынт дате паралеле дин аромынэ, албанээ ши неогрякэ (кыт ши дин трей диалекте порд-италиене), деч изоглоса не пермите сэ вор'бим де балканизм. Етимоложия финалэ а ачестуй кувынтул фоарте контроллерат ну не е куноскутэ, деоарече слав. *блато, болото* ш. а. ну сынт декыт пробабиле форме ынрудите ку алб. *balte* ш. а., яр ну прототипуриле луй. Е клар, ынсэ, кэ авем аич ын индоевропеизм (трачизм орь илиризм?), дублет етимологик ал укр. комун *болото* ши, евентуал, о изоглосэ комунэ славо-тракэ (кф. етимонуриле луй *белый, брить, земля* ш. а.: весь Russu, 58, 60, 81, ш. а.).

барзíй (бáрзий), бáрза «черный козел, черная овца, но грудь у которой белая», кувынтул локализат ын украиняи чел пузин ын граюриле де лынгэ Маря Нягрэ (весь Гринченко, I, 30), абсент ын лимба литерарэ. Е ворба де куноскутул етимон «ромыно-албанэз», кф. дакор. *барзэ*, алб. *i bardhë* «алб». А. Rosetti (паж. 109) се асочиязэ ла М. Фасмер, каре дедуче ачест кувынтул ын украиняи дин ромынэ. Ёкспликация, пробабилэ ын женерал,

требуе акцептатэ, дакэ ын дакоромынэ екністэ ынцелесул де «алб» орь «алб ку негру» (деспре анимале). Алтфел, барзэ ын-семынд ын ромына ши молдовеняска комунэ о ануимтэ пасэре, сенсул украинизмулуй се лягэ, орькыт ар фи де куриос, де албанэзэ май стрынс декыт де ромынэ. Требуе адмисэ, деч, ымпрумутаря унуй сенс векь диспэрт дин дакоромына комунэ, дар пэ-страт (кынд е ворба де пэсэр) ын диалектул бэнэцян (негру аме-стекат ку алб, *Candrea*, 127), прекум ши ын аромынэ (деспре мамифере). Дателе луй А. Розетти («терменул е рэспындит ын тоате лимбile балканичe») фак ачастэ версиуне ши май пробабилэ. Везь ши дискусия дин *Cioranescu*, 69.

бесаг(i), бисаг ын сенс де «мешок» ши «дорожный двой-ной мешок», кувынит рэспындит ын диферите субдиалекте украи-нене карпатиче (Грінченко, I, 53, 57), дар куноскут ши украине-ней комуне ка элемент пасив (весь УРС, I, 57). Анч е ворба де ун балканизм де oriжине грякэ: кф. гр. *δισάκι*, дакор. *desagэ*, аром. *disagă*, булг., мачед. *дисаги*. Пентру украиняи ымпрумутаря дин дакоромынэ провоакэ унеле ындоель: презенца луй *бе-би-* ын локул луй *де-* с'ар путя эксплика атыт принтрун хипер-коректизм молдовенеск, кыт ши прин инфлюенца лат. *bisacchium*, ку рефлексе ын унеле лимб (кф. итал. *bisaccia*, истрором. *bisagă* ши булг. *бисаги*, читате ын *Cioranescu*, 284).

(а)бір!, бірр! бер! «крик, которым гонят овец», кувынит локализат прин экспеленцэ ын субдиалектеле украинене карпатиче (Грінченко, I, 50, 56). Кф. ши деривателе луй дин ачеляшь ре-жиунү: *бірка*, *бірька* «овца» ши «шкура овечья, мерлушка», *шапка*—*бірка* «шапка из овчины»; *біренька*, *біречка*, *біроочка* димнитиве пентру *біря*: *біркастий* «о шерсти овец: в мелких завитках»; *біркати* «созывать овец»; *бірнак* «палка с крючком, которою ловят овец» (весь Грінченко, I, 56—57); кф. укр. комун *бірь*—*бірь!* (тот аколо). Се пот адмите доуз экспликаций: ым-прумутаря балканизмулуй *быр* (миоарэ)! дин дакоромынэ (кф. алб. *ber* «витэ микэ корнутэ») орь креации индепендентэ онома-точенкэ (кф. *Cioranescu*, 83). Прима вариантэ паре май пробабилэ, ын спечиал ын лумина локализэрий етимонулуй ын украиняи. А. Розетти читязэ лукрэй, арэтынд презенца кувинтелей асем-иэтօаре ын италияна де иорд, енгадинэ, франчезэ ши провансалэ (паж. 109); кф. ши унг. *birka* «оae; кырлан». Ам путя резолва проблема, черчетынд кыт де ендемикэ е интержекция (адикэ кыт де рэспындитэ есте еа ын май мулте лимб де oriжинъ дифери-те). Е пошибил сэ авем де а фаче ку ын элемент «балкано-карпа-то-алпин» чея че паре а фи контразис де рус. диал. *бырька*, *быр-ка*, *бырь-бырь*, *бырчатый* тулуп авынд ынцелесурь апропияте де челе дин украиняи, везь Даль, I, 150).

бóра бóрва, бóрвій «сильный ветер, буря, ураган» (Грін-ченко, I, 86). Ултима вариантэ екністэ ка арханзм ши поетизм

ын украиняна комунэ (УРС, 1, 81), челелалте доуэ сынт проприй украиненей карпатиче. О. С. Широков (паж. 130) читязэ ка паралеле алб. (*dë*)*borë*, *vdorë*, *zborë* ш. а., дакором. *бурэ* (весь Ciorănescu, 116), ши алте кувинте дин диферите лимбъ индоевропене, фэрэ сэ пропунэ вре-о етимологије сигурэ. Ынтр'адевэр, датэ финнд презенца де комплексе фоно-семантиче асемэнэтоаре ын май мулте лимбъ, е греу де спус, дакэ авем аич үн балканізм ши кяр үн молдовенізм. Суд-рус. *бора* «фуртуна, вижеліе» (Даль, I, 114) се експликэ ын Vasmer I, 107 ка ымпрумут дин тур. *bora* < гр. *μπόρα* орь итал. *bora*.

брандúша, брандúшка, бриндúша, бриндюшкý «раст. род подснежников» ш. а. (Грінченко, I, 92, 99), диалектизм украинян карпатик. Дин консiderације фоно-семантиче ши жеографиче ымпрумутаря дин дакоромынэ апаре сигурэ. О паралелэ се регэсеште ын с.-кр. *брндуша* «шоффран»¹¹. Чея че не фаче сэ ведем аич үн балканізм е посибила легэтурэ ку алб. *brënda* «ынлэунтру» (кф. ши суфиксул *-ushë* дин *zonjushë* «домнишоарэ», *Tanushë* ш. а.). А. Чорэнеску (паж. 104) читязэ и.-е. **brend* «умфлат».

бре, брей «припев в песнях, без особого значения, заимствованный из сербского языка и встречающийся вместе с таким же восклицанием *море*», архаизм фольклорик (Грінченко, I, 96). Е ындоевлик ка пентру украиняна изворул сэ фие токмай чел сырбокроат. Пробабил. Б. Д. Грінченко (каре ну адуче алте аргументе) с'а лэсат кондус де контекстул читат де ел, динтруун ынтек историк (*Ходить сербин по базарі. Брей, море, брей! Та торгує дівчиноньку. Брей, море, брей!*). Дар тот аколо е читат ши *Ходить турчин по риночку! Гей, море, бре!* Ымпрумутаря дин туркэ, ку каре украиняна а авут контакте май стрынсе, е деч ну май пущи пробабилэ. Тотуш инфлюенса фольклорулуй балканік е вэдитэ. Етимонул ын дискутие, де орнажине туркэ (весь д. е. DLRM, 92; Ciorănescu, 103) а пэтруис ын тоате лимбile балканіче: кф. дакор. *bre!*, аром. *bre!*, *vre!*, булг. *bre!*, *бре!*, мачед. *bre!*, *бре!*, с.-кр. *бре!*, алб. *bre!*, гр. *βρέ!* *μπρέ!* (<тур. *bre!*)¹². Дүпэ Кобилянський (248) *бре/брьи* се ынтребуицязэ ын хуцулэ ши покутникэ ка үн кувынт ынтродуктив орь ка интержекции. Ын ка'зул ачеста е евидентэ инфлюенца дакоромынэ.

брýн(д)за, брýндзя, брýндзти, забрýндзати, бриндзяник, бринзяник (Грінченко, I, 99) етимон украиняна комун (ын форма *бринза*). Ымпрумутаря кувынтулуй дин ромынэ е рекуноскутэ атыт пентру украиняна (весь д. е. Кобилянський, 245), кыт ши пентру русэ, унде *бринза* (кф. ши белор.

¹¹ Пентру сырбокроатэ ам фолосит картя: Толстой.

¹² Пентру аромынэ не кондучем де *Рараhагi*; пентру булгарэ де Чукалов ши БТР; пентру мачедониянэ де Толовски/Иллич-Свитыч ши РМЖ; пентру туркэ де *Магазаник* ши Романски.

брывна) презинтэ унул дин челе май импортанте ромыннізме (весь Преображенский, I, 48; Vasmer, I, 130; Шанский, 46). Пентру ынсэшь ромынэ етимология кувынтулуй есте, прекум се штие, фоарте контроллерсатэ, финн деобичей легатэ де диферите рэдэчинь дин албанэзэ, грэкэ ш. а. (весь д. е. Rosetti, 110, 119; Cioranescu, 104—105, унде е адмисэ ши легэтура ку брындушэ, рымэ ши быр). Кф. аром. *brîndză*, гр. πρέντζα.

бұзя кувынтулуй диалектал копилэреск авыннід ынцелесул де «уста, рот, ротик, лицо», кф. ши *дати бузі* «поцеловать» (Гринченко, I, 108). С'ар путя ушор адмитте ымпрумутаря күнсоктулуй ромыно-албанизм (весь Rosetti, 111) дин дакоромынэ (кф. ши аром. *budză*) ын украиниянэ, дакэ и'ам гэсн паралеле атыт ын лимбъ апопиате (кф. полон. *buzia, dać buzi*), кыт ши ын челе ынде пэртате: кф. спан. *buz* «бузэ» ши «сэрутаре», пентру каре а фост пропусэ экспликациие прин ономатопеи: весь Corominas, 109, унде се ворбеште де формаций асемэнэтоаре дин чөлтикэ, жерманикэ, ираникэ ши арабэ. Аша дар, ын казул постру е греу де спус, дакэ авем ымпрумут орь ономатопеи (кф. ши алте пэртэ дин Cioranescu, 119).

букурійка, букурія «узкий ремень, узкий кожаный пояс для подвязывания у мужчин штанов, у женщин юбки», кувынтулуй хуцул (Гринченко, I, 109). Фонетика ши лингвожеография не факт сэ не гындим ла етимонул презентат де (дако)ром. *букурие* ш. а. (аром. *bucurile*), алб. *i bukur, bukuri* ш. а. (кф. Rosetti, 110), пентру кынди семантика кувынтулуй хуцул есте результатул уней еволюций дестул де раре. А. Чорэнеску (паж. 110) сокоате *a букура* <<**voculare* о конніценцэ ку албанэза.

ватра «очаг» ши «огонь» (Гринченко, I, 129), кувынтул прин екслеленцэ украино-карпатик, дар екзистент ка регионализм ши ын лимба литерарэ (УРС, I, 115; УРС, 48) ку сенсул де «фок» ши «руг». Ын граюриле лемковиене май ынсиямиэ ши «под печи, на котором печётся хлеб» (Гринченко, I, 129). Етимонул е ун типик карпато-балканізм, деоарече ыл гэснім, афарэ де ромынэ, албанэзэ ши сырбокроатэ, ши ын полонэ, словакэ ши чехэ (весь Rosetti, 121—122; ын Popović, 32 се констатэ презенца луй *ватро* ла цыгань); кф. ши рус. *ватрушка* (ка ши диалектизмеле ку суфиксаре май симплэ *ватрух*, *ватруха* — Даль, I, 168). Деачея е греу сэ спунем, дакэ ын украиниянэ кувынтул е ымпрумутат дин дакоромынэ. Изворул ка атаре паре а фи албанэз: челе доуэ диалекте але аччестей лимбъ презинтэ кувынтул суб форме диферите (тоск. *vatér* ши гег. *votér*), форма гегэ ку *vo-* нерегэснинду-се ын иштэ о алтэ лимбэ ши презентыннід тот одатэ ун стадиу май арханк дэ-кыт тоск. *vatér*. Кф. тоск. *vaj*, гег. *voj* «унтделемн» дин *oleum* орь тоск. *i varfér* гег. *i vorfēn* «сэрак» дин *'orfachūs*, пе кынди *va-* рэмынне нескимбат ын гегэ (кф. *va* «вад» дин *vadum*). Аша дар, форма тоскэ паре а фи чя де плекаре пентру изоглоса бал-

кано-карпатикэ. (Ачаста требуе сэ фиё ши пэреря луй Н. Иокл, каре ну не е куноскутэ декыт дин Vasmer, I, 173 (ватрушкá): ла базэ требуе сэ стее *otér, каре ѫ-ар кореснуnde авестикулай átar-«фок»).

Кф. ши деривателе луй *ватра*, принтре каре диминутивул *ватрка*, аугментативул *ватрище*, *ваторник* (хуц.) «жилое отделение, где спят и варят пищу пастухи» ш. а., *ватрак* (карп.) «кухонный очаг на дворе», *ватріш* (карп.) «сгорать» (весь Грінченко, I, 129), *заватра* (хуц.) «род шалаша» (II, 12).

ватралька «род кочерги, но не загнутой, а лишь расширенной и расплющенной на конце», диалектизм лемковиян (Грінченко, I, 129). Легэтура етимологикэ ку *ватра* ш. а. е инконтестабилэ, тотуш ну е ворба де ун дериват пе терен украинян, чи де ун балкано-карпатизм гата формат ынтр'ун фел стрэнн украиненей: кф. дакор. *вэтрай*, булг. *ватрал*, с.-кр. *ватраль*, словак. *vatrál*, полон. *watral*¹³ (весь Голомб, 28).

вурад «выжимки из семян копопли или зерен мака, приготовленные для начинки вареников или пирогов» ши «сыр, вываженный из сыворотки», кувынт хуцул ши покутик (Грінченко, I, 259, в. ши Прокопенко 77). Принтре челе кытева лимбъ балканиче ши карпатиче, поседынд ачест етимон (весь Rosetti, 121; Голомб, 28), е греу де гэсит ачяя каре л-а трансмис украиненей (кф. ромына, словака, полона). Тотуш М. Фасмер (III, 188), кре-де кэ рус. диал. ши укр. *урда* вине дин ромынэ. Сунетул *в-* инициал е о инновации украинянэ (ка ши ын *вулиця*, *вус*, *вухо* ш. а.), тотуш се пэстрайзэ ши форма *урда* (Грінченко, IV, 350), кф. ши *ю尔да*, ынрежистрат токмай ын режиуня Харков (IV, 532), орь *гурда* (I, 340). Форма де базэ *вурда* а дат деривателе *вурдитися* «створаживаться» (I, 259: Галиция, губ. Херсон), *вурдяний* (*с вурдою*, укр. карп., тот аколо). Нумеле де акциуне *вурдження* с'а импус, ка термен агрикол, ши ын лимба литерарэ (весь УРС, I, 305).

гавра «берлога», кувынт транскарпатик (Грінченко, I, 263), адмис ка диалектизм ын лимба литерарэ (УРС, I, 309). Се ласэ дедус ын мод евидент дин дакор. *гаурэ*: атыт дин мотиве фоно-семантиче, кыт ши челе жеографиче. Не пермитем сэ ворбим аич де балканизм: пе ыннд експликация луй *гаурэ* прин *cavula (DLRM, 328) е пүциин веросимишлэ (форма ну е атестатэ, яр тречеря *c->g*-ну е регулатэ) ын албанэзэ гэсим (*z*) *gavér* «скорбурэ; кавитате». Ачяиш легэтура се фаче ын Papahagi, 487; ын Cioranescu, 356, алб. *gavrë* е дедус (фэрэ мотивэрь) дин аромынэ, яр укр. *гав(о)ра* дин дакоромынэ (дупэ А. Кандря). Алб. *-v-* требуе привит ну ка

¹³ Май департэ ам фолосит пентру словакэ Isaacsenko/Kollag пентру полонэ — Греков/Розвадовская.

у интервокалик векъ, диспэрут одатэ дин лимбэ, чи ка мижлок антихиатик, бине куноскут албанезей.

гард «ряд перегородок или загородок в воде для ловли рыбы», «перегородка наверх реки из камней», «рыболовный завод» (Гринченко, I, 273). Примул сенс е проприу граюрилор украинене дин валя Нииструлуй ши дин Доброжя (весь тот аколо), челелалте доуэ ну се ласэ локализате пе база дателор луй Б. Д. Гринченко. Акум кувынтул, абсент ын тоате челе трей дикционаре украинене аминтите, ну е литерар. Тотуш, ын 1930 О. Изюмов ыл дэ (паж. 159) традукынду-л при «1) каменная перегородка, заграждение; 2) рыболовный завод». Деч, путем конкиде, кэ авем ын кувынтынекит ши диалектал, локализаря куноскутэ а кэрүя не пермите сэ-л дедучем дин дакор. **гард** ын сенсул луй специализат: «(Поп.) Ымплетитурэ де нуеле сау де трестие ку каре се фаче ын бараж де-а курмезишил үней апе, пентру приидеря пештелуй» (DLRM, 327). Прекум се штие, **гард** е ын векъ «ромыно-албанизм» де етимологие контроллератэ пентру амбеле лимбъ (весь д. е. Cioğanescu, 354; Rosetti, 114). Пробабила ынрудире а етимонулуй ку слав. *град*, *город* ш. а. ну-л фаче пе *гард* бэштинаш ын украинянэ (кф. *город*). Кф. деривателе: *гардаджий* «мастер, устраняющий *гард*» (Гринченко, I, 273), де обсерват суфиксул турческ, девенит балканик комун; *гардівничий* «надзиратель за рыболовиями», *гардувати* «запруживать» ш. а. (тот аколо).

гердан «шерстяная повязка в форме широкой ленты, которую в Галиции девушки носят на голове; если же она носится на шее, то на ней нашиваются разноцветные бусы»; ш. а. м. д. (Гринченко, I, 348). Дупэ фоно-семантикэ ши лингвожеографие требуе сэ рекуноаштем аич ын ымпрумут дин дакоромынэ. Ачастэ ултимэ поседэ етимонул (ка турчизм) ын комун ку тоате лимбите балканиче славе (булг. *гердан*, мачед. *г'ердан*, с.-кр. *ћердан*), албанеза (*gjerdan*) ши грека (*γιορτάζει*), кф. ши аром. *ghiurda-ne* < тур. *gerdan* «гердан». Ын Кобилянський, 247, хуц. *гердан* се класификэ ла конверженцеле булгаро-сүдвестукраннене, чея че ну е жустификат.

герліга, гирліга, дирліга «(пастушья) палка», кувынтынекит украинян комун, весь Гринченко, I, 349, 384; Изюмов, 184; УРС, I, 328; УФС, 147; УРС, 131. Орижиня комунэ ку чя а дакор. *кырлиг* е евидентэ. Яр е ворба де ын балканизм (кф. аром. *căr(l)ig*, алб. *kërluk*, *kërlug*, *kërlik*, булг. *кърлюга*, мачед. *кр.лук*, *крлик*, с.-кр. *крльук* ку ачелаш сенс) де етимологие обскурэ (дешни ын Cioğanescu, 194, се ворбеште де «креации экспрессив»)¹⁴. Дакэ ну с'ар гэси паралеле ын алте лимбъ (афарэ де дакоромынэ)

¹⁴ Кф. укр. комун *карлюка*, *карлючка* традус ын УРС, 330, ка «разг. 1) кривуля, закорючка; (бука) каракуля; 2) (на конце палки и т. п.), крючок, загиб; (сама палка) клюка».

Вечине ку украиняна, провенира луй *герлига* іш. а. дин дакоромынэ, акум фоарте пробабилэ, ар анэря ка сигурэ. М. Фасмер (I, 266) дедуче дин ромынэ ши суд-рус. *герлыга, ерлыга* (ачеяш, кф. Даль, I, 349) читынд ши укр. *кирлиг*.

грóпа кувынт «денуминид кулмь ши плаюль ын Карпаць» ар фи, дупэ дателе дин Rosetti, 115, ун ымпрумут дин ромынэ (каши синонимеле луй, полон. ши морав. *grapa*). Ка балканизме комп. аром. *groapă*, алб. *gropë*. (Н'ам ынтылнит ачест кувынт ын сурсе украиннене). Пентру етимоложие везь дискуция дин Cioagănescu, 381.

грундзюйттиá «узловатый» ши «переносно: замысловатый» (*грундзъований*; кф. ши *грундзювати* «крепко увязывать, упаковывать»), кувынт де о локализаре импречисэ (Гринченко, I, 333, 351), абсент акум ын лимба литерарэ. Се поате пресупуне ун **грундз(ь)* диспэрут, ку ынцелесул де «нод»<«грунз» орь асем. Дакор. *грунз*, аром. *grundă* «букатэ» ши *grundză* «тэрыцэ» се компарэ де обычай ку алб. *grunde, krunde* «тэрыцэ», гр. *γροῦδα* (везь Papažagi, 504; Rosetti, 115; ын Cioagănescu, 383—384, е пресупусэ орижине експресивэ).

гүня, «верхняя суконная одежда, сермяга», вар. *гунька*, кувынт украинян карпатик (Гринченко, I, 340). Кувините ку формэ ши ынцелес асемэнэтоаре екзистэ ын тоате лимбите балканиче (кф. ши ром. олтен. *guneat, guneață*<с.-кр. *гуньца*, везь *Candrea*, 563; аром. *gună*). Дакоромына комуиэ есте ынсэ сингура лимбэ дин Балкань каре ну куноаште ачест етимон, чея че паре а ексклуде трансмитеря луй ын украиняна дин ромынэ. Ачелаш етимон е презент ын тоате лимбите славе (ку посибила експепции а чөлөр сорбиче, деспре каре ну авем дате), нефинид диалектизм ын булгарэ, мачедонэ, сырбокроатэ, словенэ, чехэ, словакэ, полонэ, «векя русэ» (Срезневский, I, 609) ши белорусэ; кф. пынэ ши лит. *gūniā* ши унг. *gúnya*¹⁵. Кф. ши диалектизмеле русешть иорд-ориентале *гуна, гуня, гунка, гунька, гунье, гуньшико* (Даль, I, 408 ш. а). Ын украиняна, ынсэ, ка ши ын русэ, кувынтул ну е ал лимбий комуне респективе ши ну аре изоглосэ континуэ ын ачесте доуэ лимбь. Деч, пентру украиняна, изворул чөл май пробабил ар фи о лимбэ карпатикэ. Ын женере, авем де а фаче ну нумай ку ун балканизм орь карпато-балканизм, чи ку ун «ест-европеизм» ын сенс ларг (везь май жос ла *копил*). М. Фасмер (I, 321—322) дедуче етимонул луй *гуна, гуня* дин авестикэ.

гүш «шишка (на теле); зоб», кувынт хуцул (Гринченко, I, 352). Яр авем де а фаче ку ун типик балканизм де орижине контроверсатэ (везь: Rosetti, 115—116; Cioagănescu, 386, унде се контатэ ши презенца де паралеле фоно-семантиче ын албанэзэ, ногрякэ, булгарэ, сырбокроатэ, дар ши унгарэ; посибил ши ын

¹⁵ Пентру литуанэ ам фолосит Либерис, пентру унгарэ — Кахана.

франчезэ ши норд-италиянэ); кф. ши мачед. *гуша* «гыт, гытлеж, гушэ». Пентру украинянэ ынсэ, датэ финнд локализаря ла хуцуль, провенирия дакоромынэ а кувынтулуй стырнеште пущине ындоель.

дзэр, дзёра «сыворотка (молочная)» кувынтул хуцул ши букоинян (Грінченко, I, 378; Прокопенко, 78). Ын дакоромынэ ый кореспунде зер орь зарэ, легат де обичей де алб. *dhallē* (Rosetti, 122), деч ымпрумутул е май векь декыт ротачизмул; кф. ши мачед. *зира, сира*, кытева варианте аромыне (весь Голомб, 24, 32). Кувынтул ынрудит ынсямнэ ын граюриле полоне ши словаче дин Орава «ун фел де гэлятэ маре орь кадэ пентру брынзэ» (тот аколо, паж. 24). Аша дар, пентру хуцулэ изворул е дакоромын.

душман «притеснитель, угнетатель» (Грінченко, I, 460), архаизм украинян комун. Аич авем ун турчизм де орижине персанэ, пэтрунс ын украинянэ дин туркэ сай тэтарэ, дар поате ши дин Балкань. Ачелаш кувынтул есте, прекум се штие, ши ел балканник: кф. дакор. *душман*, аром. *duşman*, булг., мачед., с.-кр. *душман(ин)*, алб. *dushman*.

жерлига «большая удочка», дат ын Грінченко, I, 480 фэрэ акцент ши фэрэ вре-ун коментариу; формэ абсентэ ын лимба литерарэ. Ну е клар, дакэ се поате ворби де о варианте фоно-семантике а луй *герлига* ш. а. (весь ла *герлига*, унде ну фигурияэ декыт варианте фонетиче ши ачеля май апропияте уна де алта). Кф. ши рус. ынв. *жерлика, жерлица* («ун фел де ундицэ маре» ш. а. ка ши деривателе *жерличный, жерличник*), дедусе ын Даль, I, 535, дин *жрать* (фэрэ мотивэрь).

згáрда «род ожерелья из монет и крестиков», кувынтул хуцул (Грінченко, II, 142). Се ласэ ушор дедус дин дакор. *згардэ* ын сенсул луй архаик. Ярэш ун «ромыно-албанизм», кф. алб. *shkar-dhë* (весь д. е. Rosetti, 122).

кайстра «мешок» (Грінченко, II, 208); дериватул *кайстро-вий* е локализат (тот аколо) пентру Галиция. Амбеле кувинте сынты адмисе ын лимба литерарэ ка регионализме (весь УРС, II, 302; УРС, 324). Ымпрумутаря дакор. (*с)трайстэ* (орь а алтей варианте), ынсоцитэ де метатезэ, е пробабилэ: кф. ши *тайстра* деспре каре (весь май жос). Ла орижине ам авя гр. бизант. *τάγιστρον*, деши ын Vasmer, I, 505 ачастэ етимологије се со-коате май пущин пробабилэ декыт лат. *canistrum* (пе база паралелор адусе дин диферите граюрь русешть ши дин лимбъ вест-славе). Алб. *trajstë* е ун ымпрумут релатив речент, дупэ кум аратэ пэстрагя луй *s*; кф. ши неогр. *τάστρο*.

ка(ла)балык «суматоха, кутерьма» орь ши «беспокойство, хлопоты» (Грінченко, II, 202, 209), нелокализат ла аутор, дар абсент ын дикционареле лимбий комуне. Дакэ кувынтул е карпатик, изворул немижлочит требуе сэ фие дакоромын, дакэ ынсэ авем ун архаизм украинян комун, ымпрумутул а венит дин туркэ

орь тэтарэ директ. Орькум ар фи, етимонул е балканник комун: кф. дакор. *калабалык*, аром. *călăbăllche*, булг. *калабалък*, мачед. *калабалак*, с.-кр. *калабалук*, *калабука*, алб. *kallaballëk*, гр. *χαλαμπαλίκι*, М. Фасмер (I, 506) дедуче рус. диал. *калабалык* дин тэтара таурикэ орь дин туркэ.

калúгирь «монах», диалектизм орь архаизм комун, дат ын Грінченко, II, 211 фэрэ локализаре, дин каре каузэ е греу де спус, дакэ етимонул а пэтрунс ын украинянэ дин дакоромынэ орь дин грякэ (евентуал прин века славэ). Ка балканизме кф. дакор. *кэлугэр*, аром. *călugru*, *călugăr*, булг. *калугер*, мачед. *калуѓер*, с.-кр. *калућер*, гр. *χαλότερος*. Формеле *калогеръ*, *калугеръ*, екзистау ын «векя русэ» (Срезневский, I, 1183; Vasmer, I, 511).

кáмата «процент», кувынт проприу украиненилор дин Басарбия ши, евентуал, дин локалитэць вечине (Грінченко, II, 212). Е сигурэ деч провениря дин дакоромынэ, унде *камэтэ* е де оржине грякэ бизантинэ (весь Cioğanescu, 132) ши аре паралеле ын алб. *katatë*, мачед., с.-кр. *камата* ш. а.

капéстра «уздечка», кувынт хуцул ши покутик (Грінченко, II, 217), ымпрутум евидент ал дакор. *кэпэстру*, моштенит дин лат. *capistrum* (комп. аром. *capestru*). Де аич ши гр. *κάπιστρο*, алб. *kapistër*, *kapistall*, булг., мачед. *капистра*.

капуш «насек. *Melophagus ovinus*», диалектизм украинян апусян (Грінченко, II, 219; дат фэрэ акцент). Е пробабилэ легэтура ку дакор. *кэпушиэ*, аром. *сăриşe*, алб. *këpushë* (дупэ Rosetti, 111, атестат ши ын сырбэ), де оржине обскурэ.

кéдзи — кéдзи «призыв коз», кувынт проприу унор граюрь украинене карпатиче (Грінченко, II, 234). Ачастэ интержекции кореспунзынд ын дакоромынэ луй *ца-ца!*, ам путя адмите, ын презент, доуз версий: 1) креации экспрессивэ проприе орь 2) легэтура етимологикэ, фэрэ партичипаря дакоромыней, ку алб. *kedh* ши *кес* «ед». Ам фи ын старе сэ рэспундем ла ынтребаре афлынд изоглоселе луй *кедзи—кедзи* (ши асем.) атыт ын лимбile балкано-карпатиче, кыт ши ын алте лимбъ.

кíлим «ковер» ши «ковровая скатерть», кувынт украинян комун ши литерар (Грінченко, II, 238; везь ши УРС, II, 328; УФС, 301; УРС, 336); кф. ши деривателе: димин. *килимник*, адж. *килимовий*; *килимар* «фэктор де килимуръ», фем. *килимница*, *килимарка*, абстр. *килимарство*, адж. *килимарський* ш. а. Пе ынспециал, рус. *кили́м* сынт регионализме. Орижиня турчиké (< персанэ) а етимонулуй е бине куноскутэ. Карактерул луй де балканизм е манифестат де екзистенца дакор. *килим*, аром. *chilime* ши вар., булг., мачед. *килим*, с.-кр. *କିଲିମ*, алб. *qilim*, гр. *χιλίμι*. Комп. ши полон. *kilim*, литуан. *kilimas*. Ултимеле доуз фапте сынт импортанте, деоарече пар а эксплика мутаря

акцентулуй дин тур. *kilim* (пэстрат ын дакоромынэ) ын укр. *кілим*: кувынтул ар фи пэтрунс ын украинянэ прин полонэ, унде, прекум се штие, ун кувынтул полисилабик шу поаце сэ фие декыг парокситон. Полона ка изворул ымпрумутулуй е презентатэ ши де фаптул литуан. Рус. *кілим* ши белор. *кілім* се ласэ, деч, десусе дин турчикэ немижлочит. Д. е. М. Фасмер (I, 557) пуне рус. диал. *кілим, келім* ын легэтурэ ку тэтара таурикэ, турка ши кумана.

коліба «пастуший шалаш» ши «зимнее жилище древорубов-гуцулов», кувынтул хуцул (Грінченко, II, 268), адмис ка регионализм ын лимба литерарэ (УРС, 345). Даторитэ локализэрий, путем ведя ын ачест кувынтул ун ымпрумут дин дакоромынэ ши ну дин славонэ. Ка балканизме комп. аром. *colibă*, булг., мачед., с.-кр. *колиба*, алб. *kolibë, kalive*, гр. *χαλύβα* ши вар. З. Голомб (паж. 25, 32—33) читязэ паралеле дин полонэ, словакэ ши туркэ. Ла орижине кувынтул паре а фи елин, деши кэйле луй де пэтрундере динтру' о лимбэ ын алта ну сынт ынтотдяуна кларе (кф. Сіогапесци, 221).

кондурі «род сапог у жителей Покутья галицкого» (Грінченко, II, 277). Даторитэ локализэрий ымпрумутаря турчизмулуй дин дакоромынэ апаре сигурэ. Пентру Балкань кф.: дакор. *кондур*, аром. *cundură*, булг. *кундур*, мачед. *кондура*, гр. *χουτούρι*. Ла орижине ар ста елин. *χόθορυος*.

копіл е украинян комун, кыт е ворба де сенсурile «сапожная колодка» ши «столбики, связывающие полозья с ящиком саней» (Грінченко, II, 280; везь ши УРС, II, 373; УФС, 318; УРС, 353). Ачеяш се реферэ ла деривателе де ла ачесте сенсурь, кум сынт *копилля* (колект.), *копиловий* (адж. релат.) ш. а. (УРС, 353); кф. ши куноскутеле фразеологизме *всі на один копил, переробити на свій копил*. Ачесте сенсурь але кувынтулуй украиняна ле поседэ ын комун ку белоруса (кф. *капыл*, ка ши *на адзін капыл, перерабіць на свой капыл*)¹⁶ ши ку руса. Аич *копыл* (ка ши мултиплеле деривате але луй) аре диферите сенсурь реферитоаре ла объекте конкрете ши вариинд де ла диалект ла диалект ын спечиал ла норд (везь Даляр, II, 159). Ын руса литерарэ *копыл* екзистэ нумай ын сенсул «короткий бруск, вставленный в полозья и служащий опорой для кузова саней»¹⁷. Акум кувынтул е пуцин куноскут принтре пуртэторий лимбий русе, деши ын требует требуя сэ фие май рэспынит даторитэ факторилор екстраглигвистич (кф. ши пронумеле *Копылов, Копыленко* ш. а.). Пентру русэ етимоложия рэмыне некуноскутэ: везь Vasmer, I, 620—621.

¹⁶ Пентру белорусэ не-ам информат дупэ Крапива.

¹⁷ Везь: Ушаков, I, 1463; Ожегов, 259; СРЯ, III, 131; Д. Н. Ушаков ши дикционарал академик дефинеск кувынтул ка регионал.

Дар украиняна май куноаште ши алт сенс ал кувынтулуй, чеңде «незаконнорожденное дитя», проприу граюрилор карпатиче (Грінченко, II, 280). Ын ачелаш груп де граюрь екзистә ши дөривателе: *копилитися* «родить вне брака ребенка», *копилица*, *копивка* «незаконная жена, наложница», *копилча* (дімінн.), *копильчук*, *копиля*, *копиляк* (= *копил*); пентру Буковинэ везь Прокопенко, 72. Ачастә изосемә унеште украиняна карпатике ку Балканий, унде сенсул ын дискутие е проприу кувынтулуй асемәнэтор ын дакоромына веке ши диалекталә, аромынә, албанезә, неогрякә ши суд-славә (че е дрепт, пе лынгә аста кувынтул май капэтә аколо алте сенсурь, кум е «*копил*» ын дакоромына комунә, «*бэят*», «*слуга*» ш. а. Де обычей ну се адук ын дискутие (Rosetti, 113; Сіогапесци, 232—233), цигэн. *копэло* «лукрэтор, аргат»¹⁸ ши тур. *копил* «*бэят* де страдэ, штренгар» (*kopillik*, «штренгэрие»), апәруте, ын мод евидент, прин ымпрумут дин лимбile балкапиче.

Кыт привеште рапортул ынтрө челе доуэ сенсурь принчипале але кувынтулуй, чең ест-слав комун модерн паре а фи о дезволтаре а челүй проприу тутурор лимбилор балканиче. Етапа де транзицые ар фи, дупә кум креде М. Фасмер (I, 620), «*stiefmütterlich behandelter Gegenstand*», пентру каре ауторул читязә, пе бунз дрептате, паралела рус. *пасынок* ын диферите ынцелесурь секундаре але луй (кф. Даль, III, 24). Еволюция инверсә о гэсим май пар (деши нич еа ну е ексклусә: кф. рус. *шпингалет*).

Аша дар, ам путя траса урмэтоаря историе а кувынтулуй украинеск: *копил* а пэтрунс одатә ын лимба комунә, непэстрынду-шь ын еа декыт сенсул секундар. Граюриле карпатиче, ынсә, даторитә контактулуй лор ку дакоромына веке (орь ку алтә лимбә дин ачелаш ареал)¹⁹, ау пэстрат (resp. реымпрумутат) сенсул примар, проприу акум лимбилор балканиче.

коса. Бинеынцелес, ну путем ведя ын ачест етимон слав комун үн ымпрумут ын украинянә, ка ши ын орьче лимбә славә, дин вре-о лимбә стрэинә. Пентру балканистикә ынсә казул е интересант суб рапортул урмэтор. Прекум се штие, орьче лимбә балканикә неславә аре о ануmittә кантитате де славизме, челе май нумероасе ын лимбile балкано-романиче, чева май пущине ын албанезә ши ынкә май пущине ын грякә. Деши кяр ачесте ултиме сынт дестул де нумероасе, е тотуш греу де гэсит славизме, каре сә фие комуне тутурор лимбилор балканиче, славе ши неславе. Токмай дин еле фак парте етимонуриле де фелул луй *коса*: комп. булг., мачед., с.-кр. *коса*, словен. *kosa*, дакор. *коасә*, аром.

¹⁸ Дателе деспре лимба цигэняскә ле-ам луат дин Сергиевский/Бараников.

¹⁹ Де нотат кореспонденца ку *копил* ши ну ку молд. *кокил*, *копкил* (ка ын укр. *кептарь*, *киптарь*). Токмай ачаста ар путя сә фие о довадә инконтестабилә а провенирий дин диалектул дакоромын вечин, адикә дин молдовеняскә.

coasă, алб. *kosē*, гр. *χόσσα* ш. а. Кф. ши цигэн. *косарка* «коситоаре», тэ *косинэс* «сэ косешть».

котара «юрта, шалаш», архаизм литерар (Грінченко, II, 292). Кувынт де орижине славэ, дар трансмис, ка пуртэттор ал ануимитор сенсурь, дин суд-славэ ын словакэ (Голомб, 33—34), евентуал ши ын украинянэ (унде поате сэ фие ши ун славонизм). Ка балканизме кф. дакор. *котар*, аром. *cotar*, алб. *kotar*, гр. диал. *kotár*, немайворбинд де булг., мачед., с.-кр. *котар* ш. а.

кобфа «кружка для воды», кувынт дин унеле граюнь карпатиче вечине ку дакоромына (Грінченко, II, 294), ымпрумут евидент ал луй *кофэ*, кф. аром. *sofă*, ка ши с.-кр., булг. ши мачед. *кофа* ку трептате модификаций семантиче ажунгынд, прин «кэлдаре» ла «кош», сингурул сенс проприу гр. *кобфа* ши алб. *kofin* (кф. ши *kofēn*). Сенсул примар паре а фи чең дакоромын, каре ар путя сэ резултэ ымпрумут индирект дин лат. *cip(p)a*. Кф. ши пэреря дин Cioranescu, 218.

кошар, кошара «сарай, загорода для овец», кувынт украинян комун авынд қытева деривате (Грінченко, II, 296; УРС, 358 ш. а.), бине куноскут (деши ку нуанцэ де регионализм) ши лимбий русе; кф. ши белор. реж. *кашара*. З. Голомб (паж. 25—26) сокоате кувынтул карпатик комун, дынд паралеле ши дин полонэ, словакэ (кф. ши чех. реж. *košár*²⁰) ши унгарэ, ши дедуче стимонул дин суд-славэ, де унде ел ар фи пэтрунс ын лимбите карпатиче прин ромынэ (кф. Vasmer, I, 650). Пентру Балкань, кф., афарэ де дакор. *кошар*, аром. *cuşare* ши булг., мачед., с.-кр. *кошара*. Веъ ши дискуция дин Cioranescu, 238.

кошұля «рубаха» и «струпъя на голове ребенка», диалектизм рэспындит ши ын лимба литерар (Грінченко, II, 297; УРС, 359), авынд қытева диминутиве. Етимон слав комун, фолосит ын диферите лимбъ славе пентру а форма денумир де ымбрэкэминте, ын специал де кэмэшь (веъ Преображенский, 374; Vasmer, I, 652), де пробабилэ орижине латинэ (тот аколо). Е посибилэ легэтуре ку дакор. *кәчүлә*, аром. *cäciulă*, алб. *kësulë*, гр. *χατσούλα*, кф. ши булг., мачед. *качулка*. Тотуш, орижиния ши легэтурите ачестор балканизме рэмын контроллерсате (комп. Cioranescu, 122—123; Rosetti, 111).

крин поетизм ал лимбий комуне украинене (Грінченко, II, 306; УРС, II, 399; УРС, 363) ши ал чең русе, презент ши ын ест-слава комунэ (веъ: Срезневский, I, 1324), унде е де орижине грякэ, ка ши ын Балкань: кф. дакор., булг., мачед., с.-кр. *крин*, аром. *crin*, гр. *κρίνου* (веъ ши Vasmer, I, 664).

күжба «крюк, на который подвешивается котелок» ш. а., кувынт украинян карпатик (Грінченко, II, 320). Ымпрумутаря дакор. *кужбэ* (кф. вар. *гужбэ*) е деч фоарте пробабилэ. Ка бал-

²⁰ Пентру чехэ не кондучем де Павлович.

канизме кф. с.-кр. ши мачед. *гужва* ши алб. *guzhëm* (хот. *guzhma*) нуминд диферите объекте асемэнэтоаре ку кужба. Ын Cioranescu, 259 ну се пропуне нич о етимоложие.

кулъстра «молоко коровы, только что отелившейся», кувынт хуцул (Гринченко, II, 323). Прототипул дакоромын (*куластрэ* орь *коластрэ=кораслэ* <лат. **colastra*<*colostra*) е евидент. Булг. *коластра* ши гр. *κολάστρα* провин дин форма латинэ вулгарэ орь дин ромынэ, пе кынд алб. *kalloshtër* се ласэ дедус дин форма класикэ (кф. аром. *culastră*).

лайстий «черный (об овцах и их шерсти)», диалектизм украинян карпатик (Гринченко, II, 341; везь ши Широков, 131). Се ласэ легат де дакор. *лай*, *лае*, кф. ши (*букэ*)*лае* = (*оае*) *ку ботул негру*; комп. аром. *laiu* «негру», алб. *llajë* «оае нягрэ». О. С. Широков (паж. 131) май дэ паралеле дин гряка де норд, туркэ ши чехэ. Везь ши Cioranescu, 462, унде орижиня се декларэ не-куноскутэ.

левада «окопанное или огороженное место для сенокоса вблизи усадьбы» (Гринченко, II, 349), кувынт украинян комун (везь ши УРС, II, 434; УФС, 337; УРС, 375), бине куноскут ши лимбий русе, ын каре се сокоате ымпрумут дин украинянэ (везь Шанский, 179; Vasmer, II, 39), яр ын ачастэ ултимэ гречизм (тот аколо). Дакор. *ливадэ* се консiderэ де обычай ка венит принт'о лимбэ славэ (булгарэ сау украинянэ, везь: DLRM, 462), деши пэтрундеря директэ дин грякэ ну есте ексклусэ (Cioranescu, 483). Орькаре ар фи кэиле де трансмитере динт'о лимбэ ын алта, етимонул е балканник комун: комп. аром. *livade*, булг., мачед., с.-кр. *ливада*, алб. *livadh*, *luadh*, гр. *λειβάδι*, *λιβάδα* ку вариаций де сенс.

левенецъ «молодец, рослый парень», архаизм украинян комун (Гринченко, II, 350), везь ши димин. *левенчик*. Е греу де спус, дакэ ын украинянэ етимонул а пэтрунс директ дин туркэ (ка ши ын дакоромынэ) орь дин ачастэ ултимэ лимбэ: кф. дакор. *левент* (=левинт) ши турк. *levent*, де орижине италиянэ. Етимонул е ши ел балканник комун: комп. аром. *livendu*, булг. *левент*, мачед. *левен(t)*, с.-кр. *левента* («лотру; шмекер»), алб. *levent*, гр. *λεβέντης* (везь ши Cioranescu, 476). Пентру рус. диал. *левенец* «ом войник», «влэжган» ши «прост» М. Фасмер (II, 24) адмите провенире туркэ (кф. Даль, II, 242).

левўда «раст. *Polygonum bistorta* L.», кувынт дин реж. Черкасы (Гринченко, II, 350). Е пробабилэ легэтура ку дакор. *леурдэ* «*Allium ursinum*», дедусэ де обычай дин нумиря албанээзэ а устуроюлуй (кф. *hudhër*, *hurdhë*, моштенит дин индоевропянэ), везь д. е. Rosetti, 116. Кф. булг. *лёвурда*, «*Allium ursinum*». А. Чорэнеску (паж. 476) сокоате конфрунтаря ку албанеза ка ин-суфичиентэ, деши дедуче кувынтул украинян дин ромынэ. Де алтфел, пынэ ши ын руса регионалэ екзистэ *левурда* «*Allium viscum*»

torialis» (Даль, II, 242), ынсемнынд ши ea о вариетате а усту-роюлуй. Тот одатэ ынсэ пентру *леурдэ* ну се адук паралеле дин аромынэ ши мегленитэ.

люнтра «узкая длинная лодка», диалектизм дин режиуня Харков орь Днепропетровск (Грінченко, II, 388). Деши комуни-таты фоносемантікэ ку дакоромына (ка ши ку алте лимбъ бал-каниче) ну провоакэ ындоель, е фоарте греу де спус, кум а путут пэтрунде гречизмул балканик токмай пе ареалул сусарэтат. С'ар путя пресупуне оаре о миграции молдовеняскэ (орь алта балка-никэ)? Ын презент путем сэ не лимитэм ла адучеря де паралеле балканиче: кф. дакор. *лунтре*, аром. *ländurā*, алб. *lundēr*, гр. ди-ал. *λούτρα*.

магала «часть предместья», кувынт рап де о локализаре импречисэ ынкэ (Грінченко, II, 395). Дупэ фонетизм паре а фи ымпрумутат дин дакоромынэ (кф. *махала*) ши ну директ дин тур-кэ (кф. *mahalle*). Кувынтул, де орижине арабэ, есте, дупэ кум се штие, рэспындит пе ларг ын тот Ориентул Апропият, куприн-зынд ши Балканий: комп. аром. *mähälä*, булг. *махала*, мачед. *маало*, с.-кр. *махала, мала*, алб. *tëhallë*, гр. *μαχαλᾶς*.

мágура «высокая гора», кувынт дат ын Грінченко, II, 396 фэрэ вре-ун коментариу, дар абсент ын лимба литерарэ контемпо-ранэ. Дин мотиве фоносемантиче ымпрумутаря дин дакор, *мэгурэ* паре тотуш пробабилэ (етимология ачестуя фиинд уна дин челе май контроллерсате: кф. Голомб. 41—42; Ciogănescu, 495; Rosetti, 116). З. Голомб сусцине кэ украиненей ши словачей кувынтул ле-а фост трансмис ын форма луй ромынэ (паж. 42); кыт деспре пэтрундеря динтру'о лимбэ балканикэ ын алта, кэйле сынт греу де урмэрит. Кф. чел пущин результателе: дакор. *мэгурэ*, аром. *mägigrä*, алб. *magulë*, гр. *μάγουλο* «образ».

майдан «площадь» (сенс проприу кувынтулуй пынэ акум ын лимба комунэ ши чя литерарэ), кыт ши «лесная поляна» ши « завод для гонки смолы» (режионал ши архаизат), везь: Грін-ченко, II, 398; везь ши Ізюмов, 390; УРС, II, 473; УФС, 351; УРС, 391. Ка деривате везь тот аколо диминутивул *майданчик* ши аддективеле *майданний*, *майдановий*, *майданчиковий*. Комп. ши рус. диал. *майдан*, ку ачеляшь сенсурь (везь Даль, II, 290 ши Ушаков, II, 118—119, унде сынт дате кытева деривате; Ожегов, 295; СРЯ, II, 293); белор. *майдан*. Пентру ест-славэ етимонул е ун турчизм идентификат демулт, пэтрунс, ла ындуул луй, ын тур-чикэ дин арабэ (везь: Преображенский, I, 503; Vasmer, II, 88). Ачелаш етимон а девенит ши ун бун балканик комун, дупэ кум аратэ дакор. *майдан*, *медян*, аром. *mäidane*, булг., мачед., с.-кр. *мегдан*, ку девиерь семантиче спре «дуел, луптэ» прин «лок де луптэ»; алб. *tejdan*, гр. *μεγυτάνι*. Кф. ши полон. *majdan*, кыт ши фапте асемэнэтоаре дин диферите лимбъ ориентале, инфлюен-цате де арабэ.

мамалыга «род кушанья из кукурузной муки» (Грінченко, II, 403), кувынт украинян комун (весь д. е. УРС, 394), куноскути лимбилор русе ши белорусе. Пентру ест-славэ е аргументатэ ымпрумутаря дин дакоромынэ (Cioranescu, 499; Преображенский, 507; Vasmer, I, 93; Шанский, 192). А. Чорэнеску (паж. 499—500) демонстризэ кэ етимонул, ромын ла oriжине, а девенит балканник комун: весь пилделе дате де автор лин туркэ, аромынэ, грекэ, албанезэ, унгарэ, булгарэ, сырбокроатэ, украинянэ, половина диалекталэ ши руса де суд. Комп. ши мачед. *мамалига*.

мензёра «дойная овца», кувынт дин фоста губерние Херсон (Грінченко, II, 416), кф. *мендзэрка*, фиксатын «Нижнее Поднестровье» (Дзэндзелевский, 155, 156). Провенира молдовеняскэ е 'евидентэ. Форма де базэ требуе сэ фие чя а плуралулуй луй *мынзаре*. Пентру ынсэшь дакоромынэ кувынтул е, прекум се штие, де oriжине обскурэ, ачелаш етимон ынтыллинду-се ынкэ ын латинэ (кф. мулт читатул ку ачест прилеж *Jupiter Menzana*); кувинте асемэнэтоаре ка форма ши сенс гэсим ши ын сардэ, италиянэ ши кяр баскэ. Етимология а фост пресупусэ ка илирэ, челтикэ, антиендоевропянэ ши, речент, ка трако-дакэ (весь богата библиографие дин Cioranescu, 527—528; Rosetti, 117 ш. а.). Кувынтул е ун типик ромыно-албанизм: кф. аром. *mindzu*, алб. гег. *mâz*, алб. тоск. *tëg* (дупэ А. Чорэнеску ши А. Росетти, *мандзара* а фост трансмис булгарей). Ын амбеле лимбъ екзистэ деривате ши девиеръ семантиче.

мензиръ «род овечьего сыра», дат ын Грінченко, II, 416 фэрэ акцент ши фэрэ вре-ун коментариу. Етимонул паре а фи идентик ку чел екзаминат май сус.

море, адус де Б. Д. Грінченко (фэрэ акцент) ка о варианте а луй *бре*, *брей* (весь май сус), кувынт де рефрен ын кынтече. С'ар датора уней инфлюенце фолклориче балканиче. Е ворба де о интержекции, бине куноскути ын Балкань (кф. аром., алб. *more!*, булг., мачед., с.-кр. *more!*, гр. *μωρέ!*), де oriжине контроллерсатэ. Дупэ Кобилянський, 248, ын украиняна карпатикэ май екзистэ ши *мой* (урмат де *бре*, *брыц*), каре се ласэ легат де дакор. *мэй!*, аром. *toi!*, алб. *toj!* Комп. ын спечиал варианта аромынэ *mori!* Кф. ши фелул циганилор де а се адреса унул алтуя ын *мэрэ*.

мôшул «старик» ши «дед», кувынт буковинян (Прокопенко, 71; Cioranescu, 540). Де нотат ымпрумутаря ын форма артикулатэ дакоромынэ, кф. *нанашул* (Дзэндзелевский, 152) орь *фінулі* (Мельничук, 171). Кф. ши дериватул проприу: укр. *мушулиня* «имущество, передшедшее по наследству от деда», пе ыннд *моша* «акушерка, старуха, тетка» паре а фи ынкэ ун ымпрумут гата (в. тот аколо). Е ворба де ун етимон дакороманик комун (кф. аром. *moşı*, *moaše*, мегл. ши истрор. *moş*), ку паралелэ ын албанезэ (*moshë*, *moscë* «вырстэ», *moshatar*, *mosc* «де о сямэ», *i molshëm* «бэтрын; векъ», ултимул кувынт дедукинду-се ушор дин

mot «тимп» ши «ан», ку алте деривате); кф. ши Rosetti, 117. Ынчеркаря луй А. Чорэнеску (паж. 539) де а дедуче *мош* дин латинэ е пра артифичиалэ.

мургий «вол почти черной масти», диалектизм орь архаизм, абсент акум ын лимба литерарэ (Грінченко, II, 455). Легэтура ку дакор. *murg* е фоарте пробабилэ. Ачеста (ка ши аром. *murgu*) е де о провенире некуноскутэ (Cioranescu, 546—547; Papahagi, 715; Rosetti, 117), фиинд легат де обичей де алб. *murg* «кэлугэр», гр. *μοῦργος* «ченушиу; тулбуре». Кф. ши булг., мачед. *murgav* «смолит».

одая «загон для рогатого скота вне села», кувынт фиксат ын фостул уезд Литин (Грінченко, III, 38)²¹. Е деч пробабилэ ымпрумутаря дакор. *odaе* ын сенсул луй май пүчин рэспындит («ашезаре господэряскэ изолатэ де сат, фермэ микэ, тырлэ де вите етч.», DLRM, 558). Дупэ кум се штие, турчизмул респектив е бине куноскут (че е дрепт, ын сенсул луй примар) ын тоць Балканий: кф. аром. *oda*, *udă*, булг. *одая*, мачед., с.-кр. *odaја*, алб. *odë*, гр. *ουτᾶς*.

партал, парталь «остатки овцы, съеденной волками», диалектизм дин апропиеря Мэрий Негре (Грінченко, III, 97). Се ласэ легат де ром. реж. *partal*, авынд ши сенсул де «букатэ де карне, де пыне», в. DLRM, 587. Етимология поате сэ фие латинэ: кф. аром. *partal*, *pärtal(ă)* «здрянцэ», дедус ын Papahagi, 819, 831 дин *quartarius* (чея че е респинс де А. Чорэнеску, паж. 605). Ар фи деч ворба де ун посибил дублет етимологик ал луй *pätrar*, дар каре а суферит метатезэ ши дисимиларе. Алб. *partalle* «векитурэ» май аре ши сенсул де «ос» ын идиомул *atje* и *tbene* *partallet* «аколо ау рэмас оаселе» (FGj Sh, 379). Май рэспындит де-кыт кувынтул-базэ ын албанэзэ есте вербул *shpartalloj* (вар. *(sh)partallis*) «а здроби, а диструже» (ку деривателе луй), а кэ-рүй пробабилэ етимологије ромынэ а май фост скоасэ ын евидентэ (Çabej, 78, дупэ Н. Йокл). Деспре укр. *попартолити* ка о поси-билэ паралел а ачестуй верб албанэз везь май жос.

настая «раст. *Lunaria rediviva*», диалектизм украинян карпатик (Грінченко, III, 100). Легэтура ку дакор. *пэстae* е дестул де транспарентэ. Ачелаши кувынт е, дупэ кум се штие, легат де алб. *bishtajë* (ачеяш), каре, ла рындул луй, се ласэ ушор дедус дин *bisht* «коадэ», кувынт фреквент ши ку мулте деривате (везь д. е. FGj Sh, 39—40). Де потат, кэ ши кореспонденца динтре *p-* ши *b-* е адмисэ де осцилације динтре ачесте фонеме ын албанэзэ (ын Cioranescu, 607, е дат ши *pish'tajë*), яр аром. *pästale*, *pistale*, *spätale* (Papahagi, 832) трэдязэ ымпрумутаря дин форма алб.

²¹ Орашул Литин се афлэ ла 30 км ла норд-вест де Винница ши апрокси-матив ла 120 де ла граница Молдовей.

веке ку *l* ын локул луй *j* (*l* пэстрат акум ын диалектул чамик, д. е. *vajtēlē e ardhēlē*=алб. комун *vajtje e ardhje* «дус ши ынторс»).

паст्रама, пастрома «солонина из баранины», регионализм украинян апусян (Грінченко, III, 101) ка ши *пастръбома* «кусок мяса, сала и пр., положенный в ловушке для приманки зверя», фиксат пе ареалул Днепропетровск-Харков (весь тот аколо). Амбеле варианте ну сынт акум литераре. Кувынтул паре афи ун ымпрумут дакоромын, каре шъ-а скимбат форма ши сенсул, ындепэртынду-се де локул сэу де ымпрумутаре. Ла орижине авем ун турчизм бине куноскут, екзистент ын тоате лимбile балканиче: комп. аром. *pästrämä*, булг. *пастърма*, мачед., с.-кр. *пастрма*, алб. *pastërtma*, гр. *παστρούμας* ши вар. (Е де нотат ынребуинцаря луй *пастрама* ын лимба русэ ворбитэ дин РССМ.)

(по)партолити, (по)парбрити = **(по)партачити** «испортировать плохой работой (во множестве)», кувынт дат ын Грінченко, III, 98, 320, фэрэ локализаре, дар абсент акум ын лимба литерарэ (деши кф. Ізюмов, 521: *партолити* «небрежно делать»). Ну е ексклусэ легэтуря етимологикэ (чел пущин ка ун фел де контаминаре) ку *партал(ъ)*, весь май сус. Че е дрепт, асемэнаря ку *партачити* (укр., рус. ши полон. комун), ка ши презенца луй *partolic* ын полонэ индикэ алтэ сурсэ посибилэ.

рйндза «род творога, приготовленного в желудке молодого ягненка или теленка»; *риндзак* «желудок»; *рйндза* «сычуг»; *рйндзя* «телячий желудок»; *рйндя* ка «желудок, нутро» сынт тоате диалектизме украиняно-карпатиче (Грінченко, IV, 17). Ымпрумутаря дакор. *рынзэ* е, деч, евидентэ. С'а скрис мулт деспре рапортурile динтре ачест кувынт ши алб. *rëndës* (весь д. е. Rossetti, 119—120), дериват посибил ал луй *i rëndë* «греу».

сака «бочка водовозная», диалектизм (пентру локализаря кэруя требуе черчетате извоареле фолосите ын Грінченко, IV, 97), адмис ка регионализм ын лимба литерарэ (УРС, V, 245). Деч, локализаря ын украиняна карпатикэ ар ынсемна аич ун ымпрумут дин дакоромынэ, ын каз контрап (чая че е пущин пробабил) ам авя де а фаче ку о урмэ а инфлюенцей турчешть директе. Орькум арфи, ачест турчизм де орижине арабэ е бине куноскут ын Балкань кф. аром. *säcä*, булг., с.-кр. *сака*, гр. *σακκᾶς*.

сембрэля, сембрэля «плата слугам, нанятым рабочим» ши «вознаграждение натурой (молочными продуктами), даваемое гуцулом, хозяином стада своим пастухам», кувынт украинян карпатик (Грінченко, IV, 113). Изворул е дакор. *симбрие*. Интеркаларя луй *-л-*, нефиннд регулатэ, паре а имита прочедеул асемэнэт дин *люблю, земля, диал. здоровля* ш. а. Ынсушь *симбрие*, деши де о етимологиye обскурэ, аре паралел ын Балкань, кф. гр. *sembria* (дупэ DRLM, 770). С'ар путя гынди ла алб. *sembër, sëm-bër* («унул дин плугарь каре се ажутэ речипрок ла арат»), ети-

мон слав, кф. *s* пэстрат, ка ши рус.-диал. *себер* (ачеяш), белор. *сябар* «приетен».

спұ́дза, спұ́з, спұ́за «пепел, зола», кувынт украинян (транс) карпатик (Грінченко, IV, 191), адмис ка регионализм ын лимба литерарэ (УРС, V, 475: *спуз*, *спузә*). Ымпрумутаря dakor. *спузә* е деч евидентэ. Кувынтул *спузарь* «один из пастухов в гуцульской полонині, на обязанности которого лежит ношение воды, дров и топка» ш. а. (Грінченко, IV, 191) поате фи о деривации украинянэ проприе (кф. Дзенделівський, 58—59). Етимонул луй *спузә* (пробабил дин лат. **spudia* <*spodium*, DLRM, 793), < *<елин. σποδιά* е рэспындиц ын Балкань: кф. аром. *spriză*, булг. *спуза*, алб. *shprizë*, гр. *σποδιά*.

стіна (стігна) «летнее помещение для овец в поле» ш. а., кувынт буковинян (Прокопенко, 73—74), евидент ымпрумут дин dakоромынэ. Пентру ачастэ лимбэ е де орижине дискутабилэ (кф. DLRM, 802, унде ну се дэ нич о етимоложие). Се поате ведя аич унул дин примеле славизме ромыне комуне, ку *an>in* (кф. *жупын*, *стэпын*, *смынтынэ*); кф. аром. *stīnā*, дар ши *stane* < гр. *στάυη* орь <слав. *станъ*, ачеста презент ши ын алб. *stan*, кувынт ноу, прекум мэртурсесште с пэстрат; кф. булг., с.-кр. *стан*, ши деривателе лор (ка dakor. *станиште*).

стрұнка «отгороженное место в овечьем хлеве, где производится доение маток», кувынт хуцул (Грінченко, IV, 219). Ынкэ ун каз де ымпрумутаре евидентэ дин dakоромынэ: кф. *струнгэ*. Дупэ кум се штие, ачест балканизм де орижине контроллерсатэ а фост ын репетате рындуры анализат де етимоложь. Везь д. е. Roberti, 120, унде се констатэ презенца етимонулуй ын грякэ, словенэ, сырбокроатэ, полонэ, украинянэ ши унгарэ; ын Голомб, 27, 35—37 се аратэ кэ ла орижине ар ста алб. диал. *shtrange* (ынрудит ку вербул фреквент, де орижине индоевропянэ *strēngōj* «а стрынже»), ымпрумутат де тимпуриу де слава де суд (**stronga*), яр ын форма веке сырбэ (**strunga*) прелуат де ромынэ (инклусив аромынэ) ши ынторс албанезей ка *shtrungē* (формэ акум литерарэ). Булг. *стрѣга*, мачед. *страга* ши с.-кр. *струга* ар фи рефлексе регулате але векюлуй ымпрумут ын славэ (везь тот аколо). Не афлэм, деч, ын фаца унуй каз типик де ымпрумутаре ши ымпрумутаре а унуй кувынт «рэтэчитор», легат де миграций пэсторешть (кф. ши фактеле адусе ын Popović, 28, унде тотуш ну е ворба де реымпрумутаре).

тайстра «сумка, котомка», кувынт покутик (Грінченко, IV, 243), адмисибил ка диалектизм ын лимба литерарэ (УРС, IV, 5). Ымпрумутаря dakor. *трайстэ* е ши май пробабилэ декыт ын казул вариантелей *кайстра*, дат май сус. Кф. ши деривателе *тайстерка*, *тайстронька*, *тайстрочка* (димин.), *тайстрина* (арэтынд калиятая проастэ а объектулуй), *тайстровий* (адж. релат). Пентру рус.

диал. *тайстра*, везь: Vasmer, III, 70 (кф. май сус деспре *кайстра*). Кф. ши букв. *трайста* (Прокопенко, 74).

топуз «крод медного ножа» ш. а. (Грінченко, IV, 274), историзм абсент ын лимба литерарэ контемпоранэ. Ынструкты ноциуня се реферэ ла «Задунайская Сечь» (везь тот аколо), се поате адмите ымпрумутаре атыт дин дакоромынэ, кыт ши директ дин туркэ, де унде етимонул с'а рэспындит пе ларг ын Балкань: кф. дакор. *topuz*, аром. *topuzgană*, булг., мачед., с.-кр. *topuz*, алб. *topuz*, гр. *τοπούζι*. Еволюция семантике спре «куцит» паре а фи украинянэ проприу-зисэ, деоарече атыт ын туркэ, кыт ши ын дакоромынэ (ка ши ын лимбile вечине) кувинтеле респективе нумеск буздуганул, ну куцитул.

трандáфиль, трандафира (ултима вариантэ е датэ фэрэ акцент) «роза», кувынт нелокализат ын Грінченко, IV, 279, дар адмисибил ын лимба литерарэ нумай ка регионализм (УРС, V, 88). Провениря дакоромынэ паре пробабилэ, май алес дакэ варианта *трандафира* е примарэ, деоарече алтфел презенца луй л етимологик ар фи май греу де експликат. Кувынгтул, провенинд дин гр. *τράνταφυλλό* е куноскут тутурор лимбилор балканиче: кф. ачелаш сенс ла аром. *trada(i)lä*, *trandafir*, булг. ши мачед. *трендафил*, алб. *trëndafil*. Ын сырбокроатэ ынсэ вариантиле *тренда*, *трендофии*, *трандавилье*, *трандовилье* се реферэ ла планта *Althaea rosea* дин фамилия малвачеелор ши ну ла *трандафири*. Кф. ши букв. *трандафир* (Прокопенко, 76).

трандахил «сирень», кувынт дат тот аколо (яр фэрэ акцент ши фэрэ локализаре), дар абсент ын лимба литерарэ. Етимонул е вэдит идентик ку чел пречедент. Апариция луй *x* се даторязэ тендицей украиннене де а евита сунетул [ф]. Еволюция семантике е ын женере дестул де интенсэ ла нумирь де планте, ын специал флорь (кф. пилделе сырбокроате де май сус).

трайнда «роза», кувынт украинян комун ши литерар (Грінченко, IV, 288; везь ши УРС, VI, 109; УФС, 736; УРС, 694). Легэтура етимологикэ ку *трандафиль* ш. а. е евидентэ (везь май сус). Ка формэ, чя май апропиятэ паралелэ е с.-кр. *тренда*. Атыт дин каузе фоно-семантиче, кыт ши дин челе лингвожеографиче требуе ексклус прототипул дакоромын ал луй *трайнда*. Е клар кэ изворул е гр. *τριάυτα* «трейзечь» (дин «трейзечь де петале»), ынсэ кэйле де трансформаре але луй ын укр. *трайнда* рэмын де урмэрит. Ун ажутор евентуал ар фи о информацие деспре история сырбокр. *тренда*. (Ын украинянэ *трайнда* аре деривате ка димин. *трайндочка* орь адж. релат. *трайндовый*).

турма «стадо овец», кувынт украинян апусян, прин ексленцэ карпатик (Грінченко, IV, 297; везь ши Кобилянський, 245; Прокопенко, 76), ымпрумут ушор де идентификат ал дакор. *турмэ* (кф. аром. *turmă*) <лат. *turma*, ымпрумутат ши ын форма алб. *turmë*. Евентуале индичий але екзистенцей етимонулуй ын лим-

били суд-славе ар фи булг. *турмак* «турмак, пуй де бивол» ши с.-кр. *турмар* «кирижину».

филижанка «чайная чашка», архаизм литерар (Грінченко, IV, 376). Ка семантикэ кувынтул украинян се афлэ ын ачеляшь рапортурь ку паралелеле луй ын тоате лимбile балканичеши ын туркэ. Ка формэ ынсэ дин тоате ачесте паралеле дакор. *фележян* ши ынг спечиал векюл *филижян* е май апропият де укр. *филижанка*, декыт аром. *filgeană*, *filgeane*, булг. *филджан*, мачед., с.-кр. *филица* алб. *filxhan*, гр. φλιτζάνι, каре тоате провин дин тур. *filcan*. Деч, *филижанка* паре а фи май деграбэ ун дакоромыннізм, декыт ун турчизм ын украинянэ. Суф. -ка е инноваціе украинянэ; кыт привеште -е- орь -и- анаптиктик, е греу де спус, ын каре лимбэ а аперут. Ачяш се реферэ *mutatis mutandis* ши ла полон. *filiz'anka* «чашкэ».

флюяра «род пастушьей свирели», кувынтул украинян апусян, дар адмис, ку дрептурь де регионализм орь ка архаизм, ын лимба литерар (весь Ізюмов, 897; УРС, IV, 288); кф. ши дер. *флюрка*, *флюрочка*. Май екзистэ ши варианtele *флюяра* (презентат ын Широков 131 ка покутик; кф. Грінченко, IV, 381: *флюра*, *флюрка*, *флюрош*) ши *флюяра* (локализат де О. С. Широков пентру хуцулэ). Е ворба де ун етимон фоарте контроллерат, атестат атыт ын грекэ, албанэзэ, сырбокроатэ, словенэ, дакоромынэ, аромынэ, кыт ши ын украиняна де апус, словакэ, чехэ, полонэ ши унгарэ (Широков, 131; Ciogănescu, 335—336; Rosetti, 114). Унеорь ын ачяш лимбэ коекзистэ кыте доуз варианте дестул де деосебите ка формэ (кф. укр. *флюяра* ши *флюра*; алб. *fyell* ши *flojerë* ш. а.) ши провенинд, пробабил, дин сурсе немижложите диферите. Астфел, укр. *флюяра* (>*флюяра*) с'ар путя дедуче дин дакор. *флюер*, пе кынд *флюра* е май обскур. Е посибил ка ла орижиня етимонулуй, атыт ын дакоромынэ, кыт ши ын алте лимбъ, сэ стее имитаря сунетулуй скос дин флюер (*флю*, *флю* ш. а.), дупэ кум креде А. Чорэнеску.

фота «одежда носимая в части Галиции женщинами вместо юбки» (Грінченко, III, 6; IV, 379). Імпрумутаря дакор. *фотэ* е евидентэ. Ачеста, финнд турчизм (Ciogănescu, 339; DLRM, 314), а пэтрунс ши ын алте лимбъ балканиче: кф. аром. *fată*, булг., мачед. *фута*, алб. *futë*, гр. φούτας.

фрыка «насилие, принуждение», диалектизм буковинян (Грінченко, IV, 379). Імпрумут евидент дин дакоромынэ, деши ку о модификаре де сенс спечификэ. Ка балканизме кф. гр. φρίκη (формэ бэштинашэ ын лимба респективэ), каре а дат ши дакор. ши аром. *frică*, алб. *frikë*.

фудульний «надменный, гордый, высокомерный», кувынтул украинян карпатик (Грінченко, IV, 379), адмисибил ын лимба литерар (УРС, VI, 298—299); кф. ши деривателе *фудулитися* «быть надменным, высокомерным, гордиться, чваниться», кыт ши

фудулія «надменность, гордость, высокомерие» ши «надменный, гордый человек». Пентру украиняне сурса дакоромынэ (кф. *фудул*) есте евидентэ. Ын ачастэ ултимэ кувынтул а венит, дупэ кум се штие, дин арабэ прин туркэ, каре а дат ши аром. *fudul*, булг. *фудулин*, мачед. *фодул(ин)*, алб. *fodull*, гр. φουτούλης. Де нотат, кэ ын фиекаре дин ачесте лимбъ кувынтул де базэ аре кытева деривате.

фүрка «шерсть, а также плохой лен или пенька, приготовленные для пряжи и привязанные на *прясницию*», кувынтул дин диалектул лемковиян (Грінченко, IV, 380; II, 218), ун ымпрумут дин дакор. *фуркэ*, ку скимбаря сенсулуй спре «каер легат де фуркэ». Кувынтул-базэ провине, прекум се штие, дин лат. *furca* (кф. ши аром. *furca*). Дин лат. ши ром. *furca/furca* провин алб. *furkë*, гр. φούρκα, булг. *фъркулица* ши *хурка*, мачед. *фурка*, унле дин еле ку модификаций проприй де сенс.

фүста, фустына, фүстка варианте украинене апусене але укр. комун *хұста, хустына, хұстка* «платок» ши «белье» (Грінченко, IV, 380, 420; УРС, 1007 ш. а.). Кф. белор. комун *хуста* «большой платок, шаль». Ла орижине с'ар гэси гр. φοῦστα «фустэ» (кф. ши пэреря дин *Vasiner*, III, 279), дин каре провине дакор. *фустэ*, аром. *fustă*, ш. а., алб. *fustë, fustan*, булг., мачед. *фуста* ши деривателе лор; кф. ши цигэн. *фушта* «фустэ». Скимбаря сенсулуй проприе украиненей се поате експлика прин лэржирия семантичий пынэ ла «албитурь» ш. а., кф. рус. дигал. *хуста, хустка* дефинит ын Даль, IV, 569, ка «юж. зап. кусок холста, ширинка; платок», «хусты» мн. порты, белье». Деч, *хуста* ар фи пэтрунс одатэ ын слава ориенталэ дин грякэ (е греу де спус, пе че кэй конкрете), *ф-* инициал ынлокуинду-се прин *х*. Май тырзиу украиняна де апус ар фи ымпрумутат ачелаш етимон дин дакоромынэ ын каре *ф-* с'а менцинут.

цап «козел», кувынтул украинян комун ши литерар (Грінченко, IV, 422; УРС, VI, 369; УФС, 775; УРС, 1008), ку мулте деривате (вэзы тот аколо), куноскут ши ын руса де суд (Даль, IV, 570). Е ворба де ун типик «ест-европеизм», рэспындит пе ларг ын Балкань, Карпаць ши ын цэриле вечине (Широков, 131; Голомб, 23; Rosetti, 121): етимонул а фост атестат ын албанэзэ, грякэ, далматэ, диалектеле италиене ши мачедонене, дакоромынэ, аромынэ, сырбокроатэ, словенэ, словакэ, чехэ, полонэ ши унгарэ; ау фост адмисе легэтурь етимоложиче ку лат. *caper*, ку ираника, илира ш. а.; ам май констатат презенца луй *цап* ши ын лимба идиши (пробабил, дин украиняне орь дакоромынэ). Е интересант, кэ ын полонэ *цап* ыл ынлокуеште токмай акум пе векюл *kogiolъ* (Голомб, 23). Деч, е греу де спус, дин каре лимбэ етимонул а пэтрунс ын украиняне, деши М. Фасмер (III, 281) креде кэ изворул ар фи албанэ ши кэ ромына ар фи о лимбэ трансмицтоаре.

царок «загороженное место под печью или под полом кре-

стъянской хаты, где держат дом. птицу» ши «вообще огороженное место, загородка, напр. для телят», кувынт украинян карпатик (Грінченко, IV, 423), ка ши дериватул луй *обцаркувати* «огородить» (III, 31). Тотуш *оцарок* «загон для скота» а фост атестат токмай ын фостул уезд Миргород (реж. Полтава). Авем, деч, де а фаче ку ун дакоромынізм рэспындит, деши ка диалектизм, дестул де трайник ын лимба украиняи. Пентру дакоромынэ (кф. аром. *farcu*) етимонул е, прекум се штие, ун балканизм де оригиналне обскурэ, ку паралеле ын албанэзэ ши грякэ (весь д. е. Rossetti, 121).

чабан «пастух овец», кувынт украинян комун ши литерар, ку мулте деривате (Грінченко, IV, 442; УРС, VI, 400; УФС, 780; УРС, 1016), екзистент ши ын руса ши белоруса комунэ. Изворул луй аич е о лимбэ турчикэ. Етимонул е рэспындит пе ларг ын Балкань, унде е де провенире туркэ: кф. дакор. *чобан*, булг., мачед., с.-кр. *чобан(ин)*, алб. *çoban*, гр. *τσοπάης* ш. а. Ачелаши кувынт екзистэ ын унгарэ ши полонэ, унде ар фи пэтрунс прин ромынэ (Голомб, 32; Ciogănescu, 185). М. Фасмер (III, 297) сокоате кэ ултимул извор е авестика.

чата «отряд солдат, назначенный для стражи» ши «караул, дозор», кувынт украинян комун (Грінченко, IV, 447), акум ынвекит ын лимба литерарэ; ынтребуинцат де регулэ ла плурал (УРС, VI, 410; УРС, 1019). Динтре деривателе луй (*чатівник* «санти-нелэ», *чатівницький* «де сантинелэ», *чатовий* «де пазэ», *чатування* «пэзире» (тот аколо) чал май трайник с'а доведит а фи *чатувати*, рэспындит ши стилистик неутрал акум ын лимба литерарэ ын сенсурile де «а пэзи; а ста де стражэ» ш. а., «а пынди», «а аштепта» ши «а фи ку бэгаре де сямэ» (весь д. е. УРС, 1019). Ля база луй *чата* ар ста дакор. *чятэ*, ын специал ын сенсул луй де «пазэ, груп де оамень ынармаць», чалелалте кувинте дате май сус фиинд деривате пе терен украиняи. Дакор. *чата* (ка ши аром. *сeатă*), ла рымдул луй, провине, дупэ кум се штие, дин в. сл. *чета*, континуат де булг., мачед. *чета*; кф. с.-кр. *чета*, словен *četa*²² ши ымпрумутуриле: алб. *çetë*, гр. *τσέτα* ши кяр тур. *çete*. Ка ши укр. *чата*, полон. *czata*, словак. *čata* ши унг. *csata* «луптэ» ну се ласэ дедусе дэ-кыт дин дакор. *чата*. Деч, ын лимбите суд-славе кувынтул е бэштинаш, пе кынд ын челе вест-славе ши украиняи (кф. ши унгара) авем ун каз де реымпрумутаре а славизмулуй; кф. рус. *чета* «п-реке».

чувал «большой мешок», диалектизм локализат де Б. Д. Грінченко (IV, 474) пентру фостул уезд Павлоград (реж. Днепропетровск), дар авынд, пробабил, о чиркулацие май ларгэ, дэ-оарече е адмис ка регионализм ын лимба литерарэ (УРС, VI, 453; УРС, 1030). Ка нумирие а диферитор объекте май мулт сау

²² Пентру словенэ весь Котник.

май пущин асемэнэтоаре режионализмул *чувал* екзистэ ши ын лимба русэ (Даль, IV, 611), финнд дедус дин тэтарэ (тот аколо) орь туркэ (Vasmer, III, 350). Ачастэ орижине (кф. тур. *çuval*) требуе рекуноскутэ ка май пробабилэ пентру украинянэ, финндкэ дакор. *чухал* е май деосебит ка формэ. Турчизмул е куноскут ын Балкань: кф. булг. *човал*, гр. *τσουβάλι*.

чуга «верхняя одежда у лемков» ши «верхняя одежда у галицких верховинцев» (Грінченко, IV, 475). Балкано-карпатизм, пэтрунс ын украинянэ прин мижложирия уней лимбъ карпатиче (кф. унг. *csinha*, *csoha*, словак. *činha*, полон. *czuscha*, *cuscha*), кэрэя и с'а трансмис дин Балкань: кф. с.-кр., булг. *чоха*, мачед. *чоа*. Изворул е тур. поп. *çoha*, литер. *çinha* (весь деспре тоате ачестя Голомб, 24). Тот де аколо авем гр. *τσούχα*, каре а дат алб. *сохё* ши цигэн. *чоха*. Рус. *чуга* «долгий кафтан», диалектизм дин реж. Курск (Даль, IV, 611), с'ар датора уней лимбъ турчиче (кф. Vasmer, III, 351).

шкраб «род кушанья: мука, перебитая с яйцами и запеченная в рынке», диалектизм дин фостул уезд Гайсин (реж. Виница). Е фоарте пробабилэ легэтура етимологикэ ку дакор. *скроб* ши ку булг., мачед., с.-кр. *скроб* «амидон», алб. *skrop* (денумире де мынкаре прегэтитэ ын фел асемэнэтор, FGj Sh, 452, 497).

шкрум «нагар в трубе» (I) ши «заячий жир» (II), яр ун диалектизм дин фостул уезд Гайсин (Грінченко, IV, 503). Ын Прокопенко, 74, е дат ачяш (I) пентру Буковина, кыт ши суд-подолянул *шкрум* «запах горелого». Рапортурile динтре сенсурile читате де Б. Д. Грінченко (еволуціе сай коинчиденцэ) ну сынт кларе. Чел пущин примул дин еле се ласэ легат де дакор. *скрум* ши, прин урмаре, де аром. *scrutum*, алб. *shkrumb*, де орижине обскурэ. Деокамдатэ ну е клар, де че укр. *ш-* е май асемэнэтор ку алб. *sh-* декыт ку ром. *c-*. Че е дрепт, ын унеле граюрь молд. *ст*, *ск* трече спорадик ын *шт*, гесп. *шк*, ка ын *куштура* ш. а. (Мельничук, 182) орь *шпудза* (Дзендузелівський, 59).

шутый «не имеющий одной из обыкновенных принадлежностей. а) безрогий, также с малыми рогами», «безухий, бесхвостый», «безухий или лишившийся волос на голове человек» ш. а., кувынт украинян комун (Грінченко, IV, 520; УРС, VI, 539; УФС, 803; УРС, 1051). Предоминэ сенсул «фэрэ коарне», кф. ши диал. *шутка* «ягненок». Кувынтул е ши суд-рус диалектал: «шутый юж. зап. комолый, безрогий» (Даль, IV, 650). Ярэш авем ун «карпато-балканизм» орь «ест-европеизм», атестат ын дакоромынэ (*чут*, *шут*), аромынэ (*şut*), албанезэ (*shut*, *shyt*), булгарэ, мачедонэ ши сырбокроатэ (*шут*), прекум ши ын полонэ, словакэ, чехэ ши унгарэ (Голомб, 27, 37; Rosetti, 113). Е греу, деч, де спус, де унде етимонул а пэтрунс ын ест-славэ. М. Фасмер, каре читязэ ши форма ипокористикэ белорусэ *шута* «миоарэ» (III, 440), ну пропуне нич о етимологии.

Аша дар, ам констатат екзистенца а апроксиматив 90 де етимонурь, дин каре чирка 15 ле поседэ, ын комун ку лимбile балканиче, лимба украинянэ, яр ынкэ чирка 45 — субдиалектеле ей карпатиче. Челелалте чирка 30 де рэдэчинь ба сынт проприй алтор грають украинене (ын специал чөлөр де пе ареалул режиунилор Виница—Одеса—Херсон), ба май ау невое де а фи локализате²³. Дин тоате ачесте етимонурь апро克斯иматив 50 сынт (пентру украинянэ) де провенире дакоромынэ, ачяш орижине о ау май мулт де 30 де балканизме украиняно-карпатиче. Деч, путем конфирма, кэ украиняна ши, ын примулрынд, субдиалектеле ей карпатиче, сынт куприне де ун мэнункъ де изоглосе лексикале, проприй лимбилор балканиче, ши кэ дакоромына е принципала сурсэ де балканизме пентру украинянэ. Черчетэрь де ачест фел не вор ажута сэ контурэм май пречис лимителе лексикале але униуний лингвистиче балканиче²⁴. Ля рындул лор, дателе лингвожеографиче, ыннд е ворба де рэдэчиниле де орижине иекуноскутэ сай дискутабилэ, ар путя сэ контрибуе ынтр'о мэсурэ оарекаре ла евентуала лор етимоложизаре. Авынд ын ведере тоате ачестя, ын чөлө де май сус ам пус сарчина сэ ынсумэм дателе реферитоаре ла балканизмеле дин украинянэ, деспре каре, пе кыт штим, ну екзистэ лукрэрь специале де тотализаре. Че е дрепт, ын унеле казурь ам путут адуче ын дискутие ши ачеле рефлексе (сигуре сай посибile) украинене але балканизмелор де орижине обскурэ, пе каре ну ле-ам ынтылнит ын лукрэриле ромынистиче ши балканистиче консултате (*бир/бирр/бер, бузя, букурія, грундзюватий, жерлига, згарда, кайстра, капуш, кедзі-кедзі, кужба, мензеря, мензир, мургій, партал(ъ), сембреля, тайстра, царок, шкраб, шкрум*). Ын мажоритатя казурилор ынсэ не-ам лимитат ла ынрегистрая тоталитэций де фапте, ла демонстрая карактерулуй балканик ал етимонулуй респектив, кыт ши ла адучаря, унде а фост посибил, де паралеле ши коментарий ной. Прекум с'а май спус, ын ачест домениу аштептэм комплектэрь ши пречизэрь ултериоаре.

²³ Ну не-ам окупат де фапте дескрипсие ынэ акум ка финнд специфиче граюлуй унуй сингур сат (весь д. е. Мельничук, 158—185). Дин ачяш каузэ н'ам фолосит лукрэрь, ын каре абундэ дате ынгуст диалектале (комп. студиул луй, Д. Шелудько орь диферите глосаре локале едитате ын ултимеле дечений ын май мулте чентре режионале дин Украина).

²⁴ Бинеынцелес, сынтем департе де а презента украиняна (фие кяр чя карпатикэ) ка о лимбэ-мембру а ачестей униунь лингвистиче (прима кондиции а апартененцей финнд ун комплекс де трэсэтуль граматикале, ын примулрынд де чөлө май ендемиче).

АБРЕВИЕРЬ

- Бернштейн — С. Б. Бернштейн. Карпатскийialectологический атлас. ВЯ, XII (1963), № 4, паж. 72—84.
- БТР — Български тълковен речник. II изд. София, 1963.
- Габинский — М. Габинский. Обсерваций асупра балканизмелор лексикале але лимбий молдовенешть. «Студий де лимбэ молдовеняскэ», 1963, паж. 92—106.
- Голомб — З. Голомб. Генетички врски мег'у карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент во ова подрачје. «Македонски јазик», X (1959), № 1—2, паж. 19—50.
- Греков/Розсадовская — Польско-русский словарь. Под ред. Н. И. Грекова и М. Ф. Розсадовской, III изд. М., 1949.
- Грінченко — Б. Д. Грінченко. Словарь української мови, I—IV, Київ, 1907—1909 (реедитат 1958—1959).
- Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV, СПб. — М., 1880—1882 (реедитат 1955).
- Дзензелевский — И. А. Дзензелевский. Молдаванизмы и их стилистическая роль в украинских говорах Нижнего Поднестровья. «Уч. зап. Ин-та языка и л-ры МФАН СССР», т. IV—V, Серия филологическая. Кишинев, 1955, паж. 150—157.
- Дзензелівський — І. О. Дзензелівський. До питання про румунізм у говорах Закарпатської області, «Доклады та по-відомлення УДУ. Серія філологічна», № 4, Ужгород, 1959, паж. 57—60.
- Дырул — А. М. Дырул. Библиография привінд инфлюенца лимбілор ест-славе асупра лимбілор романіче рэсэритене. «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961, паж. 79—96.
- Жилко — Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
- Ізюмов — О. Ізюмов. Українсько-російський словник. Харків-Київ, 1930.
- Кахана — М. Г. Кахана. Венгерско-русский словарь. М., 1946.
- Кобилянський — Б. В. Кобилянський. Діалект і літературна мова. Київ, 1960.
- Крапива — Белорусско-русский словарь. Под ред. К. К. Крапивы, М., 1962.
- Либерис — А. Либерис. Литовско-русский словарь. Вильнюс, 1962.
- Магазанник — Д. А. Магазанник. Турецко-русский словарь, II изд. М., 1945.
- Мельничук — А. С. Мельничук. Молдавские элементы в пограничном украинском говоре. «Уч. зап. Ин-та языка и л-ры МФАН СССР», т. IV—V, Серия филологическая. Кишинев, 1955, паж. 158—185.
- Ожегов — С. И. Ожегов. Словарь русского языка, III изд. М., 1953.
- Павлович — А. И. Павлович. Чешско-русский словарь. М., 1959.
- Преображенский — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1959.
- Прокопенко — В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. «Восточнославяно-молдавские языковые отношения». Кишинев, 1961, паж. 70—78.

- РМј — Речник на македонскиот јазик, I, С., 1961.
 Романски — Турско-български речник. Под рък. на С. Романски, С., 1962.
- Сергиевский/Баранников — А. В. Сергиевский, А. П. Баранников. Цыганско-русский словарь. М., 1938.
- Срезневский — И. М. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка (I—II). СПб., 1893—1895 (реeditatън 1958).
- СРЯ — Словарь русского языка (АН СССР), I—IV. М., 1957—1961.
- Толовски/Иллич-Свитыч — Д. Толовски, В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., 1963.
- Толстой — И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
- УРС — Українсько-російський словник (АН УРСР). Київ, 1964.
- УРС (ынсоцит де цифра
романе индикинде болу-
мул) — Українсько-російський словник (АН УРСР), I—VI. Київ, 1953—1964.
- УФС — Українсько-французький словник. Укл. О. О. Андriєвська і Л. А. Яворовська. Київ, 1963.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, I—IV. М., 1935—1940.
- Чукалов
Шанский — С. Чукалов. Българско-руски речник. София, 1960.
- Широков — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
- Широков — О. С. Широков. До питання про балкано-українські мовні відносини (*борва, балига, лайстий, флюра, џип*). «Наукові записки ЧДУ». Том XXXII. Серія філологічних наук. Вип. 8. Чернівці, 1959, паж. 130—131.
- Çabej — E. Çabej. Hyrje nē historinē e gjuhēs shqipe. Fonetika historike e shqipes, T., 1960.
- Candrea — A. Candrea și Gh. Adamescu. Dicționarul encyclopedic ilustrat. București, 1932.
- Cioranescu — A. Cioranescu. Diccionario etimológico rumano, I—IV (A-Poal), Tenerife, 1958—1960.
- Corominas — J. Corominas. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Madrid — Buenos Aires, 1961.
- DLRM
FGj Sh
Gămulescu — Dicționarul limbii române moderne. București, 1958.
- Fjalor i gjuhës shqipe, T., 1954.
- Isačenco/Колар — речензия луй Д. Гэмulesку ла оп. чит. а луй З. Голомб. „Romanoslavica”, X (1964), паж. 572—573.
- Isačenko/Колар — A. V. Isačenko, D. Kollar, Slovensko-ruský slovník, B., 1959.
- Kotnik
Papahagi — J. Kotnik, Slovensko-angleški slovar. L., 1950.
- Popović — T. Papahagi. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
- Popović — I. Popović. Elemente të gjuhës shqipe nē gjuhët e huaja, „Përparrimi” (Prishtinë), III (1957), № 1—2, f. 21—33.
- Rosetti — A. Rosetti. Istoria limbii române. II. Limbile balcanice, ed. a IV-a. București, 1964.
- Russu
Vasmer — I. I. Russu. Limba traco-dacilor. București, 1959.
- Russu
Vasmer — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. I—III. Heidelberg, 1958.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА ИЗ СЛАВЯНСКИХ И МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОВ

В классификации тюркских языков, принятой советской тюркологией, гагаузский язык относится к их юго-западной, или огузской, группе, как и языки азербайджанский, туркменский, турецкий, и представляет собой самостоятельную, с лингвистической точки зрения, единицу¹.

Особенностью гагаузского языка, отличающей его от других тюркских языков, является то, что в его формировании как языка самостоятельного большую роль сыграли и славянские (болгарский и русский) языки, с одной стороны, и молдавский — с другой. Причем, если это влияние было не столь значительным в области фонетики и морфологии, то лексика и синтаксис гагаузского языка испытали сильное воздействие со стороны славянских и молдавского языков, что выразилось в заимствовании большого количества иноязычных элементов лексикой и синтаксисом гагаузского языка.

Гагаузо-славяно-молдавские языковые отношения сложились таким образом, что позволили видному советскому тюркологу, члену-корреспонденту АН СССР Н. К. Дмитриеву сказать: «...Гагаузский язык, в основном принадлежащий к языкам тюркской системы, испытал, однако, столь значительное влияние славянских и румынского языков, что к моменту наблюдений Мошкова не только фонетика и словарь, но и особенно синтаксис — довольно далеко отошли от обычного строя тюркских языков с их обусловленным порядком слов, специфической структурой сложного предложения и т. д. Эти принципиальные сдвиги, в результате которых гагаузский язык занял совершенно особое место среди тюркских языков, не позволяют нам согласиться с точкой зрения тех, кто пытается объединить гагаузский язык вместе с ту-

¹ См. работы: С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. ИАН ОЛЯ, т. XI, вып. 2, 1952; В. А. Мошков. Наречия бессарабских гагаузов. Изд. В. Родловым в серии «Образцы народной литературы тюркских племен», ч. X, СПб., 1904; Л. А. Покровская. О применении понятия «язык» и «диалект» к гагаузскому языку. «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1961, № 3, Кишинев, стр. 34—36.

рецкими говорами Дели-Ormана и другими говорами Болгарии в одно общее понятие «дунайско-турецкого языка»².

Гагаузский язык характеризуется большим количеством заимствований из различных языков, с носителями которых ему приходилось соприкасаться в течение длительного времени. Обогащение лексики гагаузского языка заимствованиями иноязычного порядка тесно связано с развитием материальной и духовной культуры гагаузов, с развитием их общественной жизни.

Влияние греческой церкви и духовенства, пятивековое турецкое иго, с одной стороны, совместная жизнь на Балканах и в Бессарабии с болгарами, соседство, а затем и совместная жизнь с молдавским и русским народами, с другой, не могли не отразиться на развитии и обогащении словарного состава гагаузского языка. Необходимость заимствования возникала у гагаузского народа в связи с развитием производительных сил, с развитием тех или иных видов производства, и особенно с изменением социального строя, приведших к бурному росту его материальной и духовной культуры, к изменению характера общения с другими народами. В силу всех этих социально-экономических условий гагаузский язык воспринял большое количество слов.

Лексические заимствования гагаузского языка условно подразделяются на два периода. Первый период — со времени предполагаемого поселения предков теперешних гагаузов на Балканах (XI—XIII вв.), затем в Бессарабии, куда они переселились в 1806—1812, 1826—1828 годах, до установления Советской власти (1940 год). Второй период — советский.

В первом периоде можно выделить три подпериода:

а) ранний (на Балканах). Он характеризуется заимствованиями из болгарского, греческого, албанского языков, а также турцизмами, арабизмами, персизмами и некоторыми заимствованиями из румынского языка;

б) средний (после переселения в Бессарабию), для которого характерны многочисленные заимствования из русского и молдавского языков;

в) поздний (начиная с 1918 по 1940 год) подпериод, характеризующийся большим количеством заимствований из румынского и других языков.

В советскую эпоху гагаузский язык значительно пополнился и обогатился за счет заимствований из русского языка, а также заимствований интернациональной лексики через русский язык.

По словам В. А. Мошкова, занимавшегося этнографией гагаузов, история застает их на западном берегу Черного моря³.

² Н. К. Дмитриев. Гагаузские этюды. Стой тюркских языков. М., 1962, стр. 251.

³ В. А. М о ш к о в. Гагаузы Бендерского уезда. «Этнографическое обозрение», 1900, № 1, стр. 2—4.

Интенсивные связи гагаузов с болгарским, молдавским и русским народами датируются концом 18-го и началом 19-го века.

«Судя по тому, что в языке гагаузов есть много молдавских слов, — писал В. А. Мошков, — можно думать, что знакомство их с этим народом началось, как говорится, не со вчерашнего дня. Вероятно, еще за Дунаем, в Добрудже, они имели в числе своих близких соседей молдаван... С русскими гагаузы до последнего времени имели мало соприкосновений. Начиная с 1874 года связи гагаузов с русскими усиливаются, эти два народа находятся в большем соприкосновении друг с другом по той причине, что, во-первых, начиная с 1874 года гагаузов стали призывать к исполнению воинской повинности; во-вторых, в гагаузских селах были открыты сельские школы с преподаванием на русском языке»⁴.

Из сказанного следует, что наиболее древними в гагаузском языке нужно считать заимствования из болгарского языка, затем идут заимствования из молдавского и русского языков.

* * *

Славянские и молдавские лексические заимствования первого периода обозначают понятия, относящиеся ко всем областям лексики — сельскохозяйственной и производственной, бытовой и общественно-политической, примеры чего приводятся ниже.

1. Сельскохозяйственная и производственная лексика

а) Названия сельскохозяйственных орудий производства

Славянские по происхождению термины: *бóрна* (борона); *кóса* (коса); *коропáчка, тарапáчка, парапáшка* (плуг с тремя сошниками на четырехколесной тележке); *пулúк* (плуг); *рáла* (вид плуга или вид немецкой бороны) — проникли в гагаузский из болгарского языка еще в бытность гагаузов на Балканах. Примерно к этому же времени относится и заимствование из румынского языка славянских по происхождению терминов: *тäск* (винтовой пресс для выжимания винограда); *хырлéц* (железный заступ, лопата); *тырнакóп* (инструмент вроде мотыги для разбивания твердой или промерзлой земли) и другие.

б) Названия зерновых культур

Лексическими заимствованиями, относящимися к названиям зерновых культур, являются почти исключительно термины, романские по происхождению и проникшие в гагаузский из молдавского языка: *банáтка* (род, сорт пшеницы с тонким колосом, редкими и мелкими зернами); *папшбй* (кукуруза); *малáй* (про-

⁴ В. А. Мошков. Указ. соч., 1900, № 2, стр. 33—38.

со) — неизвестной этимологии; *арнаут* (особый сорт весенней пшеницы с крупными колосьями и белыми крупными зернами) — этимология слова турецкая. Славянский термин *аэймка* (сорт озимой пшеницы) заимствован гагаузами из русского языка.

Посредником проникновения в гагаузский язык романских терминов *ráпица*, *рипák* (сурепка), *сéмичка*, *сéмка* (подсолнух) послужил болгарский язык.

в) Названия полей и посевов

Термины, относящиеся к названиям полей и посевов, занимают небольшое по объему место среди остальных заимствований: *толóка* (поле под паром, выгон); *пýрлóг* (необработанная земля, залежь); *бáлта* (болото, лужа); *пустíйä* (пустыня, пустой, необитаемый); славянские по происхождению и романские термины *лúнга* (луг); *подíши* (поле, местность на возвышенности, плато); *сэрэ́тúра* (солончак) и т. д. стали известны гагаузам от молдаван, о чем говорят фонетическое оформление и ударение.

г) Названия садовых и огородных растений, цветов

В пору жизни гагаузов на Балканах от болгар они заимствовали и стали возделывать некоторые овощи, сохранив соответствующие болгарские названия: *картóфи*, *картóфли* (картофель); *соя* (соя); *баклá* (крупный садовый боб); *мóрква* (морковь). Из того же источника гагаузам стали известны некоторые травы, цветы и их названия: *лóбада* (род травы, которую скармливают свиньям, лебеда); *лáбада* (марь, садовая лебеда); *гиргýна* (георгин) и т. п. Грамматическая форма, фонетическое оформление и ударение в терминах *агýди* (тутовое дерево и плод); *гутýй* (айва, дерево и плод); *хрян* (хрен); *марар* (укроп); *рóманица* (ромашка полевая); *бужóр* (пион); *(x)ардéй* (красный стручковый горький перец); *пелíн* (шалынь); *пalamýда* (род колючей сорной травы среди хлебных злаков) и другие говорят о том, что эти термины стали известны гагаузам от молдаван. Термины *абрикос*, *малина*, *петрúшка*, *кабачкí*, *мак* и другие стали известны гагаузам от русских.

2. Бытовая лексика

а) Названия дома, его частей и названия сельскохозяйственных построек

Даже беглый анализ этой части лексики гагаузского языка убеждает нас в том, что заимствования из славянских и молдавского языков занимают в ней значительное место.

Обмолот зерновых, способы укладки хлеба, сена, соломы привели гагаузов к заимствованию неимевшихся в их языке слов для

обозначения тех процессов, с которыми они ознакомились. Термины *плёва* (полова); *плёвник* (сарай для хранения половы, сарай для хлебных отсевов); *скырта* (скирда) зафиксированы в словарях языков соседей гагаузов. Возможно, что в языке гагаузов эти слова стали известны от болгар, но, возможно, и от молдаван.

Предполагаем, что болгарскими заимствованиями являются и термины: *күрник* (курятник); *кочина, кочана* (дощатый хлев для свиней, свинарник); *котара* (хлев, место, куда отделяют телят от коров) и другие. Молдавскими заимствованиями в гагаузском языке можно считать термины *окол* (загон, загороженное место для коров и особенно овец); *күртә* (дворец, усадьба помещика, боярина); *камара* (коморка, маленькая комната с плитой); *култөр* (летняя печь); *приспа* (завалинка снаружи дома) и т. д. Термины *күфня* (кухня), *кладофка* (кладовка) и др. стали известны гагаузам от русских.

б) Предметы домашнего обихода

О значительном влиянии славянских и молдавского языков на гагаузский говорят и немалочисленные заимствования названий предметов домашнего обихода.

Так, например, термины *лампа/ламба* (керосиновая лампа); *солнца* (солонка); *плоска* (род деревянного сосуда) и другие стали известны гагаузам от болгар. Русский язык послужил базой проникновения в гагаузский терминов *быйду* (блюдо); *крушка* (кружка); *стакан, чашка, чайник, пух/падушка* (подушка) и другие.

Интересной, на наш взгляд, представляется судьба слова *криват* (кровать), которое в русском заимствовано из греческого, в болгарском — из турецкого, а в турецком — опять же из греческого языка. В молдавском языке данное слово также бытует. Гагаузы могли, следовательно, заимствовать его или из болгарского или из молдавского языков. Молдавскими же заимствованиями в гагаузском языке являются и термины *скайун* (стул), *скара* (лестница) и многие другие.

в) Скот, домашние животные и птицы

Названия скота, домашних животных и птиц образуют сравнительно немногочисленную группу среди лексических заимствований в гагаузском языке. Это и закономерно, так как названия главных домашних животных, скота и птицы принадлежат, как правило, к основному словарному фонду языка. Тем не менее существующие заимствования, относящиеся к этой лексической группе, представляют интерес, поскольку почти все они стали известны гагаузам от молдаван: *скрёфа* (свиноматка, свинья); *пур-*

чёл/пырчёл (поросенок); *цап/цáпу* (козел); *бобáна* (старая овца 7–8 лет); *кýрка* (индюшка); *куркáн* (индюк); *ráца* (утка); *ра-цóй* (селезень); *кокóш* (петух); *клóчка* (клуша) и др.

г) Пища и продукты питания

Среди терминов, относящихся к материальной культуре, заимствованным из славянских и молдавского языков, являются и названия многочисленных продуктов питания и кушаний. Трудно сказать, болгарский ли или молдавский язык послужил основой заимствования гагаузами терминов: *козонák* (кулич); *пásка* (особого рода кулич из творога); *кóлива* (кутья) и др. Но термины *пýта* (род плоского хлеба), *плэчýнта/п.лачýнта* (пирог из тонкого слоеного теста с творожной начинкой); *мамалýга* (мамалыга); *каш* (каш брынзы); *сэлэмýра/саламýра* (рассол); *слэнýна/сланиýна* (соленое сало, сало) и т. д. несомненно заимствованы гагаузами у молдаван.

Термины *борч* (борщ) и *пирúшка* (еда типа ленивых вареников) проникли в гагаузский из русского языка.

д) Одежда, обувь

Лексические заимствования, обозначающие названия одежды и обуви, занимают в гагаузском языке значительное место.

Думается, что болгарскими заимствованиями в гагаузском языке являются термины: *фýста/фýста* (юбка); *блýза/блýза* (блузка); *кожýх/кожýк* (кожух); *антери* (куртка с узкими рукавами, расшитая гайтаном); *желéтка/жилéтка* (жилет) и другие. Слова *батýста* (белый тонкий батистовый головной платок); *паралийä* (шляпа); *панталóн* (брюки); *бóнда/бондýца* (безрукавка из овечьих шкурок, жилет из овчины); *суртýк* (сюртук); *жукéт* (жакет, мужское полупальто); *сачóк* (женский жакет); *пардисý* (макинтош) и многие другие заимствованы гагаузами из молдавского языка. Многочисленные названия обуви, как, например, *шошбни* (боты); *скáрпи* (род обуви); *пантóф/пантóфли* (туфли); *бокáнчи* (ботинки на толстой подошве); *чипáчи/чепáчи/чупáчи* (ботинки, полусапожки) и другие проникли в гагаузский также из молдавского языка. У русских гагаузы заимствовали термины: *тýфли* (туфель); *кóмнатни* (вид женской обуви без каблуков); *калóш* (калоша); *кóфта* (вязаная кофта, пальто); *шýба* (пальто); *касýнка* (косынка); *куфáйка* (фуфайка); *бóти* (боты); *сандали* (сандалии); *тáпочки*, *босонóжки* и т. д.

3. Общественно-политическая лексика

Общественно-политическая терминология представляет собой такую лексическую группу, которая более всего подвержена изменениям. В связи с этим многие термины, относящиеся к этой

лексической группе и заимствованные из славянских и молдавского языков в первый период (и особенно из румынского в период с 1918 по 1940 год), почти вышли из употребления: *богаташ* (богач); *поліційї*; *поліціст*; *поліцай*; *примáр*; *примéрійї*; *жандáрм*; *причéпцийї* <«перчепция»>, *причéптор* <«перчептор»>, (кazначай сельских общественных сумм и сборщик их); *кбанэ* (барыня); *домна* > *дбамнэ* (барыня); *мадáма* (мадам), *шef* и другие. Число бытующих в гагаузском языке в настоящее время терминов этой лексической группы немногочисленно: *господáр* (хозяйственный, умелый, хозяин); *господéрійї* (хозяйство); *авéрї* (имущество, богатство); *мартур* (свидетель); *аудукáт/адвокáт* (адвокат); и другие, и пришли они в гагаузский из молдавского языка. От болгар стали известны термины *бежéнийї* (имущество беженцев); *бéженар* (беженцы); *мáйстур/мáйстру* (мастер); *общтї* (общество); *норóд* (народ); *дестíна* (десятина) и т. п. Правда, термины *общтї*, *норóд*, *дестíна* могли проникнуть в гагаузский и из молдавского языка. Русскими заимствованиями в гагаузском языке можно считать термины *слúга* (слуга); *слúжба* (в значении церковная и военная служба, а теперь еще и в значении «работа вообще»); *чин*; *чилéн/нáр* «начальство» (теперь: «члены правления колхоза, президиума» и др.; *чилéн киады* (членская книжка); *шибóн*; *канцерлійї/канцелáрийї*; *стрáжа*; *суд*; *судийї*; *полк*; *офицéр*; *генерáл* и многие другие.

* * *

Вековые связи, существовавшие между гагаузским, болгарским, молдавским и особенно русским народами, еще более усилились и окрепли с победой советской власти в Бессарабии, что положительно повлияло на развитие и обогащение лексики гагаузского языка. В советское время гагаузский язык заимствовал большое количество слов из русского языка; через посредство русского языка многие интернациональные термины стали известны гагаузам.

В гагаузском языке лексические заимствования советского периода представлены многочисленными группами слов общественно-политической, сельскохозяйственной и производственной терминологии, видов транспорта, наименований профессий, выраженных в трех аспектах:

а) слов, вошедших в гагаузский язык в своей оригинальной звуковой форме или подвергшихся лишь частичному изменению в соответствии с фонетическими и грамматическими нормами гагаузского языка и полностью сохранивших свою семантику: *революция*, *респúблика*, *пáртия*, *колхóз*, *совхóз*, *совéт*, *коммунист*, *зарплáта*, *прéмия*, *облигáция*, *комбайн*, *комбайнéр*, *трактор*, *трак-*

торист, прищепщик, коммунизма, социализма, звено, звеньевый, бригада и т. д.;

б) слов, образовавшихся при помощи внутренних ресурсов гагаузского языка по русскому образцу; кальки, переводы на гагаузский целого ряда слов и словосочетаний, отражающих понятия новых, социалистических условий жизни: *саажы* (дояр), *саажыйка* (доярка); *домузчү* (свиары), *домузчүйка* (свиарка);

бирі биринä йардымжы касса (касса взаимопомощи); *Кардашлык Мейданы* (Площадь Братства); *малдонүмүй* (товарооборот);

кенди башынä паа (себестоимость); *Дишитирилän Кырмызы Байрак* (Переходящее Красное Знамя); *Гиргын Социалист Зааметчилишиндä* (Герой Социалистического Труда); *саваш йапраа* (боевой листок); *баарышлык тарафчысы* (сторонник мира) и т. п.;

в) аббревиатур, используемых для названия массовых организаций, учреждений.

Этот способ словообразования раньше совершенно не был известен гагаузскому языку. В настоящее время здесь наблюдаются две тенденции в образовании аббревиатур:

1. Русские аббревиатуры проникают в гагаузский без каких-либо изменений: *МТС, РТС, МССР* (Молдавия Совет Социалисти Республикасы); *ГДР* (Германия Демократ Республикасы); *райсовет* (район совети); *райком* (район комитети); *партиюро* (партия бюросу) и другие.

2. Русские аббревиатуры переводятся на гагаузский язык согласно нормам гагаузского языка: *СБСР* (Совет Бирлиин Социалист Республикасы); *СБКПОК* (Совет Бирлиин Коммунист Партиянын Ортакы Комитети); *СБТА* (Совет Бирлиин Телеграф Агентлии); *АБШ* (Американын Бирлешик Штатлары); *БМО* (Бирлешик Миллетлерин Организациясы) и т. д.

* * *

Таким образом, анализ лексики современного гагаузского языка говорит о том, что в результате исторических условий жизни гагаузского народа и особенностей его исторических связей, рассматриваемый язык содержит многочисленные болгарские, румынские, молдавские и русские элементы. Общественные условия, сложившиеся в последние двадцать пять лет, вызвали еще более глубокие изменения в гагаузском языке, главным образом в необыкновенном росте его словарного состава, для которого источниками обогащения служат как его собственные внутренние возможности, так и особенно русские заимствования советского времени и интернациональные слова, проникающие в гагаузский через русский язык.

Л. И. ЕРМАКОВА

К ВОПРОСУ КОНТАКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ

(На материале русско-молдавских диалектных взаимоотношений)

В настоящее время, в период развернутого строительства коммунистического общества, проблема взаимовлияния, взаимообогащения языков народов СССР приобрела особое значение. В центре внимания многих языковедов встал, в частности, вопрос о характере влияния родственных и неродственных языков народов СССР на общенародный русский язык и его говоры.

Анализ словарного состава изолированных говоров, носители которых длительное время находились в пестром иноязычном окружении, дает обширный и интересный материал для изучения разнообразных форм и результатов языкового взаимодействия.

Следует отметить, что изучением изолированных говоров и связанной с ними проблемой контактного билингвизма занимаются и многие зарубежные лингвисты. Так, например, за последнее время в лингвистической литературе Социалистической Республики Румыния опубликован целый ряд работ, посвященных славяно-румынским языковым взаимоотношениям¹. По материалам различных славянских говоров (украинских, русских, болгарских, сербохорватских и других), носители которых проживают на территории Румынии, авторы наблюдают различные формы лингвистического контакта. Уже к настоящему времени румынские слависты-диалектологи располагают значительными (словарными и

¹ Таковы, например, работы: Е. V г a b i e. ·Наблюдения над одним русским говором, находящимся на территории РНР, «Romanoslavica», 1960, IV; его же. Влияние румынского языка на русские (липовалские) говоры в РНР, SCL, 1960, № 4; его же, Место славянских говоров на территории Румынии в системе славянских языков и их значение для славянской диалектологии, «Romanoslavica», 1963, IX; М. D u m i t r e s c u, E. N o v i c i o v, Лексика русского говора села «Mila-23», Добруджанской области, «Romanoslavica», 1963, VII и др.

грамматическими) данными, позволяющими им сделать ряд конкретных выводов о характере русских говоров на территории СРР.

В исследуемых русских поселениях², жители которых в силу известных исторических причин около трех столетий находятся на территории Молдавии в молдавском и отчасти украинском окружении, нами отмечено, с одной стороны, наличие контактного билингвизма³ и, с другой, — различного рода заимствований в самом говоре.

Длительный лингво-этнический контакт русского населения с соседями-молдаванами в целом не нарушил самобытного характера и стройной системы русских говоров, не привел к каким-либо основательным фономорфологическим модификациям. Тем не менее в лексике, как в наиболее подвижной и чувствительной области языка, нами зафиксировано большое количество заимствований из молдавского языка.

Мы остановимся на словарных заимствованиях только из области сельского хозяйства и быта. Выбор именно этих лексических пластов не случаен: повседневное общение русских и молдаван в быту, совместная их производственная деятельность и другие виды непосредственного контакта ведут к большему взаимопроникновению в терминологию, связанную с производством и домашним хозяйством. Известно, что язык (говоры «липован») не остается безразличным к процессу проникновения в него иноязычных элементов, происходит как бы искусственный отбор, то есть заимствование именно тех слов, которые необходимы языку в данный исторический момент.

Л. И. Якубинский в статье «Несколько замечаний о словарном заимствовании» различает два типа заимствований из чужого языка. Это, с одной стороны, термины, проникшие вместе с заимствованием самой вещи, самой реалии, а с другой — заимствования, которые вытесняют исконные слова или бытуют параллельно с ними. Наиболее устойчивыми, по мнению Л. И. Якубинского, являются заимствования первой категории⁴. Исследуемые говоры, как нам кажется, подтверждают справедливость данного теоретического положения.

² Предметом изучения явились русские старожильческие (так называемые «липованские») села на севере Молдавии: Куница (Флорештский район), Покровка (Атакский), Сакаровка и Валя Родое (Лазовский), Егоровка и Новая Грубна (Фалештский), Старая Добруджа (Лазовский); молдавско-украинско-русское село Сырково (Резинский район).

³ Контактное двуязычие нами отмечено в молдавско-украинско-русском селе Сырково, где русские жители совершенно свободно владеют двумя (русским и молдавским) языками.

⁴ Л. И. Якубинский. Несколько замечаний о словарном заимствовании, «Язык и литература», т. I, вып. 1 и 2, Л., 1926, стр. 2; См. об этом же U. Weingreich. Languages in contact, New-Jork, 1956.

Как известно, у молдаван отдельные отрасли сельского хозяйства (садоводство, виноградарство, овощеводство) очень развиты и специализированы. В говоры русских переселенцев проникали, в основном, слова, с которыми предки нынешних «липован», очевидно, не могли быть знакомы у себя на родине. Здесь, таким образом, мы и сталкиваемся с ярким примером заимствования терминов вместе с заимствованием понятия, явления, предмета, их внутренней связью и взаимообусловленностью. Исходя из этого при анализе молдаванизмов, зафиксированных в русских говорах, основным критерием мы считаем семантические признаки. Именно с этой точки зрения молдавские заимствования в говорах «липован» можно расклассифицировать на три основные семантические группы: 1) заимствования, не имеющие дублетов в родном говоре и употребляющиеся как единственные обозначения соответствующего понятия; 2) заимствования, бытующие наряду с русскими словами и имеющие тождественно-логическую соотнесенность с последними; 3) отдельные молдаванизмы, относящиеся к словам исконно русским как видовые понятия к родовым.

Рассмотрим несколько примеров из первой группы заимствований. К бездублетным заимствованиям мы относим некоторые слова из области специально виноградарской терминологии. Таково слово *ботуш* (саженец) из молдавского *бутáш* (в том же значении). В одном из сел (с. Егоровка) наряду с *бутáш* для данной реалии зафиксировано и слово *пуér* (из молд. *пуét*). В молдавском языке обе лексемы (*бутáш* и *пуér*) находятся в синонимических отношениях, однако второе имеет более широкое значение, обозначая не только саженец, но и расплод пчел, выводок птиц и т. д.⁵ Два последних семантических варианта русским говорам не известны, поэтому в данном случае можно говорить о сужении значения слова *пуér* при его заимствовании.

Не имеет лексического эквивалента в изучаемых говорах и слово *наўút* (сорт гороха продолговатой формы, напоминающий фасоль) из молдавского *нэút*. В Молдавии оно записано у жителей сел Покровки, Егоровки, Новой Грубны, а также села Бычок Тираспольского района⁶. Бобовое растение с таким же названием известно в ряде украинских и русских говоров, носители которых проживают в пограничных с Молдавией районах УССР⁷.

Во всех обследованных русских поселениях широко употребляется молдавское слово *рыпа* (овраг) из молд. *рыпэ*. Оно за-

⁵ Молдавско-русский словарь, М., 1961, стр. 507.

⁶ Ю. Т. Листров. Говор с. Бычок. Ученые записки Кишиневского гостининститута, т. IV, серия филологическая. Кишинев, 1957.

⁷ А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говорів Одеської області. Одеса, 1958.

фиксировано в «липованских» говорах Румынии⁸ и в украинских говорах Одесской области⁹. К бездублетным заимствованиям следует отнести и такие термины из области различных сторон быта русского населения: *марта́к* (продольная балка в потолке) < <молд. диал. *марта́к*, *мэрта́к* (в том же значении); *папу́ра* (покрытие из сухого рогоза) < молд. *пáпурэ* (рогоз); *бурдéй*, *бурдéль* [1] землянка; 2) погреб] < молд. *бордéй* [1] землянка; 2) лачуга, хижина; 3) погреб]; *имáши* (пастбище) < молд. *имáш* (в том же значении); *куркáн* (индюк) < молд. *куркáн* (то же); *млáжа* (побег, отросток) < молд. *млáжэ* (то же), *стрúнча* (место доения овец) < молд. *стрúнгэ* (то же).

Среди лексических заимствований, бытующих параллельно с русскими эквивалентами, назовем следующие синонимичные пары: *бáшка* (молд. *бáшкэ* — подвал) — *падвáл*; *үуты́*, *үутый* (молд. *гуту́й*, *гуту́е* — айва) — *айвá*; *аратúра* (молд. *арэтúрэ* — пашня) — *пáшня*, *пáхота*; *арýя* (молд. *áрие* — ток) — *тóк*; *извóр* (молд. «извóр» — источник) — *родníк*; *тýск* (молд. *тýск* — пресс) — *прéс*; *апáлка* (молд. диал. *опáлкэ*) — *репtýк* (русс. диал.; *карúца* (молд. *кэрúцэ*) — *воз*, *телеúга*.

Одним из ярких примеров проникновения иноязычного элемента вместе с заимствованием реалии следует считать слово *карúца* (молдавская телега, вид крестьянской подводы облегченного типа) из молд. *кэрúца* (телега, повозка). Интересно отметить, что оно, очевидно, уже с давней поры вошло в активный словарь русского населения на территории Бессарабии. Не только в обследованных нами селах, но и в других населенных пунктах Молдавии (не исключая городов) русское население чаще пользуется молдавским термином *карúца*, чем исконными словами *воз*, *телеúга*. Еще А. С. Пушкин, побывавший в Молдавии в 20-х годах XIX века, использовал слово *карúца* для изображения национального колорита местного населения¹⁰. Позднее В. Г. Короленко, описывая жизнь русских староверов в Добрудже, в небольшом рассказе «Наши на Дунае» 19 раз употребляет слово *карúца*. Например: «Тут были липованские возы, румынские дилижансы и *каруцы*»; «В перспективе переулка подкатывается к нам *карúца*, запряженная парой крепких лошадей»¹¹, и т. д. И,

⁸ В. А р в и н т е. Один из случаев славяно-румынского двуязычия в связи с румынскими элементами в говоре «липован» деревни Думаски. «Revue de linguistique», т. IV, 1959, № 1, стр. 83.

⁹ А. Л. М е л ь н и ч у к. Молдавские элементы в пограничном украинском говоре. Ученые записки Молдавского филиала Академии наук СССР, т. IV—V, серия филологическая, 1955, стр. 171; А. Г. М о с к а л е н к о. Указ. работа, стр. 63.

¹⁰ Подробнее об этом см. Г. Богач. Молдавские слова в творчестве А. С. Пушкина. Аналес штиинцифиче але Институтулуй де лимбэ ши литературуэ ал Академией де Штиинце дин РССМ, т. X. Кишинэу, 1961.

¹¹ В. Г. Короленко. Собрание сочинений в 10 томах, т. IV, 1954, стр. 232, 239.

наконец, побывавший в Молдавии во время недели русской литературы молодой поэт Казимир Лисовский в стихотворении «По пушкинским следам» также использует слово *карӯца* для воссоздания картин быта молдавских бедняков, поразивших воображение опального поэта:

«...Что видел он?
Дырявые шатры,
Бродячий быт, кэруцы с бедняками...»

В отдельных случаях в результате двойного (молдавского и украинского) влияния для одного и того же понятия употребляется не два, а три наименования, например: *үаджák* (молд. *ходжák*) — *дымáрь* (укр.) — *трубá* (русск.); *и́льяк* (молд. *лилияк*) — *без* (укр.) — *сéрень* (русск. диал.); *бáличá* (молд. *бáлигэ*) — *үнбóй* (укр. *гнiй*) — *навоз* (русск.) и другие.

Следует отметить, что лексические дублеты в изучаемых говорах, как и в литературном языке, обнаруживают тенденцию к распадению. Процесс этот весьма сложен и требует специального изучения. Предварительные наблюдения, однако, свидетельствуют о том, что либо из двух семантических эквивалентов одно вытесняет другое, либо оба (а иногда и все три) некоторое время бытуют параллельно и лишь постепенно расходятся в значениях.

Особое место среди дублетных и бездублетных заимствований занимают так называемые возвратные заимствования. Это слова или корни слов, которые когда-то были принадлежностью старославянского или древнерусского языков, затем, на определенном этапе, они проникли в молдавский язык, а в языке-носителе исчезли как устаревшие. В настоящее время у «липован» мы их воспринимаем уже как молдаванизмы. Таковы *куркáн* (ср. др.-русск. *куръ*); *млáжа* (ср. ст.-сл. *младъ*, болг. *млажа*); *извóр* (ср. болг. *извор*) и некоторые другие.

Для более точной видовой дифференциации отдельных понятий из молдавского языка проникли в русские говоры следующие слова: *үарáуа* (молд. *харáг* — подпорка) — в говорах липован обозначает только подпорку под виноград, все остальные подпорки носят украинское наименование *тычка*; *пéпни* (молд. *пéпене* — огурец) — только старые семенные огурцы, остальные виды обозначаются исконными терминами; *стúх* (молд. *стúф*, молд. диал. *стúх*) — только сухой камыш, использованный в качестве кровельного материала, камыш на корню носит украинское наименование — *ачирéт* (укр. *очерéт*).

Как известно, в молдавском языке (и это, безусловно, связано с хорошо развитым и специализированным животноводством) строго дифференцированы наименования различного рода пастухов (*вэкар*, *чобан*, *поркар* и другие). В говорах «липован» наблю-

дается аналогичная тенденция, здесь также последовательно употребляются различные термины для обозначения пастухов, стерегущих овец, коров, лошадей. Молдавским словом *вакár* «липоване» называют человека, пасущего коров; широко распространенным в молдавском и украинском языках словом *чабáн* они называют пастуха овец и, наконец, для пастуха лошадей употребляется узкорегиональное слово *конепáс*.

Обозначениями различных видов подвод являются в наших говорах молдавские диалектные наименования *дребенák*, *катárка*; слово *дуляп* [молд. *дулáп* — шкаф (любой)] — обозначает только «шкаф для посуды», остальные его виды носят русское наименование *шкаф*.

Как видим из приведенных примеров, заимствованные слова в процессе проникновения в говоры подвергаются определенным изменениям, приспосабливаясь к фонетической и грамматической структуре родного языка (в данном случае — к системе южнорусских говоров), иначе говоря, «иноязычные заимствованные слова преображаются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствованного языка»¹².

Подобная адаптация в области фонетики проявляется: 1) в распространении на молдавские слова акающего произношения (*нАүт*, *үАджák*, *кАлýба*, *крайтóр* и др.); 2) в преобразовании во всех случаях взрывного *велярного г* в фрикативный *γ* (*үаджák*, *үлúγа*, *үлужáнья*, *маçалá*, *мамалýγа* и т. д.); 3) в закономерном переходе *э* в середине слова в звук *а* (*сАráка*, *кАрúца*, *мАмАлýγа*, *пАпúшА*, *арАтúРа* вместо молд. *сЭráк*, *кЭрúцЭ*, *мЭмЭлýгЭ*, *пЭпушóй*, *арЭтúРЭ*).

В области морфологии следует отметить: 1. Тенденцию к замене в молдавских существительных женского рода родового окончания — *э* на характерное для русского языка — *а* (*стрúнγА*, *стынА*, *үлúγА*, *клáкА*, *бáлиγА* и др. вместо молд. *стрúнгЭ*, *стынЭ*, *глúгЭ*, *клáкЭ*, *бáлигЭ*); 2) в ряде случаев в результате морфологической аналогии изменяется родовая принадлежность термина в процессе его заимствования. Например, молдавское *сарамýрэ* (женск. р.) в говорах «липован» по аналогии с русским *рассол* (мужск. р.) выступает в варианте *саламýр* — также в мужск. роде; молдавское *харáг* (мужск. р.) по аналогии с русским *подпóрка* и укр. *ты́чка* принимает окончание женского рода — *а* и модифицируется в *ярáγа*. Отмечены случаи, когда, согласно указанной грамматической аналогии, молдавские заимствования приобрели русскую аффиксацию (мамалýжКА, сарáЧКА, кáнКА, кáннОЧКА).

¹² В. В. Виноградов. К понятию внутренних законов развития языка. «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. X, вып. 4, 1951, стр. 319.

Подобные фономорфологические и лексические преобразования, возникшие в «липованских» говорах в результате словарных заимствований из молдавского языка, вызывают определенный теоретический интерес и представляют ценный материал для лексико-семантических и этимологических разысканий.

И в настоящее время процесс лексического заимствования из говоров соседей-молдаван в изучаемые русские говоры активно продолжает развиваться.

В. И. СТОЛБУНОВА

К РУССКО-МОЛДАВСКИМ ЯЗЫКОВЫМ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ

(На материале русских говоров Черновицкой области)

В Программе Коммунистической партии Советского Союзаделено большое внимание новому этапу в развитии национальных и языковых отношений в СССР. В связи с этим приобретает особое значение изучение языковых процессов, которые кроются в естественных контактах, совершающихся между живыми народными языками (говорами). Яркие образцы сложных межъязыковых (междиалектных) контактов представлены в живой речи русских поселенцев на Буковине¹. Этот эксперимент создан самим ходом исторической жизни русского населения Черновицкой области.

Наши наблюдения показывают, что, находясь длительное время в разноязыковом окружении, говоры русских поселений на Буковине были подвержены влиянию со стороны молдавского языка исключительно в лексике. И даже в лексике заметно преувеличивают украинские заимствования. Влияние языков отдаленного родства менее ощутимо.

Но тем не менее в лексике нами обнаружены молдавские слова, которые в своем большинстве приобрели русскую фонетическую огласовку, подверглись русский грамматизации. Во всех случаях молдаванизмы произносятся акающе, взрывной велярный *г* произносится по-южнорусски как фрикативный *γ*; произошла замена не свойственного русскому языку *э* в середине и в конце слова звуком *а* и т. п.

¹ Использованы обширные записи живой народной речи в русских поселениях Грубно, Белая Криница, Липованы (Нижний Лукавец), Белоусовка носителей русских говоров г. Хотина и г. Черновцы.

Сложный процесс заимствований из молдавского языка проходит, как и под влиянием близкородственного украинского языка, двумя путями: 1) усвоением молдавско-румынских лексем, не имеющих в русских говорах соответствующих дублетов. Это в основном наименования реалий, не известных «липованам» до переселения на Буковину (*трифой, л'инта, бурдэй, саламур, брынза, ўрда, сарака, ринг'оты, дзардзар'ийя, галдон'и* и др.); 2) заимствованием молдавских лексем, употребляющихся параллельно с русскими и украинскими синонимами: так, например: *ч'ана—лук—цыбуль'я; п'юшаша—кукурудза—кукурудза; матуша—т'ота—вуйна; ф'юшта—йупка—спадн'ица* и другие.

У незначительной части носителей русских говоров на Буковине наблюдаем элементы русско-молдавского двуязычия, которое главным образом заключается в том, что «липоване» понимают молдавскую речь и изредка могут ответить по-молдавски на отдельные элементарные вопросы. Некоторые явления, касающиеся молдавских лексических заимствований, рассмотрим подробнее. Приведем минимальные комментарии и отдельные сведения из их этимологии.

Самой проницаемой сферой оказалась область обиходно-бытового словаря, затем последовательно (по числу воспринятых лексем) — область терминологии подсобных сельскохозяйственных производств (скотоводства, садоводства и огородничества). Заимствования встречаем в общественно-политическом пласте лексики.

Внутри этих лексико-семантических групп классификация молдаванизмов проведена по семантическому принципу².

Во всех русских селах на Буковине бытует слово *бурдей* (от молд. *бордей*) с тем же значением, что и в молдавском языке, — землянка, очень бедное жилище. В с. Грубно *бурдеем* иногда именуют шалаш, временное жилище на бахче, в саду, на огороде.

Некоторые ученые считают, что слово *бурдей* восходит к французскому *borda* (хижина из досок), образованному от *borda* (доска)³.

Распространено слово *бурдей* в закарпатских, бойковских, лемковских, буковинско-покутских⁴, южно-подольских говорах⁵.

² В статье рассмотрены лишь отдельные, наиболее укоренившиеся молдаванизмы, которые вошли в активный словарь русского населения на Буковине.

³ А. С. Мельничук. Молдавские элементы в пограничном украинском селе. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР», т. IV—V, 1955, стр. 164.

⁴ С. П. Бевзенко. До характеристики складу лексики українських діалектів. Діалектологічний збірник, вип. III, т. XXVI. Ужгород, 1957, стр. 177. В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. Восточнославянно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1961, стр. 73.

⁵ Ф. Т. Жилко. Говори української мови. Вид-во «Рад. школа», Київ, 1959, стр. 170.

В русских говорах Северной Молдавии⁶, отмечено в произведениях О. Ю. Кобылянской⁷. Любопытно, что с пометой «бессарабск.» термин *бордей* приводится В. И. Далем в значении цыганского шалаша или землянки⁸.

Параллельно со словом *бурдей* в наших говорах бытует еще одно наименование старой повалившейся избушки, шалаша или собачьей будки — это *кал'iba*, молдав. *колибэ*. Возможно, восходит к болгарскому *калиба*. Эта лексема отмечена Л. И. Ермаковой⁹ в русских говорах МССР, встречается в рассказе В. Г. Короленко «Нирвана», посвященном «липованам».

Лексема *хаджак* (*ყაჯак*) от молдавского *хожяк*, диалектное *гожјак* — дымовая труба, по-видимому, восходит к турецкому *осак* — дымоход, печка, очаг, топка (сравн. с русским *очаг*). Задокументировано в украинских говорах Нижнего Поднестровья¹⁰.

Широко представлен молдаванизм славянского происхождения — *клака* (коллективная помощь за угощение). Слово *клака*, по объяснению Ф. Миклошича, является славянским заимствованием в молдавском языке¹¹. Оно бытует в болгарском, сербском и польском языках. *Клака* известно многим украинским говорам, граничащим с молдавскими.

Весьма распространенным в наших говорах является слово *сарака* (от молд. *сэрак*) — бедный, несчастливый, неимущий, которое, по данным исследователей, тоже является славянским заимствованием в молдавском языке¹². Слово *сарака* распространено во всех буковинских говорах¹³ и в украинских говорах Одесской области¹⁴.

В с. Грубо, где особенно ощутимо молдавско-румынское влияние, параллельно со словом *сарака* встречается *сэрэкуца* [со зна-

⁶ Л. И. Ермакова. К вопросу о некоторых молдавских заимствованиях в русских говорах Северной Молдавии. Тезисы докладов, Кишинев, 1963, стр. 29.

⁷ К. М. Лук'янюк. Лексика молдавсько-румунського походження у творах О. Ю. Кобилянської, «Творчість О. Кобилянської», Чернівці, 1963, стр. 55.

⁸ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, стр. 145.

⁹ Л. И. Ермакова. Русско-украинско-молдавские лексические взаимоотношения, «Лимба ши литература молдовеняскэ», № 4, 1961, стр. 22.

¹⁰ И. А. Дзендеревский. Молдаванизмы и их стилистическая функция в украинских говорах Нижнего Поднестровья. Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. т. IV—V, серия фил. наук, 1955, стр. 154.

¹¹ F. Miklosich. Die Slavische Elemente im Rumunischen. Wien, 1861, стр. 41.

¹² Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 151.

¹³ В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения, Кишинев, 1961.

¹⁴ А. С. Мельничук. Указ. работа.

чением жалкий, худой, голодный (о животном): *Анá үалóднаја стайт' рев'от' сэрэкүца* (о корове).

В Белоусовке бытует своеобразный вариант от слова *сарака*, носящий собирательный оттенок; *сарап'о* со значением бедные, несчастные дети. *Мáтка бал'наја, а ан'и сарап'а хóд'ут' в бал'н'ицу*.

Среди предметов домашнего обихода встречаем параллельно с исконно русскими и молдавскими словами, так, например: *бáрда* (молд. *бардэ* — плотничий топор). Общеизвестным не только в русских говорах, но и в украинских говорах Буковины¹⁵ является слово *трайста* (молд. *страйстэ, трайстэ*), обозначающее небольшую сумку, вытканную из цветных шерстяных ниток или сшитую из домотканой дорожки. Такую сумку носят через плечо. Однако липоване чаще пользуются полотняными сумками.

Молдаванизмы встречаем среди названий предметов питания и некоторых других слов, примыкающих к этой семантической группе. Хлеб из кукурузной муки повсеместно у липован на Буковине называют *малáем* (молд. *мэлай*).

А. С. Мельничук¹⁶ объясняет происхождение этого слова как результат сложения *мею* (просо) и *лай* (черный). В словаре Даля *малаем* названо пшеничное толокно. В наших говорах полностью сохраняется семантика молдавского слова *мэлай* (кукурузный хлеб). Термин *малай* распространен в Нижнем Поднестровье¹⁷, в южно-подольских говорах¹⁸, в русских селах на территории РНР¹⁹, в украинских говорах Буковины²⁰.

Русские поселенцы на Буковине любят и часто варят кашу из кукурузной муки — *мамал'ýу* (сравн. молд. *мэмэлигэ*). Это слово с пометкой *обл.* включено в толковые словари русского языка. К «липованам» оно пришло вместе с самим продуктом питания. У носителей этих говоров отмечено производное от этого слова — *мамал'ýжн'ик* — горшок, в котором варят мамалыгу: *У күшын'é үйрлишка ўз'ин'ка'ја, а јéта мэмалýжн'ик* — *рынка, үаршóк та-коj д'e вár'им мэмал'ýу* (Грубно).

Распространено в наших говорах слово румынско-молдавского происхождения²¹ — *гляг* — высушенный желудочек маленького теленка или ягненка, употребляющийся в качестве вещества, створаживающего молоко, сравн. молд. *кяг*. Встречается слово

¹⁵ В. А. Прокопенко. Указ. работа, стр. 74.

¹⁶ А. С. Мельничук. Указ. работа, стр. 168.

¹⁷ И. А. Дзендулевский. Указ. работа, стр. 154.

¹⁸ А. С. Мельничук. Указ. работа, стр. 168.

¹⁹ E. Vrăbie. Influența limbii române asupra graiurilor rusești (lipovenesti) din RPR, SCL, № 4, 1960, стр. 977.

²⁰ В. А. Прокопенко. Указ. работа, стр. 75.

²¹ И. Шаровольский. Румунські запозичені слова в українській мові. Збірник західознавства, Київ, 1929.

глаг во многих украинских говорах Одесской области²², в закарпатских говорах (кляк, кляд²³), в буковинских говорах²⁴.

Сладкий овечий сыр именуют *урдой* (*вурдой*). Этим же словом иногда называют отгон молока (сравн. с молд. *урдэ*); в украинских говорах²⁵ *вурда* — скипевшееся молоко.

Засаливая огурцы на зиму, носители говоров делают специальный *съламбр* (рассол, от молд. *сарамурэ*). *Саламором* именуют и рассол вообще.

Отмеченная лексема подверглась русской фонетизации и грамматизации. Вследствие морфологической аналогии молд. *сарамурэ* (жен. рода) в русских говорах под влиянием существительного рассол приобрело форму мужского рода. Р. А. Будагов, рассматривает различные типы аналогии, останавливается на подобном типе, когда «...форма нового слова... возникает по образцу уже существующих форм прежних слов (по их моделям)»²⁶.

Умеренно раскатанный и затем свернутый пирог называют, как и молдаване, *выртүг'i* (от молд. *выртутэ*). Славянская этиология этого слова очевидна. Распространено оно в буковинских говорах²⁷, в украинских говорах, граничащих с молдавскими²⁸.

Наблюдаем молдавские заимствования в терминологии, относящейся к скотоводству, так, например: *стына* (овчарня). Русское диалектное *стына* (от молд. *стынэ*) сузило свою семантику, им называют лишь летнее помещение для скота, а не овчарню вообще. С таким значением оно отмечено и в украинских говорах Буковины²⁹, в липованских говорах РНР³⁰.

Вакар (от молд. *вэкар* — *пастух*) употребляется параллельно со словами *пастух* и *ч'абан*. Слово *вакар* отмечено И. А. Дзензелевским в украинских нижнеподнестровских говорах, но как архаизм³¹ в пограничных говорах Одесской области³², в буковинских говорах³³.

Распространено слово *имаш* (молд. *имаш*) со значением луг, пастбище, где пасут овец.

²² А. С. Мельничук. Указ. работа, стр. 155.

²³ И. Верхратський. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902, стор. 424.

²⁴ Матеріали кафедри українського язика ЧГУ.

²⁵ Б. Кобилянський. Гуцульський говор і його відношення до говору Покуття. «Український діалектологічний збірник», кн. 1, 1928, стр. 81—86.

²⁶ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 201.

²⁷ В. А. Прокопенко. Указ. работа, стр. 75.

²⁸ А. С. Мельничук. Указ. работа, стр. 165.

²⁹ В. А. Прокопенко. Указ. работа, стр. 73.

³⁰ В. Арвінте. Один из случаев славяно-румынского двуязычия в связи с румынскими элементами в говоре липован деревни Думаски, «Revue de linguistique», т. IV, № I, Bucarest, 1959.

³¹ И. А. Дзензелевский. Там же, стр. 156.

³² А. С. Мельничук. Там же, стр. 165.

³³ Матеріали кафедри українського язика ЧГУ.

В исследуемых говорах бытует слово *абёра* (молд. *обор*), которым именуют огороженное место для овец, рогатого скота во дворе или в поле, так называемый загон. *Абёра* известно южно-молдавским говорам³⁴.

В с. Б. Кринице отмечено слово *турма* — стадо овец (от молд. *турмэ*). Изредка встречается и слово *к'ирд* (отара, стадо). Отмечено лишь в селе Грубно. И. Шаровольский³⁵ утверждает, что оно вошло в украинский язык из молдавского языка (*кырд*). Оно широко представлено в нижнеподнестровских говорах³⁶, в говорах галицких лемков³⁷, на Буковине³⁸.

В терминологии, относящейся к *садоводству* и *огородничеству*, *полеводству*, отмечены молдавско-румынские наименования одного из видов абрикос — *дзардзар'ија* (от молд. *зарзэр*).

В с. Грубно, где население занимается в основном садоводством и огородничеством, встречаем и другие сорта фруктов и овощей, носящие молдавские наименования, принявшие русскую огласовку, так, например: *чалдн'и* — черносливы (молд. *голданэ*), *прүн'и* — сорт слив (молд. *пруне*).

Айву русские поселенцы на Буковине называют только по-молдавски *гутэј* — *гутај* (сравн. молд. *гутуй*).

Параллельно со словами *лук*, *цыбул'а* изредка встречаем молдавскую лексему *ч'апа* (ср. молд. *чапэ*): *У нас ч'апа хърашо раст'от* (Грубно).

В с. Грубно спорадически встречаем слово *л'йнта* со значением чечвица (от молд. *линте*).

В других русских селах это слово не зафиксировано.

Молдаванизм *пъпушá* (от молд. *попушой*) функционирует в говорах параллельно с русским синонимом *кукуруза* и украинским дублетом *кукурудза*. Встречаем и производное слово от *пъпушá* — *пъпушовн'ик* (поле после уборки кукурузы). Носители говоров любят и часто готовят *пъпушовују* (кукурузную) кашу; *јад'им кáшу пъпушовују на пóлныј рот* (с. Б. Криница).

В селах Б. Кринице и Липованах выращивают клевер, который именуют по-молдавски *тр'афóј* (молд. трифой). Это слово известно и другим русским селам. Оно даже вошло в частушку, которую записали в Грубно:

*Как у нашъва дварá
Раст'от разнајá травá
Зв'ерабóйка и тр'ифóй
С'идáј Кóл'a дъраујóй.*

³⁴ Л. И. Ермакова. Указ. работа, стр. 20.

³⁵ И. Шаровольский. Указ. работа.

³⁶ И. А. Дзендулевский. Там же, стр. 155.

³⁷ И. Верхратский. Указ. работа, стр. 424.

³⁸ Материалы кафедры украинского языка ЧГУ.

Обычным глаголом, совершенно вытеснившим русское слово *полоть* (разрыхлять почву), является молдавское заимствование славянского происхождения *прѣшыват'*. Слово широко представлено не только во всех русских, но и в украинских говорах, граничащих с молдавскими. Этимология его, на наш взгляд, правильно объясняется А. С. Мельничуком от молдавского *a прэши* (полоть) того же корня, что и русское *порох*³⁹.

В липованских говорах Буковины распространены и производные от глагола *прашевать* (*прашибука* — время прополки яровых культур, *прашибаныј* — прополотый или разрыхленный); в *нашыј ланк'и бур'ак* *дамно прашиваныј* (Белоусовка); *прашибывал'н'ик* — человек, который выполняет эту работу: *Прѣшивал'н'ик'и конч'ил'и бур'ак* (Белоусовка); мы их *апрашибываям* *jet'и д'ир'ёвја* (Грубо).

Молдаванизмы изредка находим в общественно-политическом лексическом пласте, главным образом в военной терминологии: *армата*, *калан'ёл'*, *пр'ым'ил'итар*, *уран'ич'ёр*, *рызбóй* и др. Носители русских говоров на Буковине еще хранят в своей памяти некоторые молдавско-румынские слова, связанные с периодом оккупации боярской Румынией, так, например: *пр'имáр*, *сиүурáнца*, *шэф*, *жуд'екатóр*, *жыд'ёц*, *ждукат'* и другие.

* * *

В русских поселениях на Буковине встречаем молдавские топонимы, так, например, окраину села Грубо называют *Магалá*, а окраину города Хотина, населенную «липованами», именуют *Кацапской Магалой*. Молдаванизм *магала* восходит к молдавскому *махалэ* (окраина города, предместье). Это слово широко представлено в русских городах на территории МССР⁴⁰, в украинских говорах Одесской области⁴¹, на Буковине⁴². Любопытно, что в рассказах В. Г. Короленко, посвященных «липованам», неоднократно употребляется слово *магала*⁴³. Наличие топонима *магала* в наших говорах и многократное употребление этого молдаванизма в рассказах В. Г. Короленко свидетельствует о том, что слово *магалá* — одно из ранних молдавских заимствований в говорах «липован».

В русско-украинском селе Белоусовка место у водопоя называют *гыртóбы*, или *гыртóп* (от молд. *хыртоп*). Этим же словом повсеместно называют овраг, неровность, косогор. В памятниках

³⁹ А. С. Мельничук. Там же, стр. 170.

⁴⁰ Л. И. Ермакова. Русско-украинско-молдавские лексические взаимоотношения, «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1964, стр. 19.

⁴¹ А. С. Мельничук. Там же, стр. 168.

⁴² См. Материалы к словарю буковинских говоров. Кафедра украинского языка ЧГУ.

⁴³ В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. IV, 1954, стр. 245, 278.

древнерусской письменности встречаем подобные варианты данной лексемы: *въртыль*—*вертепъ*—*врътыпъ*⁴⁴. Это, по-видимому, так называемое «возвратное заимствование».

Молдавскую огласовку имеет белокриницкий топоним *Б’жын-аръука* — окраинная улица, на которой поселялись пришлые, беглые «липоване». *Б’жынаръука* восходит к молдавскому *беженар*, что означает беженец, беглый, переселенец⁴⁵. Славянская природа этого топонима очевидна, но к «липованам» он пришел через молдавско-румынское посредничество, подвергшись русской аффиксации.

Минимальные комментарии и отдельные сведения из этимологии молдавских лексем показывают, что некоторые из указанных слов являются заимствованиями из славянских языков, но в лексике буковинских липованских говоров они появились через молдавское посредничество. Молдавские наименования проникли в исследуемые говоры вместе с понятиями, наименованиями реалий, ранее не известных «липованам» (*бурд’ей*, *трайста*, *дзарзар’яа*, *прүн’и*, *тр’ифбай*, *стына*, *дз’эр*, *вурда* и многими другими). Этим объясняется однотипность заимствований из молдавского языка в говоры «липован» на территории Буковины, МССР, РРР, а также в украинские говоры на Буковине, Одесской области и в другие пограничные диалекты.

Развитие говоров русских поселений в условиях межъязыковых контактов не создало двуязычия при взаимодействии с молдавским языком (говорами), хотя у части русских поселенцев наблюдаем элементы билингвизма, которые вызваны потребностью слушать, понимать, общаться с молдавским населением Буковины, а не для двуязычного общения между собой.

Оказались реальными два основные вида взаимодействия с окружающей межъязыковой средой: 1) усвоение форм языков (говоров), подвергающих влиянию; 2) создание параллельных форм под воздействием других языков.

⁴⁴ И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 463.

⁴⁵ Румынско-русский словарь под ред. М. В. Сергиевского и К. А. Марцишевской. М., 1941, стр. 38.

ИНФЛУЕНЦЕ РЕЧИПРОЧЕ МОЛДО-УКРАИНЕНЕ ЫН РАЙОАНЕЛЕ ПЕРИФЕРИЧЕ

Ын районеле перифериче — ын режиуниле Транскарпатикэ, Чернэуць ши Одеса але РСС Украинене ши ын районеле лимитрофе дин естул РСС Молдовенешть¹ — контактут (экономик, политик ши културал) динтре молдовенъ ши украинень (стабилит пе алокуръ дин евул медиу тимпуриу)² есте фоарте интенс, авынд ка урмаре о путерникэ инфлюенцэ речипрокэ ын лимбэ. Ea се манифестэ ын деосебь ын домениул лексикулай ши фонетичий, лэсынд апроапе неатинс домениул морфологией³.

* * *

Мажоритатя елементелор лексикале де орижине славэ рэсэритянэ пэтрунде ын вокабуларул молдовенеск пе каля контактутуй немижлочит динтре молдовенъ ку популяция украиннянэ ши русэ (сек. XII—XVII)⁴. Май тырзиу (сек. XVIII—XIX) ым-прумутул континуэ ну нумай прин контакт директ де популяций (презенца армателор Русией дин кауза рэзбоаелор ку Турчия, инсталаря администрацией русе ш. а.), дар ши пе каля ливряскэ, интенсифиқынду-се] релацииле културале (литераре ши штиинцифиче) ку Украина ши ку Россия. Рапортурите де-вин ши май стрынсе ын урма дезволтэрий комуне дупэ 1812. Ын периода актуалэ, дупэ инстаурая Путерий Советиче, лекси-

¹ Ля база артикулулай стау материалес кулесе центру Атласул лингвистик молдовенеск (АЛМ) ши лукрэрилс диалектологилор украинень, ромынъ ш. а., читаць май департе, каре с'ау окупат ку студиера граюрилор украинешть дин режиуниле индикате.

² Комп.: И. О. Дзенделівський. Вівчарська лексика говорів Закарпатської області, «Доповіді та повідомлення УДУ», № 4, 1959, паж. 112; В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. «Восточнославянно-молдавские языковые взаимоотношения», I. Кишинев, 1961, паж. 70; V. Vasenco. Elementele slave răsăritene în limba română, „Studii și cercetări lingvistice”, N 3, 1959, паж. 397; В. Ф. Шишмарев. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. «Вопросы молдавского языкоznания». М., 1953, паж. 103.

³ Р. Удлер. Асупра инфлюенцей славе-рэсэритене ын консонантизмул молдовенеск. «Студий де лимбэ молдовеняскэ», 1963, паж. 56 ши урм.; I. Рăтăг и т. Raporturile fonetice исграйно-ромâne, „Dacogomânia”, XI, 1948, паж. 51—59.

⁴ V. Vasenco, оп. чит., паж. 397—405.

кул молдовенеск се ымбогэцеште ку мулте кувинте славе де рэсэрит (ши де алтэ орижине, фиинд ынсушите прин филиерэ русэ сау украинянэ), каре денумеск релаций ши идей ной⁵.

* * *

Ын граюриле популаре молдовенешть ынтр'о мэсурэ ку мулт май маре декыт ын лимба литерарэ ымпруму туриле лексикале де орижине славэ рэсэритянэ, ын специал украинянэ, ау пэтрунс пе каля контактулуй немижлочит ши ынделунгат динтре популяция молдовеняскэ ши украинянэ, ын урма амести-кулуй етник. Еле се реферэ ла тоате сфереле веций рустиче, денуминд, ын маря лор мажоритате, *унелте ши объекте господэрешть ши касниче, конструкций ши материале де конструкции, ымбрэкэминте ши ынкэлцэминте, мынкэрурь ши бэутурь, планте, анимале, пешть, пэсэрь, феномене але натурий, акциунь ши мулте алтеле*. Украинизмеле ачестя, ка регуляэ, шъ-ау пэстрат сенсул векъ, унеорь ау кэпэтат ун сенс ноу. Еле се супун лежилор граматикале ши регулилор де ростире, проприй лимбий молдовенешть. Мулте кувинте украинене се пэстрияэ ын форма лор сонорэ диалекталэ.

Ын граюриле молдовенешть дин режиуниле Транскарпатиэ (пп. 1—4), Чернэуць (пп. 5—23) ши Одеса (пп. 98, 99, 101, 120) але РСС Украинене ши дин райоанеле лимитрофе дин естул РСС Молдовенешть (пп. 63, 69, 74, 81, 83, 97 ш. а.) (весь харта I), ау фост атестате, де екземплу, урмэтоареле украинизме, каре денумеск ноциунь дин диферите сфере але веций.

I. *Унелте ши объекте господэрешть ши касниче: цыпёуны*
(21) < укр. ціпівно—бэц лунг ла ымблэчиу; пे́лик (21) < укр. напілок — пілэ; молотáркы (9, 17, 21) < укр. молотárка — батозэ; клјúкы (9) < укр. клюка — метровкэ; тáрн"ици (1, 2, 4) < укр. тáрница — шя; цу háл (13) < укр. чувáл — сак де фабрикэ; млынóк, млинóк (21) < укр. млинóк — вынтурэтоаре; рáшпы (11) < укр. ráшпіль — рэзэтоаре; латóк (7, 17, 19) < укр. лотíк — улук; жóлуб (21) < укр. жоліб — улук; трубы (7, 12, 19, 21) < укр. трубá — цявэ (ла извор); тéркы, тéрткы, тjáркы, т'jóркы (9, 17, 19, 21, 97—99, 101, 120) < укр. téртка — рэзэтоаре; бáн'jóк (ди блjáшкы) (19) < укр. бáняк — вас де таблэ, дин каре се хрэнеск порчий; мокоhóн

⁵ Тот аколо, паж. 398—406; В. В а с ч е н к о. Восточнославянские элементы румынского языка, «Culegere de studii», Bucureşti, 1961, паж. 24—35; Р. Г. П и о т р о в с к и й. Славяно-молдавские языковые отношения и вопросы национальной специфики молдавского языка, «Вопросы молдавского языкоznания». М., 1953, паж. 135 ши урм.

(17) < укр. макогін — килуг; слойк (7, 9, 12, 17) < укр. слі́к — боркан де стиклэ де 0,5 л.; сътишкы, сътичкы (9, 12, 17, 21) < укр. сітєчко — сътишкэ; кору́опкы (21) < укр. коробка — кутие; кату́шкы (19, 21) < укр. коту́шкы — мосорел; газницы, газницы (97, 99) < укр. газніця —

лампэ; нафты, нафт (9, 12, 17) < укр. нафта — газ; бутёлкы (98) < укр. бутелька — стиклэ; блі́жтыкы (98, 101, 120) < укр. блюдо — фарфуриоарэ ш. а.

2. *Конструкцій ши матеріале де конструкціе*: карнік (17) < укр. курнік — котец пентру пэсэрь, кочинэ пентру порчъ; крамнэ́к (9) < укр. крам, крамніця — кочинэ, унсэ ку лут; прелі́пкы (21) < укр. приліпка — ынкэпере пентру ой, унсэ ку лут; һулубнё́к (9) < укр. голуб'ятник — кушкэ пентру хулубь; погріб (19) < укр. погріб — беч; кирпік, кирпік (12, 14, 15, 17) < укр. кирпіч — кирпич; драніцы (9, 12) < укр. драніця — шиндилэ; ганук, ганок (9, 17, 19, 21) < укр. ганок — галерие де-алунгул перетелуй ш. а.

3. *Бімбрэкэмінте ши ынкэлцээмінте*: спі́нцы, спі́кніцы (5, 7, 15) < укр. спідніця — фустэ; шфарту́г, шфарту́г, шфарту́к (5, 7, 15) < укр. фартух — шорц, шфарту́г, шфарту́г (97—99, 101, 120) — фустэ; рубашкы (5, 11, 14, 18) < укр. рубашка — малагамбэ; сукнэ, сукнэ (1—4) < укр. сукня — фустэ; касы́ткы (14, 18) < укр. косынка — басма; панчо́х (17) < укр. панчоха — колцун; босано́шкі (5, 15) < укр. босоніжки, рус. босоножки — пантофь де варэ пентру фемей ш. а.

4. *Мынкэрурь ши бэутурь*: пові́длы (9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 21) < укр. повідло — мажун; һоле́ркы, һоле́ркы (19, 21) < укр. горілка — ракиу; самано́н, самано́ткы (9, 12, 17, 19, 21) < укр. самогон, самогонка — басамак ш. а.

5. *Планте, анимале, пешть, пэсэрь ши пэрциле лор ком-поненте*: ака́цийи, ага́ц (9, 12, 19) < укр. ака́ція — салкым; шо́укобвицы (98) < укр. шовковиця — агуд; бу́к (97, 99, 101, 120) < укр. бук — фаг; бура́к (1, 3, 4) < укр. бурак, буря́к — сіфеклэ; чорнушкы (97, 99, 101) < укр. чернушка — сэмінцэ де чапэ; барабу́ли (9, 12, 17) < укр. бараболя — картоафэ; хандрабу́ркы (17) < укр. гардибурка — картоафэ; мандрабу́ркы (21) < укр. мандебурка — картоафэ; сониши́ник (9), сони́чкы (12), сони́шкы (19) < укр. соняшник — рэсэрітэ; кони́жушыны (19), кони́шыны (21) < укр. конюшына — трифой; жулуд (19, 21) < укр. жолудь — гинде; һечкы (12) < укр. гічка — курпэн; сте́блы, стя́блы

(9, 17) < укр. стебло, стéбель — тулпинэ субцире; крýлик (9, 21) < укр. крóлик — епуре де касэ; уосалéдицы, осылéдиц (9, 21) < укр. оселéдець — скрумбие; h ул ý б (5, 9, 12, 14, 15, 17 — 19, 21) < укр. гóлуб — хулуб; дзоб (19, 21) < укр. дзьоб, дзюб — чок (де вултур) ш. а.

6. *Феномене але натурий*: тресовéцы (9) < укр. трясовýця — окъ ынтр'о балтэ; (соареле-й ла) сн"идáнок (98, 101, 120) < укр. снідáнок — тимпул дежунулуй; (соареле-й ла) пидвичýрок (97 — 99, 101, 120) < укр. підвечíрок — тимпул пе ла ореле 4—5 ш. а.

7. *Акциунь*: ый мýсай (9, 12, 17) < укр. мýсити — есте облигатор, уржент; красéск (19, 21) < укр. крásiti — вопсеск; счезнéшти (21) < укр. счéзнути — пьере; си дивујéшти (98, 120) < укр. дивувáтися — се мирэ ш. а.

Украинизмелe, дупэ кум ам арэтат, се супун лежилор граматикале ши регулилор де ростире, проприй лимбий молдовенешть. Де екземплу: о колéрⁱ (1) < укр. окуляри; мéждé (1) < укр. межá; ý доч'кы (98) < укр. ýдочка; тáшкы (5, 7, 15) < укр. тáшка; точýм (ку точjáўка) (21) < укр. точýти; с-о дусын приймич' (97—99) < укр. приймáк ш. а. Мулте кувинте украинене се пэстряэ ын форма лор сонорэ диалекталэ:

заўдáтoк, залдáтoк (97, 98, 101, 120) < укр. завдáтoк; hóлод (98, 101, 120) < укр. гóлод; áhент (97, 98, 101) < укр. агéнт ш. а.

Ын структура фонетикэ а ымпрумутурилор се рефлектэ унеле партикуларитэць але вокализмулуй слав рэсэритян. Аст-фел, апаре фрикатива ларингалэ сонорэ h (б у h áй < укр. бугáй; бráhы < укр. бráга; h орéлкы < укр. горíлка; к ру h < укр. круг; пóhриб < укр. пóгрíб ш. а)⁶, лабио-дентала в дупэ о вокалэ девине ý (т r á ý кы < укр. тráвка — тráука; к l ád ó ý кы < укр. кладóвка — кладóўка; л á ý кы < укр. лáвка — лáўка ш. а.), денталеле т, д, н, урмате де вокале антериоаре, с'ау палатализат (т', д', н') орь ау девенит палатале (т'', д'', н'') (т''ju т''j ý н < укр. тютион, д''и д < укр. дiд, к ýз n''и < укр. кýзня), консонанта сурдэ девине сонорэ (з д éлкы < укр. сделка)⁷ ш. а.

⁶ Р. Удлер, оп. чит., паж. 66—67.

⁷ Тот аколо, паж. 58—68; В. Васченко, оп. чит., паж. 25—26, С. В. Семчинський. Лексичні запозичення з російської та української мов в румунській мові, Київ, 1958, паж. 69 ши урм.

Мажоритатя елементелор лексикале де орижине славэ рэсэ-
ритянэ, дупэ кум ам арэтат май сус, пэтрунде ын вокабуларул
молдовенеск пе каля контактулай немижлочит⁸. Молдовениз-
меле — елементеле лексикале де орижине молдовеняскэ ын вока-
буларул украинеск — ау пэтрунс ын граориле украинене дин
райоанеле лимитрофе, ку мичь експепций, пе ачеяш кале, ка о
урмаре а унуй контакт деосебит де стрынс ши релатив ынделун-
гат. Инфлюенца молдовеняскэ се манифестэ ын специал ын доме-
ниул *терминологией касниче ши де продучере*, каре при-
веште витэритул, легумэритул, виеритул ши грэдинэритул.
Инфлюенца динтрун домениу орь алтул есте май интенсэ орь
май slabэ ын депенденцэ де спецификал локал де продучере
(де екземплу, ын режиуния Транскарпатикэ — витэритул, ын
режиуния Одеса — грэдинэритул, легумэритул ш. а. м. д.). Ын
граориле украинешть молдовенизмеле, ын унеле казурь, ау
кэпэтат ун сенс ноу, ын алтеле — ау пэстрат нумай унул дин
сенсурile векь молдовенешть. Мулте елементе лексикале пэс-
трязэ форма диалекталэ фонетикэ молдовеняскэ, суб каре ау
фост ымпрумутате.

Динтре кувинtele, каре денумеск *граделе де рудение*, о
сферэ ларгэ де рэспындире ау нанашул — нанашка, на-
нáшко — нанáшка (реж. Одеса⁹, реж. Чернэуць¹⁰, реж.
Транскарпатикэ¹¹, граориле гуцуле¹² ши лемче¹³), авынд ын
унеле граорь ынцелесул де «наш», ын алтеле — «нун». Ачесте
диалектизме де орижине молдовеняскэ ау деривате — нанашу-
лувáти, нанашулувáн'a¹⁴, чея че доведеште о ынтребуин-
царе екстрем де ларгэ.

Граориле украинешть дин Буковина куноск молдовенизмеле
мόшул — «мош, мошняг», «буник» ку дериватул мушу-
лыйн'a — «аверя, моштените де ла буник»¹⁵, буна, бун'ка,

⁸ Весь паж. 170—171.

⁹ И. А. Дзендерзелевский. Молдаванизмы и их стилистическая роль
в украинских говорах нижнего Поднестровья, «Ученые записки ИИЯЛ МФ АН
СССР», т. IV—V, 1955, паж. 152.

¹⁰ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 72.

¹¹ И. О. Дзендерзелевский. Лінгвістичний атлас українських народ-
них говорів Закарпатської області УРСР (Лексика), ч. I. «Наукові записки
УДУ», т. XXXIV, 1958, хэрциле № 49 ши 50.

¹² Б. В. Кобилянський. Гуцульский говір і його відношення до го-
вору Покуття, «Український діалектологічний збірник», кн. I, Київ. 1928,
паж. 70, 85. Се читяэ дупэ И. А. Дзендерзелевский, Молдаванизмы.., паж. 152.

¹³ І. Верхратський. Про говір галицьких лемків. Зб. філолог. сек-
ції НТШ, т. V, Львів, 1902, паж. 438. Се читяэ дупэ И. А. Дзендерзелевский,
Молдаванизмы.., паж. 152.

¹⁴ И. А. Дзендерзелевский. Молдаванизмы.., паж. 153.

¹⁵ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 71.

м ó ша — «буникэ», б áд'а, бад'ý(ý)ка, бад'ý(ý)чка — «баде, фрате май маре», «соц ал сурорий май марь», «формэ де адресаре кэтре ун ом стрэин», копыл'ук, копыл'ца — «копил нележитим»¹⁶, ф'ин, ф'инá — «фин», «финэ» (де кунение, де ботез), нэп'йт, нэп'ота — «непот» «непоатэ», кумнáт, кумнáта — «кумнат», «кумнатэ» (соцул сурорий, фрателе соцулуй, фрателе социей, сора социей, сора соцулуй, соцул фрателуй)¹⁷.

Спорадик, унеле кувинте апар ши ын граюриле дин режиуниле Одеса (бáд'а, бáдя)¹⁸, Транскарпатикэ (ф'ин, ф'ин, ф'илин, ф'ийи¹⁹ ш. а. (весь харта 2).

Дин домениул *терминологией касниче* менционэм деасемя кувинtele, каре денумеск *конструкций* (бурдéй — «бордэй, касэ фоарте сэрэкчоасэ» — режиуниле Чернэуцъ²⁰ ши Одеса²¹, г ráж да — «гражд» — режиуния Чернэуцъ²²), *объекте дин касэ* (ск óрца — «скоарцэ», «ковор» — режиуния Чернэуцъ²³, «кувертурэ фрумоасэ де лынэ» — режиуния Одеса²⁴, т ráйста — «трайстэ дин цесэтурэ де лынэ» — режиуния Чернэуцъ²⁵, «трайстэ фрумоасэ дин цесэтурэ де лынэ ын диферите кулоръ» — граюриле украинешть ла норд де Нистру²⁶, паратáри орь палатáри — «пэретар фрумос де лынэ, ын кулоръ» — режиуния Одеса²⁷, кéптини — «пептене де пептенат лына, кынепа» — режиуния Одеса²⁸), *ымбрéкэминте* (к'иптár — «пептар скурт, орнат, ку бланэ» — режиуния Чернэуцъ²⁹; ку ачелаш сенс кувын-

¹⁶ Кү сенсул ачеста кувынтул есте куноскут ши ын алте граюрь украинене. Комп.: I. Верхратський. Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів. ЗНТШ, т. XXX, Львів, 1899, паж. 227; M. Пшепорська. Надсянський говор. Праці Укр. Наукового тов-ва, серія філологічна, т. XLIV, кн. 7. Варшава, 1938, паж. 72; I. Верхратський. Про говор..., паж. 426. Лукрэриле се читязэ дупз В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 72.

¹⁷ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 71—73.

¹⁸ А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говорів Одеської області. Одеса, 1958, паж. 15; А. С. Мельничук. Молдавские элементы в логорничном украинском говоре, «Ученые записки ИИЯЛ МФ АН СССР», т. IV—V, 1955, паж. 163—164.

¹⁹ Й. О. Дзендузелівський. Лінгвістичний атлас.., харта № 51.

²⁰ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 73.

²¹ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 164.

²² В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 73.

²³ Тот аколо, паж. 74.

²⁴ Й. О. Дзендузелівський. Спостереження над лексикою українських говорів Нижнього Подністров'я. «Наукові записки УДУ», т. XIII, Львів, 1955, паж. 105.

²⁵ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 74.

²⁶ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра, Львів, 1957, паж. 251.

²⁷ Й. А. Дзендузелевский. Молдаванизмы.. паж. 153.

²⁸ Тот аколо, паж. 153—154.

²⁹ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 74.

түл е, рэспындит ши ын граюриле покуте³⁰ ши гуцуле³¹, пишка птáр — ку ачелац сенс — режиуня Чернэуць (с. Задубровка, р. Садгора)³², сáлба — «салбэ; о букатэ де картон орь де материал грос, пе каре сыйт кусуте монете ын кытева рындурь» — режиуня Чернэуць³³, кóда, кодынка — «коардэ, пангликэ» — режиуня Чернэуць³⁴, мáрфа — «марфэ», «цесэтурь», «стофе» — режиуня Чернэуць³⁵), мынкэрурь (малáй — «мэлай», «пыне де пэпушой» — режиуня Чернэуць³⁶, граюриле подоле де суд³⁷, режиуня Одеса³⁸, ынсэ ку сенсул «ун фел де прэжитурэ ускатэ» — граюриле гуцуле³⁹, выртут(a) — «ынвыртитэ» (прэжитурэ) — режиуня Чернэуць⁴⁰, граюриле подоле де суд⁴¹, бука́та — «букатэ» (де пыне, брынзэ, карне ш. а.) — режиуня Чернэуць⁴², бука́тка — «карне фяртэ» — граюриле карпатиче, «пыне маре, ротундэ» — граюриле белорусе⁴³, «букатэ де карне» — граюриле русе⁴⁴, дз'áма, дз'áма, зáма — «замэ, чорбэ де пеште, дрясэ ку улей, чапэ, ардей юте» — режиуня Одеса, дз'áма — «супэ де карне», «чорбэ грасэ» — режиуня Транскарпатикэ⁴⁵, пларажату́ра — «прэжитурэ мицэ ын формэ де семи-черк» — режиуня Одеса⁴⁶, плачинда — «плэчинтэ ку брынзэ, курекь, картофь орь ку бостан» — режиуня Одеса, палач'íнта, палач'íнка — «блиние, кифлэ» — режиуня Транскарпатикэ ши деривателе — палач'íнтоука, палач'íнтош — «тигае пентру блинеле» — ын ачяш режиуне⁴⁷ ш. а. (вэзь харта 3).

Дин *терминология витэритулуй* — унул динтре челе май векь ши май импортанте домений де продучере ла молдовень — ын граюриле украинене лимитрофе а фост ымпрумутат ун нумэр фоарте маре де терминь. Астфел, *лексика оеритулуй* ын маря ей мажоритате е де орижине романикэ. Де экземплу:

³⁰ О. Колберг. Рокисіе, т. I, Краков, 1882, паж. 42. Се читяэ дупэ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 74.

³¹ В. Шухевич. Гуцульщина, т. I, паж. 96. Се читяэ дупэ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 73.

³² В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 75.

³³ Тот аколо.

³⁴ Тот аколо.

³⁵ Тот аколо.

³⁶ Тот аколо.

³⁷ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 168.

³⁸ И. А. Дзендерзелевский. Молдаванизмы, паж. 154.

³⁹ В. Шухевич, оп. чит., паж. 140.

⁴⁰ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 75.

⁴¹ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 165.

⁴² В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 75.

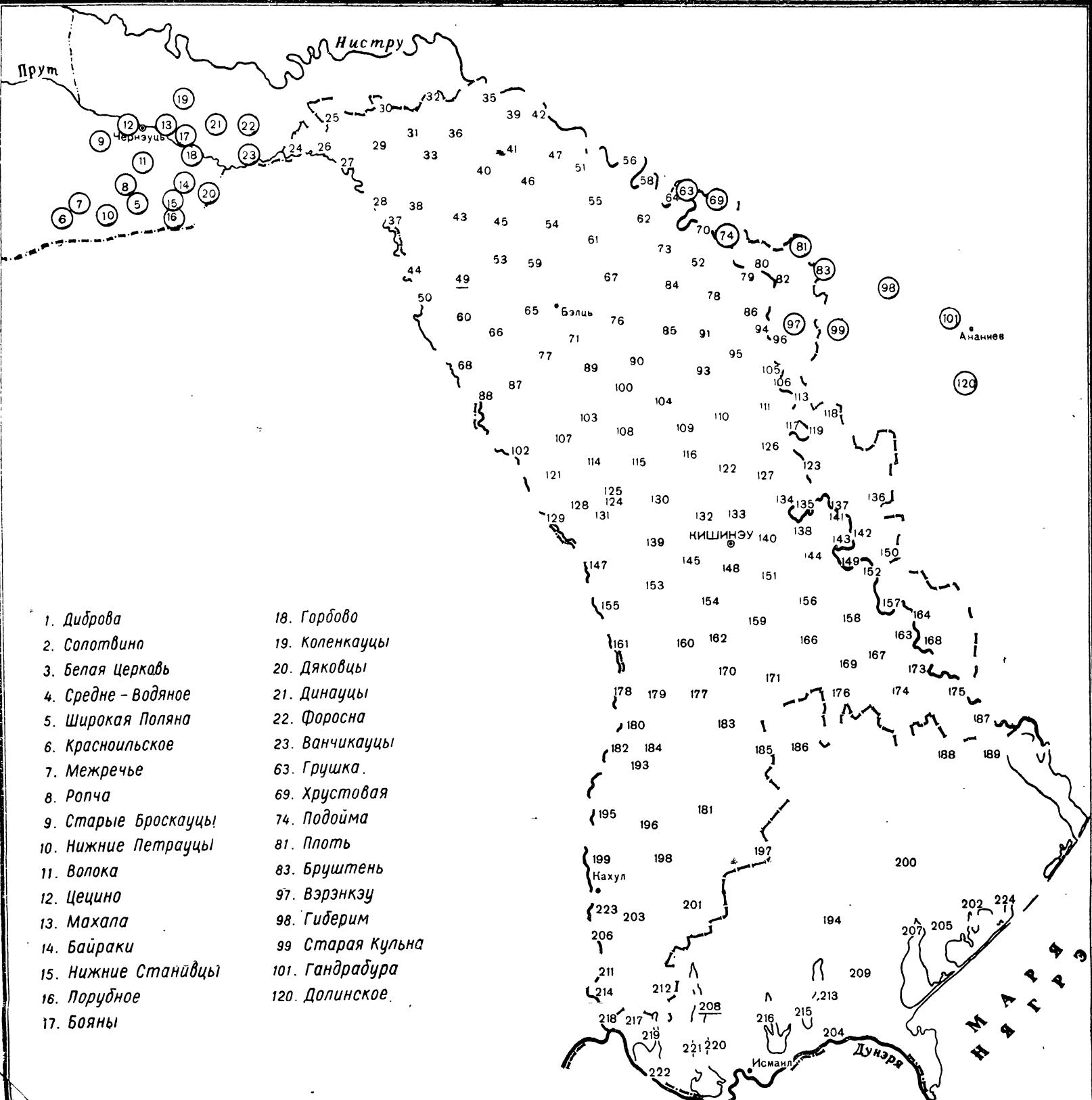
Се читяэ дупэ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 76.

⁴⁴ В. Даль. Толковый словарь, т. I, М., 1955, паж. 138.

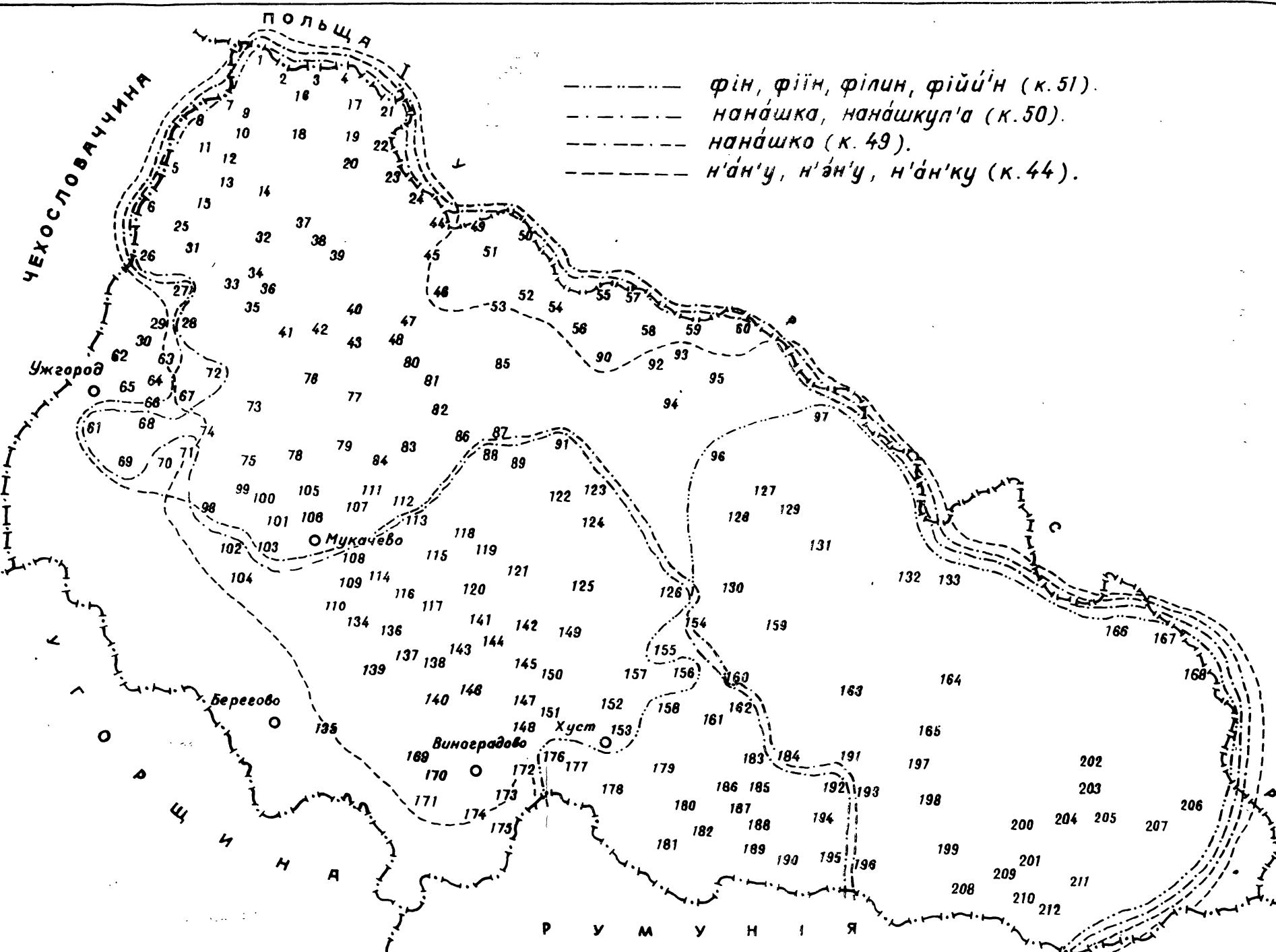
⁴⁵ И. А. Дзендерзелевский. Молдаванизмы, паж. 154.

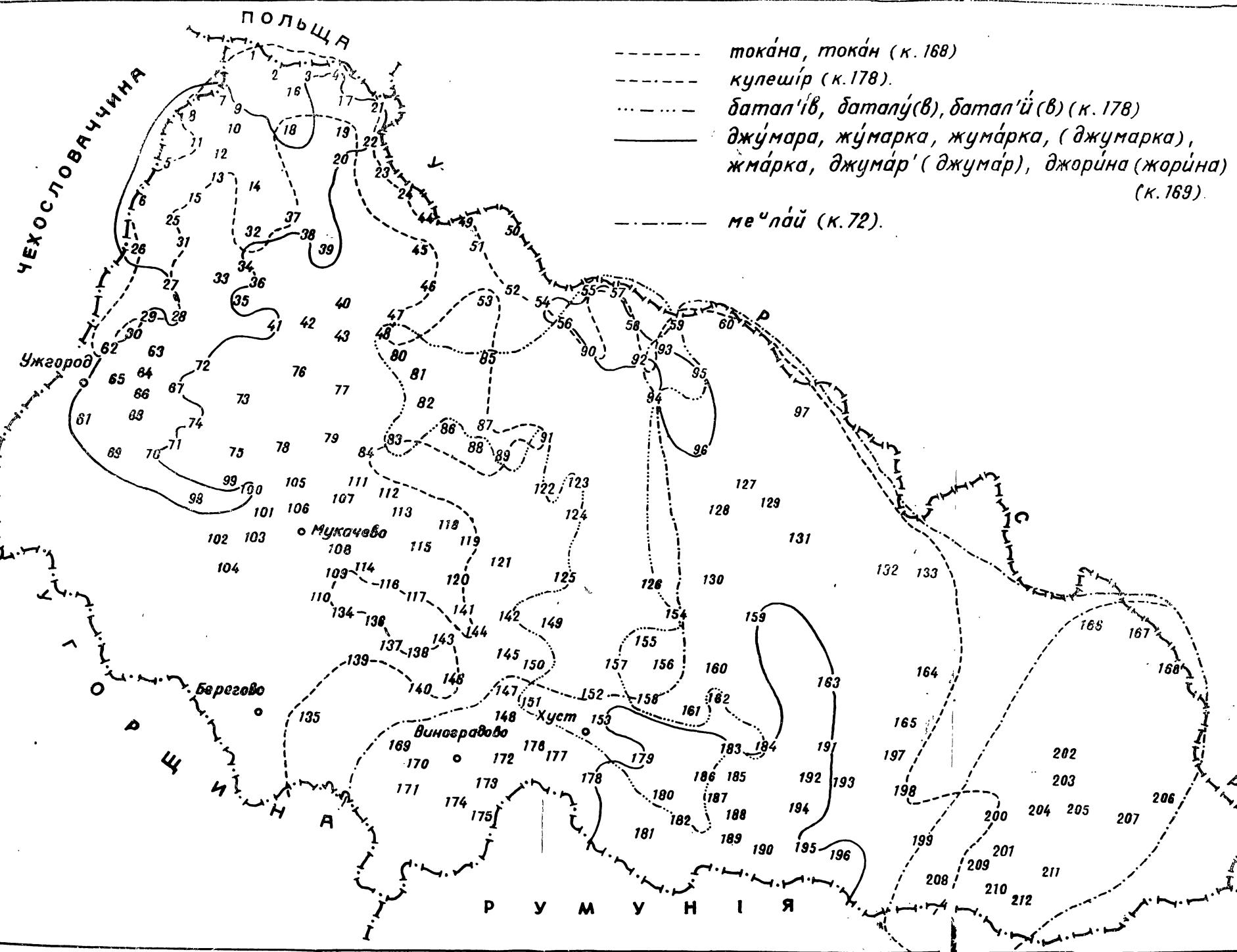
⁴⁶ Тот аколо.

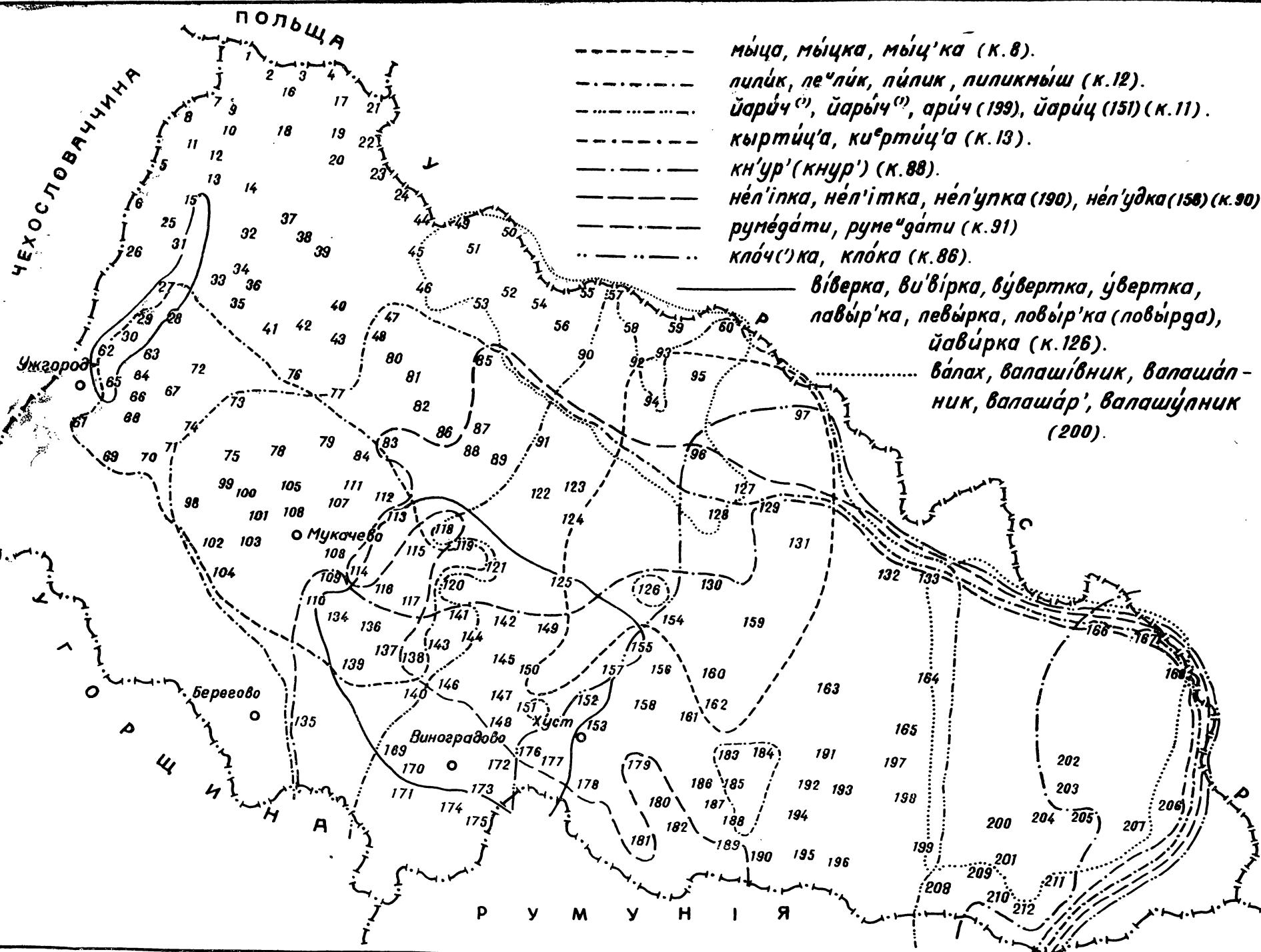
⁴⁷ Тот аколо.

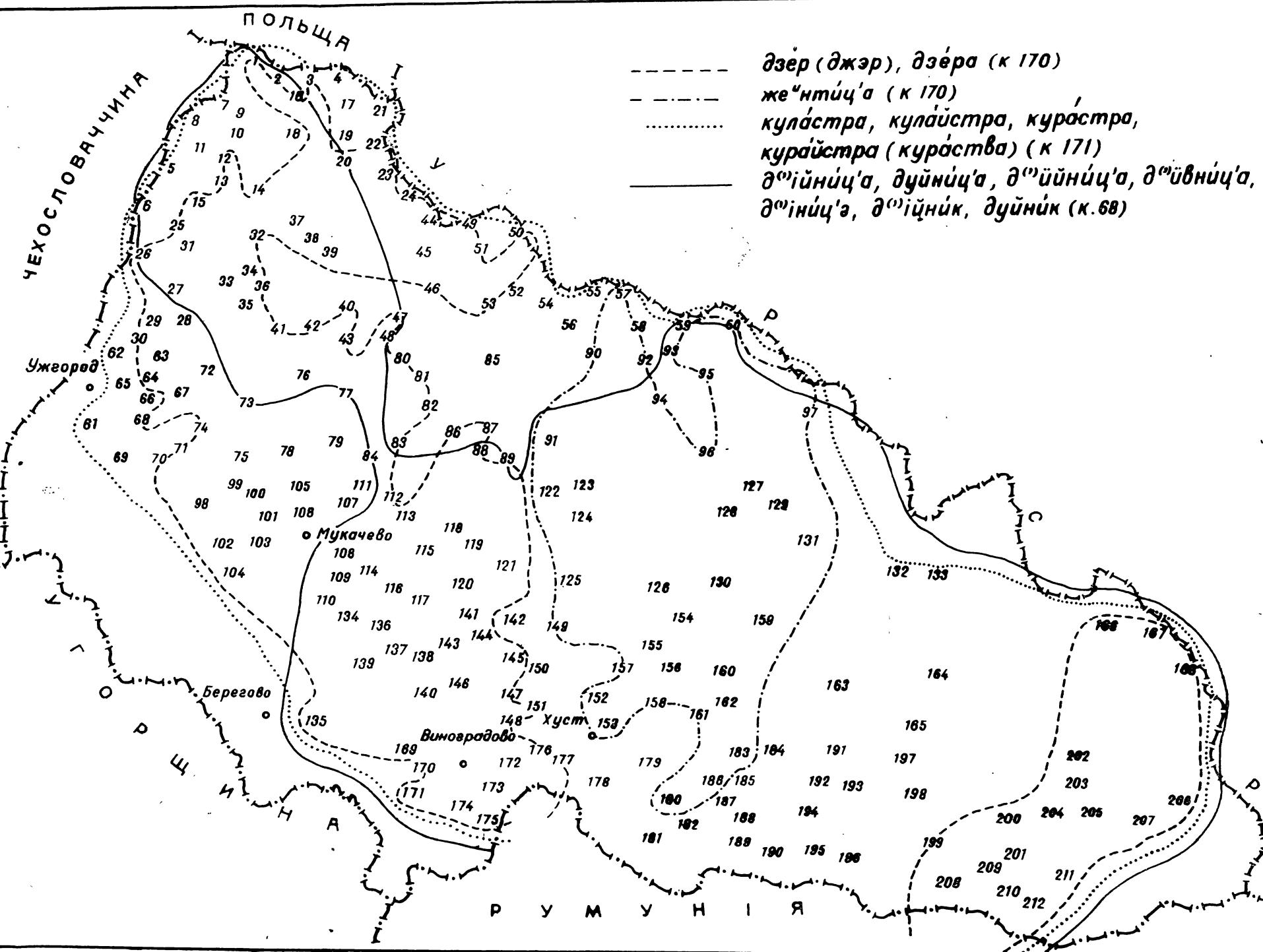

РЕГІОН ТРАНСКАРПАТИЯ	231	РЕГІОН КИРОВОГРАД	234	РЕГІОН ДНІПРОПЕТРОВСК	190	РЕГІОН АКТЮБІНСК	РЕГІОН ОМСК	172
(1) (2) (3) (4)	Rахов	232	233	Дніпропетровск	Лисичанск	227	Актюбинск	Шербакул
34	229	Київ	235	Донецк	228	Кримск	72	Иман
РЕГІОН НІКОЛАЕВ	210	48	Мелітополь	РЕГІОН ДОНЕЦК	226	92	75	Усурійск
Вознєсенск	165	РЕГІОН ЗАПОРІЖІЯ	225	Росія Абхазія	57	57	191	Інчутуа Приморськ
	112			Росія Крим	230	146	237	Ольга
				Гагра	Гагра	Фрунзе	240	Лазо
							239	236

стыйна, стыйна — «стынэ», «адэпост де варэ пентру ой ла кымп», деч ку ун сенс редус, е фолосит ын граюриле буковинене де ест, яр ын районул Сокирень — ку сенсул де «турмэ де ой, каре се гэсеште пе имашул де варэ»⁴⁸, кырд — «кырд, турмэ де ой» — ын режиуниле Чернэуцъ⁴⁹, Одеса⁵⁰, яр ын граюриле лемчилор дин Галиция апаре суб форма де кырдиль⁵¹; дериватул кирдáч — «чобан ла кырдул де ой» е фиксат ка архаизм ын граюриле дин режиуня Одеса⁵² ши ын граюриле лемчилор галициенъ⁵³; кувынтул тұрма — «турмэ де ой», «мульт, мулци-ме» — режиуня Чернэуцъ⁵⁴, ын граюриле де суд-вест. Ын граюриле де суд-ест тұрма аре ши сенсул де «хергелие»⁵⁵; ботéй — «ботей, турмэ де о аnumitэ мэриме» — режиуня Транскарпатикэ⁵⁶, кошáра — «кошэр, адэпост пентру ой» — режиуня Транскарпатикэ⁵⁷, окíл — өкүл — өкйл, стрúнга, струнджинá, царóк, шóпа, шпатáр — шпатéр — «пэрць але кошеру-луй» — режиуня Транскарпатикэ⁵⁸, берфéла, колýба, кスマр-ник — комбрник, прýколибок, спудзár' — «ынкэперь (ши пэрциле лор) пентру чобань ши пентру продуселе де лапте» — режиуня Транскарпатикэ⁵⁹, бóта, корн'áла — скорон'áла, корн'áлу вáти — скорн'áловáти, мута-тóра, мутáти — «денумирь ын легэтурэ ку пэскутул, хре-ниря оилор» — режиуня Транскарпатикэ⁶⁰, һимáш — имáш — «имаш, толоакэ» — режиуня Чернэуцъ⁶¹. Мулте нуме де ой, деривате дин кулоаря лор, форма коарнелор ш. а. сýнт де провенире молдовеняскэ: білобúдзка, бре"дзýна — брýдз'э, бриндýша — бриндýш'э, букулáя — букулéша, йáфина, качурáн'a — качура, мурéша — мургáн'a — мургáша — мургá — мур'а, олачýна, пинто-нóга — пинтáн'e — пинтúш'э, спудзánка, таркýша — таркáн'a, корнýта — курнýта, нелíпка, чу́л'a — чу́лка — чулкáн'a ш. а. — режиуня Транскарпатикэ⁶². Де ачеяш орижине сýнт ши кувинtele, каре денумеск продуселе оери-

⁴⁸ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 74.

⁴⁹ Тот аколо, паж. 76.

⁵⁰ И. А. Дзендузелевский, оп. чит., паж. 155.

⁵¹ И. Верхратський. Про говор..., паж. 424.

⁵² И. А. Дзендузелевский, оп. чит., паж. 155.

⁵³ И. Верхратський, оп. чит., паж. 424.

⁵⁴ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 76.

⁵⁵ Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, паж. 180.

⁵⁶ И. О. Дзендузелівський. Вівчарська лексика..., паж. 109.

⁵⁷ Тот аколо.

⁵⁸ Тот аколо.

⁵⁹ Тот аколо.

⁶⁰ Тот аколо.

⁶¹ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 77.

⁶² И. О. Дзендузелівський, оп. чит., паж. 107—108.

т улуй, де екземплу: брýндз'а, будз ши буц, гл'аг ши кл'аг, дзер, жéнтиц'а, сербадз'янка, ýрдаши вúрда— режиуня Транскарпатикэ⁶³, гíщиц'а, колцúнши колцúн'а, міцокши міцковýна, ноте"нинаши ноте"лина, шкамши шкамут'а, штимши штимáн'а, дже"джанкаши джедовáта вòвна, какарадз'янка, капушáнкаш. а.— режиуня Транскарпатикэ⁶⁴, нумириле де васе, фолоситеын оерит: бербенýц'а, брýндз'янка, кл'агівнýц'а, кóфа, мे ри н дáр'ка, вурд'янýк, пýтера, жинтівка ш. а.— режиуня Транскарпатикэ⁶⁵. Мулць терминь дин домениул оериту-луй, менционаць май сус, ау фост атестаць ши ын алте режиунь, десеорь авындши форме деривате. Астфел, гл'аг—т'аг—загл'агáты—загл'аганэ е фоарте рэспындит ын граюриле украинене дин Буковинаши дин суд—вест, вúрда—ын граю-риле буковинене, гуцуле⁶⁶, подоле де суд⁶⁷, кул'áстра—кол'—áстра—куráстра— режиуня Чернэуць, граюриле подоле де суд, граюриле де пе Ниструл де жос, дзэр—граюриле буковинене⁶⁸ ш. а. (вэзь хэрциле 4 ши 5).

Ын граюриле украинене дин режиуня Одеса, май пречис, де пе малул Ниструлуй, унде контактул ку популация молдо-веняскэ е май интенс, ын *терминология грэдинэритулуй, виеритулуй ши а легумэритулуй* сýнт атестаць мулць тер-минь де орижине молдовеняскэ. Де екземплу: зáнзара орь дзáндзара—«зарзэрэ», гýта—«гутуе», кóрда—«коардэ, вицэ де вие», тýск—«тýск, пресэ ку каре се стривеск стру-гурый», куркубéта—«куркубетэ, тигвэ» ш. а.⁶⁹, голдáна—«голданэ, ун сой де пруне»⁷⁰, наýт—на^h ýт—навýт—«нэут»⁷¹, патлажáн, патлажáна—«пэтлэжикэ рошие» ш. а.⁷². Ын режиуня Чернэуць ау фост де асеменя атестате кувинте, каре денумеск легуме, ка: киперýш'í—каперýш'í—пап'íрý-ш'í—«кипэруш, ардей юте», баштáн—«харбуз», в'инити—«пэтлэжеле винете», лýнта—лéнта—«линте», пастáйка—«пэстасе де боб» ш. а.⁷³.

⁶³ И. О. Дзендузелівський, оп. чит., паж. 110.

⁶⁴ Тот аколо.

⁶⁵ Тот аколо.

⁶⁶ В. Шухевич, оп. чит., паж. 37, 206.

⁶⁷ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 173.

⁶⁸ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 77—78; И. А. Дзендузелев-ский. Молдаванізмы..., паж. 156.

⁶⁹ Тот аколо, паж. 156—157.

⁷⁰ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 164.

⁷¹ Тот аколо, паж. 169.

⁷² Тот аколо, паж. 170.

⁷³ Ю. О. Карпенко. Деякі назви культурних рослин у буковинських говірках (До питання про мовні взаємозв'язки). «Питання історії і діалектології східнослов'янських мов». Чернівці, 1958, паж. 110, 112, 117, 118.

Кувинте молдовенешть, ынсушите де кэтре украиненъ, ын унеле казуръ се пэстрязэ ын форма лор диалекталэ. Де екземплу: африката дз—дзандзара, дзама, дзэр ш. а.; к—к’<п—ки пер уш’и, кéптини, к’иптáр ш. а.; ш<ч—ки шóра ш. а.; р'<р—спудзáр' ш. а.; а<э протоник—балáн, малáй, плачíнда ш. а.; и<е неакцентуат—гуштир ш. а.; и инициал йотат—йизвóр, йимáш ш. а.

Ын алте казуръ молдовенизмеле се асимилязэ, се супун реѓулилор де ростире, проприй лимбий украинене. Де екземплу: н>н'—бун'йка ш. а.; д>д'—бад'й(ы)ка ш. а.; г>h, g—дрáhа, hлóта, струнgа ш. а.; у>ву—вúрда, навúт ш. а.; о>у—бурдэй, курнúта ш. а.; о>а—галáн, катруца ш. а.; оá>о—калкаtóра, кóда, кóрда, мóша, скóрца ш. а.; и>ы—цáрына ш. а.; э, е финал>а—голдáна, сáлба, лíнта ш. а.

Граюриле украинене пэстрязэ группеле гл' ши кл' (gl'ag ши кл'ag) архаиче ши инекзистенте ын граюриле контемпоране молдовенешть. Фаптул ачеста есте о мэртурие а векимий контактууй молдо-украинян.

Принтре ымпрумутуриле лексикале дин лимба молдовеняскэ се ынтылнеск денумиръ де орижине славэ (бáд'a, нанáшко, саráка, помáна, грàжда. выртúт(a) ш. а.), чея че мэртурисеште, кэ ын курсул секолелор трекуте лексикул слава жукат ун рол маре ын прочесул де креаре а лексикулуй лимбий молдовенешть. Май тырзиу, ачесте кувинте молдовенешть, славе дупэ провенире, ау пэтрунс ын лексикул граюрилор украинене дин режиуниле вечине ку Молдова.

Ын артикул де фацэ ну се епуизязэ нумэрул де кувинте молдовенешть дин лексикул граюрилор украинене дин райоанеле перифериче, нумэр, каре, дупэ кум е ши нормал, есте мулт май маре (комп. де екземплу А.А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області, Одеса, 1958), ши (дин липсэ де материале дин граюриле украинене ынвечинате) ну се делимитязэ пречис рэспындирия лор территориалэ.

А. И. ЕРЕМИЯ

ТОПОНИМЕ СЛАВЕ КУ СУФИКСУЛ -ЭУЦЬ (-ЕУЦЬ)

Хрисоавеле молдовенешть, хэрциле ши реченсэмнителе векь концин нумероасе топониме ку суфиксул -эуць (-еуць). Унеле динтре ачесте топониме с'ау пэстрат пынэ ын зилеле ноастре. Ал-теле, ынсэ, ау диспэрт фие ын урма субституирий лор прин нуме ной, фие ын урма диспарицией локалитэцилор респективе. Черчэтаря ачестор денумирь не поате фурниза ной фапте импортанте привинд рапортурите лингвистиче ест-славе — молдовенешть.

Диверсе аспекте але проблемей топонимелор деривате ку суфиксул -эуць (-еуць) ау фост абордате де май мулць черчетэторь¹, ынсэ о лукрабе де синтезэ пентру топонимеле молдовенешть ну екзистэ. Ын челе че урмязэ не пропунем сэ екзаминэм доар нумеле топиче актуале, лэсынд ла о парте топонимеле историче, атестате ын документе.

Астээзь ын Молдова сынт куноскуте 55 де нуме де локалитэць ку суффисул -эуць (-еуць). Ачестя се ынтылнеск ексклюсив ын партя де норд а републичий, маря мажоритате а лор финнд рэспындитэ ын райоанеле Липкань, Единец, Рышкань, Дондущень ши ын режиуня динтре руриле Рэут ши Нистру (харта № 1). Ария топонимикэ датэ купринде атыт денумирь векь, атестате ын документе, кыт ши денумирь релатив ной. Ачестя дин урмэ сынт нуме де локалитэць, апэрите ка резултат ал роирий сателор ши

¹ Весь: B. P. Hașdeu. *Etimologicum magnum Romaniae*, vol. III, col. 2853—2854; M. Ștefănescu. *Toponime românești cu terminațiunea -ăuți*, „Arhiva”, an. XXIX (1922), N 4, паж. 499; Iorgu Iordan. *Nume de localități în -ăuți*, „Arhiva”, an. XXX (1923), N 1, паж. 107 ши *Toponimia românească*. București, 1963, паж. 421; E. Petrovici. *Daco-slava. „Dacoromania”*, vol. X (1943), паж. 251; И. Дуриданов. Местните названия от Ломско. София, 1952, паж. 128; В. А. Никонов. Славянский топонимический тип, «Географические названия» (Вопросы географии, № 58). М., 1962, паж. 28 ш. а.

ал мишкэрилор де популяцие. Се штие, кэ ын трекут мулте ашэээрь дин центрул ши судул Молдовей ау фост ынтемеяте де локуторий вениць дин пэрциле де норд. Локалитэциле ноу ынтемеяте де мулте орь примяу нумеле ашээрилор де баштинэ, деунде а венит популяциа датэ. Астфел поате фи експликат фаптул кэунеле денумирь дин партя де норд а арий топонимиче ау кореспонденте ын партя ей де суд: *Гринэуць*, районул Единец — *Гринэуць*, районул Рышкань, *Мэркэуць*, районул Единец — *Мэркэуць*, районул Дубэсарь, *Темелеуць*, районул Флорешть — *Темелеуць*, районул Қэлэрашь ш. а.

Нумероасе денумирь топиче ку суфиксул *-эуць* (*-euț*) сынт менционате ынкэ ын примеле хрисоаве молдовенешть. Фиксынд не хартэ топонимеле атестате ын документе пынэ ла анул 1500, констатэм, кэ ын трекут еле ау авут ачяеш арие де рэспындире (харта № 2). Фаптул кэ ария топонимикэ датэ шь-а пэстрат хотареле нескимбате пынэ ын зилеле поастре поате фи доведит ши не база документелор дин секолеле XVI, XVII, XVIII ши XIX.

Е де ремаркат, кэ ария проприу-зисэ де рэспындире а топонимелор деривате ку ачест суфикс ну се лимитязэ нумай ла териториул динтре Прут ши Ниистру ал Молдовей, чи купринде ши алтеже рэжиунь: Украина де Вест, Нордул Молдовей динтре Прут ши Карпаць, Судул Полонией ши Суд-Естул Чехословачией. Топониме идентиче се ынтылниск ши ын цэриле суд-славе (Булгария, Югославия), аич формынд о арие апарте, нумитэ «де суд» сай «дунэрянэ», спре деосебире де чя «де норд» сай «карпатикэ».

Ун суфикс *-эуць* (*-euț*) ка атаре ын лимба молдовеняскэ ну екзистэ. Ел апаре нумай ын топонимие, ын спечиал, ла топонимеле де орижине славэ. Де факт, *-еуць* есте о варианте фонетикэ а луй *-эуць*. Нумерик чөл май бине репрезентат есте суфиксул *-эуць* (43 де нумири).

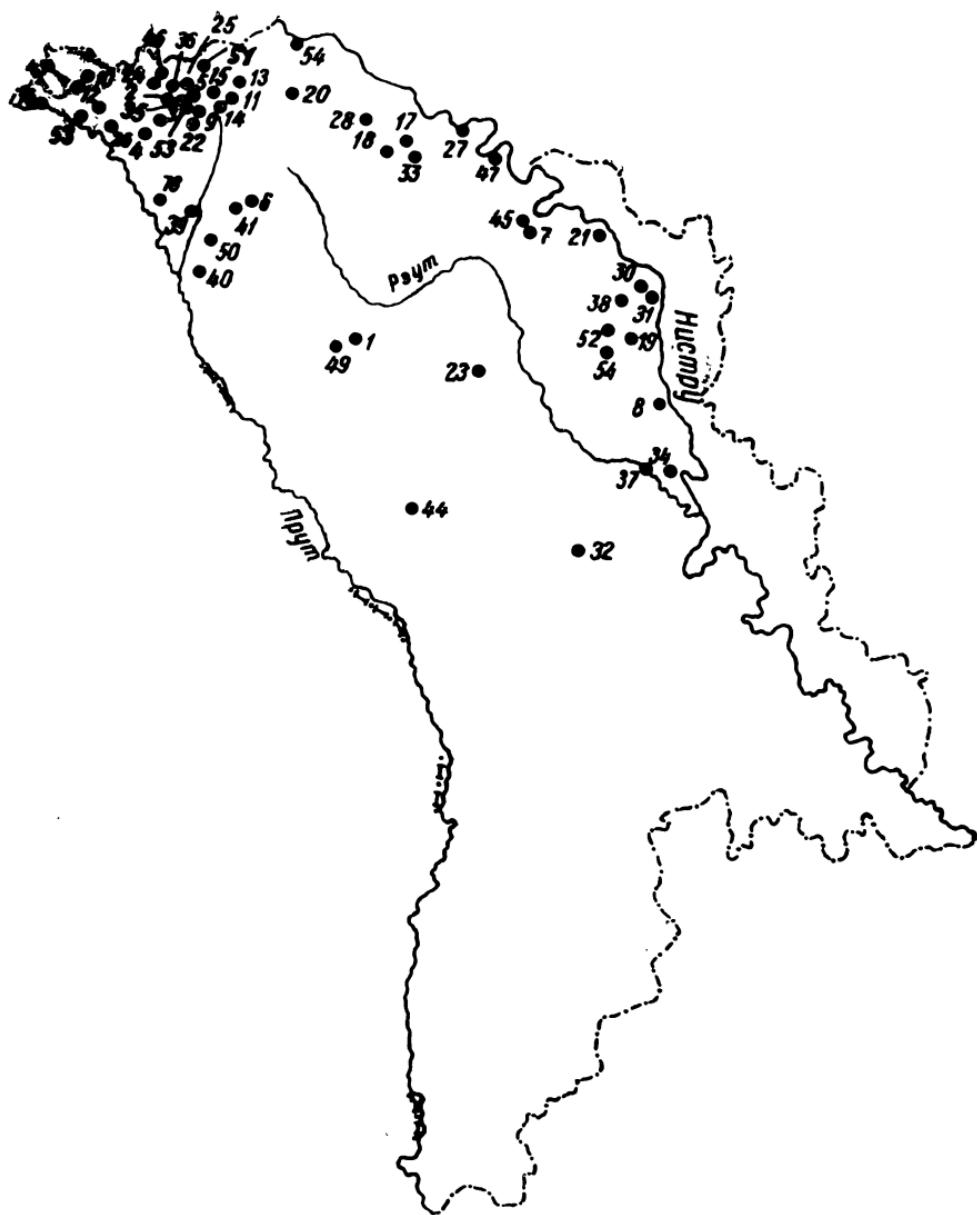
Орижиня суфиксулай топонимик *-эуць* (*-euț*) требуе кэутатэ ын слава веке. Ын документеле векь ел апаре ку формеле *-овци*, *-евци*: *Бахматовци* (1429), *Билосовци* (1447), *Гавриловци* (1446), *Демьянцовци* (1429), *Колешевци* (1447), *Милияновци* (1437), *Стануловци* (1432), *Терешевци* (1437), *Шировци* (1452), *Юрковци* (1448) ш. а.². Ын граюриле украинене де вест суфиксул ера ростит *-оуци* (*-eūci*), луй ый кореспунде ын молдовенеште суфиксул *-эуць* (*-euț*). Формеле орижинаре *-оуци*, *-еуци* сынт атестате документар ын секолул XV: *Баласиноуць* (1434)³, *Замкоуци* (1456)⁴, *Ширъоуци* (1476)⁵. Кореспондентеле молдовенешть *-эуць*.

² M. Costăchescu. *Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*. Iași, 1942, vol. I, паж. 269, 280, 330, 541; vol. II, паж. 238, 272, 273, 288, 305.

³ Iorgu Iordan. *Toponimia românească*, паж. 421.

⁴ M. Costăchescu, оп. чит., vol. II, паж. 577—578.

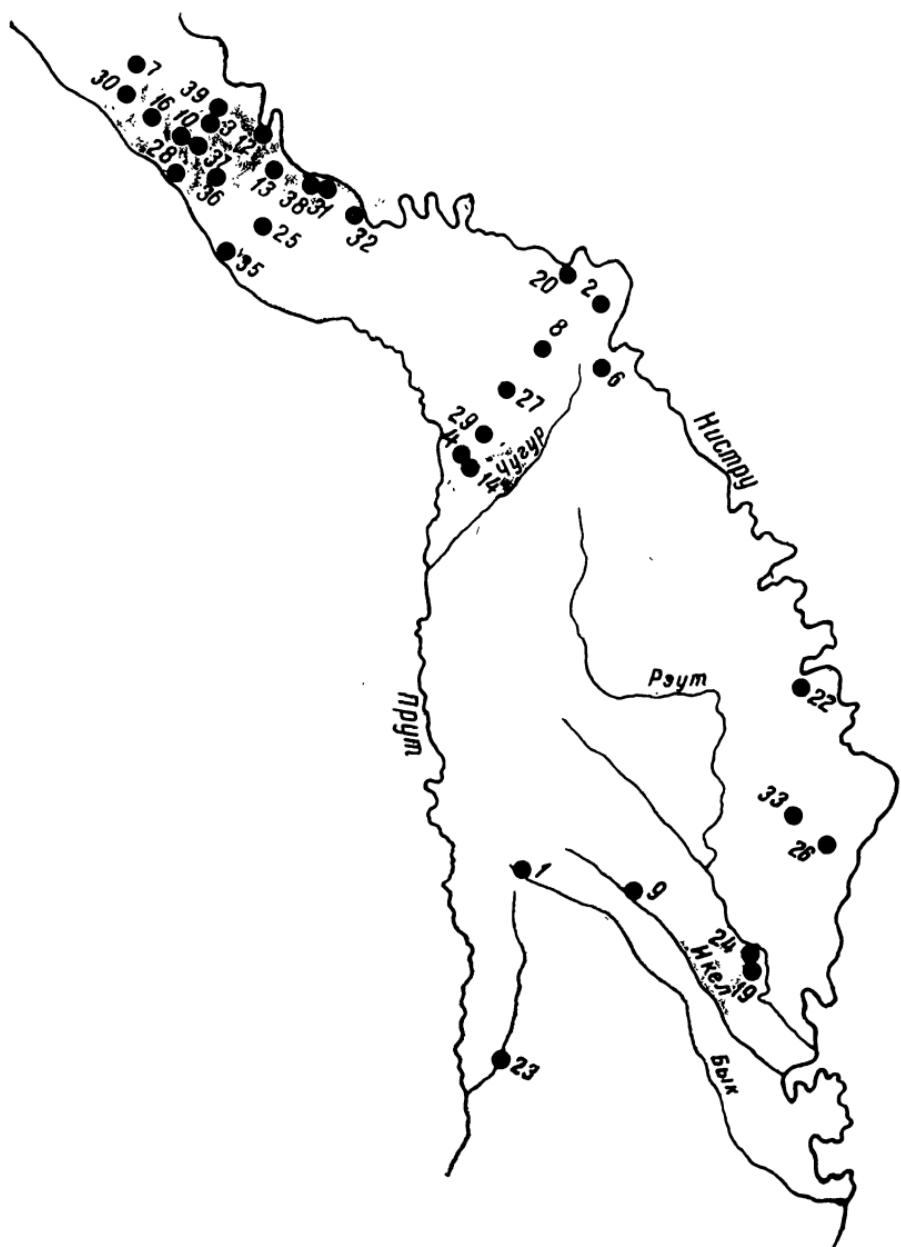
⁵ I. Bogdan. *Documentele lui Ștefan cel Mare*. București, 1913, vol. I, паж. 211.

Харта 1.

Харта I. Топониме ку суф. *-эуць* (*-eуць*), екзистенте ын РССМ.

1 Белеуць	29 Ленкэуць
2 Бэлкэуць	30 Матеуць
3. Бэшкэуць	31 Матеуць
4 Бэшкэуций-де-Жос	32 Микэуць
5 Ванчикэуць	33 Мэлкэуць
6 Василеуць	34 Мэркэуць
7 Вэскэуць	35 Мэркэуць
8 Вэшкэуць	36 Мэркэуций-Ной
9. Гинкэуць	37 Мэшкэуць
10 Гримэнкэуць ,	38 Попэуць
11 Гринэуць	39 Почумбэуць
12 Гринэуць	40 Пэшкэуць
13 Гринэуць	41 Ретень-Василеуць
14 Гринэуць-Молдова	42 Слобозия-Ширеуць
15 Гринэуць-Рая	43 Сэнкэуць
16 Дрепкэуць	44 Темелеуць
17 Дэркэуць	45 Темелеуць
18 Дэркэуций-Ной	46 Требисэуць
19 Екимэуць	47 Трифэуць
20 Климэуць	48 Ханкэуць
21 Климэуций-де-Жос	49 Хилеуць
22 Клишкэуць	50 Хилеуць
23 Клишкэуць	51 Хэдэрэуць
24 Коликэуць	52 Цахнэуць
25 Корестэуць	53 Чепелеуць
26 Коржеуць	54 Чинишеуць
27 Косэуць	55 Ширэуць
28 Кришкэуць	

Харта 2.

*Харта 2. Топониме ку сүф. -эуць (-eуць), атестате
ын документеле дин сек. XV.*

1 Бахматовци	21 Кошиловци
2 Билосовци	22 Кохаревци
3 Бугаичовци	23 Левошевци
4 Вашковци	24 Мачковца
5 Вербовци	25 Миляновци
6 Вишневци	26 Михайловци
7 Гавриловци	27 Михайловци
8 Гвоздовци	28 Неполоковци
9 Грабовци	29 Няговци
10 Давидовци	30 Погориловци
11 Демияновци	31 Рацковци
12 Замкоуци	32 Рацковци
13 Зиновци	33 Синашевци
14 Зубриковци	34 Стануловци
15 Иванковци	35 Терешевци
16 Иванковци	36 Топоровци
17 Иванчиковци	37 Шировци
18 Калиновци	38 Ширьоуци
19 Козаровци	39 Юрковци
20 Колешевци	

нумеле локалитэций *Почумбень*, креат пе терен молдовенеск): *Пашкэуць* <*Пашко*, диминутивул слав дела *Павло* (*Павел*); *Трифэуць* <*Триф(y)*, результат дин *Трифон*, прин апокопэ; *Хэдэрэуць* <*Ходор* (<*Фодор-Фьодор*), нуме атестат ын документеле векъ ши фреквент ши астэзъ ла украиненъ.

Пентру о серие де денумиръ ну се поате стабили деокамдатэ пречис етимоложия: *Дэркэуць*, *Дэркэуций-Ной* (пробабил, де ла ун *Дарко*, диминутивул луй *Дарие*), *Дрепкэуць*, *Клишкэуць*, *Коликэуць*, *Косэуць*, *Кришкэуць*, *Ленкэуць*, *Сэнкэуць* (пробабил, де ла ун *Синко* сау *Симка*), *Темелеуць*, *Требисэуць*, *Хилеуць*, *Цахнэуць*, *Чепелеуць*, *Чинишеуць*, *Ширеуць*, *Слобозия-Ширеуць*. Мулте дин еле, ынсэ, требуе сэ фие ла орижине tot нуме де персоанэ.

Функция суфиксулай *-эуць* (-*еуць*) ла топонимеле антропонимиче констэ ын индикаря апартененцей, яр унеоръ а орижиний персонале а локуиторилор. Ын ачест каз еа коинчиде ку функция суфикселор молдовенешть *-ешть* ши *-ень* (-*ань*). Қынд ли с'а дат нуме сателор *Василеуць*, *Климэуць*, *Мэркэуць*, пе де о парте, ши *Вэрзэрешть*, *Мэноилешть*, *Никорень*, пе де алтэ парте, с'а порнит де ла нумеле локуиторилор дин сателе респективе.

Мажоритатя топонимелор антропонимиче ку суфиксул *-эуць* (-*еуць*) ау ла базэ нуме де персоанэ славе, ын спечиал, украиненне: *Балко*, *Башко*, *Ванчук*, *Машко*, *Пашко*, *Ухрин*, *Ханко*, *Ходор* ш. а. Се ынтылнеск ши топониме деривате де ла нуме де персоанэ молдовенешть: *Почумбэуць*, *Трифэуць* ш. а.¹⁴. Ачаста е ши фи-реск, пентру кэ мулцъ динтре проприетарий де пэмынтурь (стэ-пыниторь де сате) ерау молдовенъ де националитате. Славэ, ынсэ, ера популяция, каре а дат нумеле ачестя сателор.

Суфиксул *-эуць* (-*еуць*) ну аре нумай семнификации антропонимикэ (патронимикэ). Ку ажуторул луй пот фи деривате, де асеменя, ши топониме топографиче: оронимиче, хидронимиче, флоронимиче. Ачестя дин урмэ индикэ, де обычей, орижиня (апартененца) локалэ а локуиторилор. Еле ну се ынтылнеск ын топонимия молдовеняскэ актуалэ, ынсэ сынт менционате дес ын документеле векъ: *Вербовци* (<слав. *верба* «салчие», 1448)¹⁵, *Вишнивци* (<слав. *вишня* «вишни», 1437)¹⁶, *Грабовци* (<слав. *граб* «карпен», 1443)¹⁷ ш. а.

* * *

Аша дар, суфиксул *-эуць* (-*еуць*) есте ын суфикс топонимик «спечиализат», ын тимпул де фацэ непродуктив. Топонимеле де-

¹⁴ Компарэ ши нумеле топиче, атестате ын документеле векъ: *Бадеуць* (1424), *Букурэуць* (1392), *Фрэтэуць* (1433). Весь М. Costache, оп. чит., vol. I, паж. 7, 8, 166, 366.

¹⁵ M. Costache, оп. чит., vol. II, p. 305—306.

¹⁶ Тот аколо, вол. I, паж. 541—542.

¹⁷ Молдавия в эпоху феодализма, I, паж. 10.

ривате ку ажуторул луй пот серви дрепт довадэ а екзистенцей ын трекут ын режиуниле ноастре а уней популяций славе ориентале. Еле репрезинтэ векъ урме де лимбэ украинянэ, ворбитэ одиноа-рэ ын Молдова.

Молдовений н'ау креат топониме де фелул ачеста, ей ле-ау модификат доар п'челе ымпрумутате де ла славъ. Ачеста резултэ дин май мулте консiderенте: а) ария де рэспындире а топониме-лор ку суфиксул -эуцъ (-eуцъ) презинтэ азъ аспектул, пе каре л-а авут пынэ ла асимиляция славилор де кэтре популяция романизатэ (сек. XIV—XV); б) хрисоавеле молдовенешть атестэ ын декурсул секолелор XV, XVI ши XVIIaproape ачеляшь нуме топиче ку су-фиксул -эуцъ (-eуцъ), чея че ынсямнэ кэ суфиксул дат а девенит непродуктив дупэ асимиляция славилор¹⁸; в) принципалул, кэ принтре топонимеле дискутате ну се ынтылнек де лок нуме фор-мате де ла апелативе молдовенешть.

H. A. КОРЧИНСКИЙ

РОМАНСКИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ УССР

Своеобразие топонимических названий состоит в том, что при их создании происходит тщательный выбор языковых средств, типичных для данной местности. Они очень метко характеризуют объект и «часто оказываются единственной основой для определения семантики топонима»¹. Так, нарицательные имена, связанные с названиями земной поверхности, растительным и животным миром, климатом, условиями жизни населения, всегда влияли на формирование названий гор, возвышенностей, холмов, бугров, низменностей, долин, ущелий, рек, озер, уроцищ и т. д. Кроме того, названия многих географических объектов связаны с именами и прозвищами людей, которые, в свою очередь, давались по наименованиям зверей, птиц, по явлениям природы, по свойствам и качествам людей и окружающего мира².

¹⁸ Ну есте сксклус, ка унеле денумиръ сэ фи пердут ын трекут суфиксул -эуцъ (-уцъ) ын резултатул акомодэрий лор ла лимба молдовеняскэ, ын казул ачеста приминд де мулте орь суфикселе -сть, -ень, (-ань). Нумеле сатулуй Баласинешть, де екземплу, есте иотат ын ачелаши документ (дин 8 юлие 1453) одатэ Балосиновци, яр алтэ датэ Балосинешть, чея че не фаче сэ кредем кэ ын время чея нумеле локалитэций чиркула ку амбеле форме. Субституиря суфиксулуй слав прин чел молдовенеск а авут лок, де асеменя, ын денумириле векъ Зубриковци (1429), Михайловци (1431), Стануловци (1532), девенинд астэзъ Зубриченъ (Зэбриченъ), Михэйлэшень, Стэнлиешть (Везъ M. Costacheescu, оп. чит., vol. I, паж. 258, 317, 330; vol. II, паж. 492).

¹ Э. М. Мурзаев. Значение местных терминов в образовании географических названий. «Питання топоніміки та ономастики». Київ, 1962, стр. 37.

² А. В. Суперанская. Против упрощенчества в топонимике. Географические названия. М., 1962, стр. 151 и др.

В топонимической системе Закарпатской области УССР много иноязычных заимствований. Среди них особое место занимают романские элементы, издавна вошедшие в местные славянские говоры. Это явление обусловлено историческим фактом — длительным совместным и дружественным жительством славянского и романского населения на территории Карпат и прикарпатских областей. До настоящего времени в центральной зоне Тячевского района, на границе с бывшим Раховским районом, среди украинского населения сохранились компактные массы романского населения — носителей марамурешской диалектной речи.

В последние годы появилось немало справедливых высказываний против увлечения изучением одной лексической природы географических названий. Вместе с тем ведущие советские и зарубежные топонимисты признают, что лексико-семантический аспект топонимического исследования не только не исчерпал всех своих возможностей, но еще и далеко не развернул их³. Поэтому целью данной статьи является попытка сделать краткий общий лексико-семантический обзор романских заимствований в топонимике Закарпатской области, которые можно разбить на две основные группы: топографические и социальные.

В составе романских заимствований топографического происхождения различаем несколько подгрупп. По степени распространения на первое место выступают названия, которые давались по ландшафту и отражали форму или внешний вид местности. На почве народной терминологии *кан*, *мунте*, *дял*, *вале*, *гроапэ*, *лак*, *шес* и др. образовались названия географических объектов типа:

Гроапа и *Гропа* — горы в составе горной цепи Красна и долина около села Белая Церковь Тячевского района.

Гропанец — речка, берущая свое начало в горах Братковска Дюже (молд. *гроапэ* — «яма» + суффикс *анец*).

Лак — гора 1136 м (молд. *лак* — «озеро»).

Мэгуря с вариантами *Магура*, *Магурица*, *Магурка*, *Мегура*. *Мегурица*, *Мегурецул*, *Мэгурница*, *Мэгурециул*, а в Ивано-Франковской области — *Подмагурка* — горы на большой территории Карпат (молд. *мэгурэ* — отдельная гора, горка, могила).

Манчу с вариантами *Манчул*, *Манчуль*, *Менчу*, *Менчул*, *Менчуль*, *Мунчел*, *Мунчель*, *Мэнчу*, *Мэнчул*, *Мэнчуль*, *Мэнчиль*, а в Ивано-Франковской области *Мунчельк* — одно из самых распространенных названий гор в Карпатах. Начальным термином следует считать слово *мунте* (лат. *montem*), которое могло пройти несколько этапов развития: *мунте*, *мунтичел*, *мунчел*, *манчу* — «гора, горка».

³ В. А. Никонов. Пути топонимического исследования. «Принципы топонимики», М., 1964, стр. 68.

Руптура — гора 611 м (молд. *руптура*, лат. *ruptura* — «обрыв», «разрыв») местность с ущелиями, разрытая горными потоками; гора с крутыми обрывами или оторванная от других гор.

Стынка, Стынкска — горы. Топонимы созданы от романского апеллятива *стынкэ* — «утес», «скала».

Шешул — гора 1727 м (молд. *шес* — «равнина»).

Богатство и разнообразие растительного мира Карпат, географическое распространение отдельных видов растений не могли не найти свое отражение в топонимике края, в том числе в иноязычных топонимах. Приведем несколько примеров.

Яфини — гора на территории сельсовета Глубокий Поток Тячевского района (молд. *афинэ* — «черника»).

Брадул — приток речки Лунжаска (молд. апеллятив *брад* — «ель», «пихта»).

Брустуранка — приток реки Тересва. Происходит от романского *брустуре* — «лопух»; корень *брустур* + суффикс *-анк-* и окончание *-а*. На берегу речки расположено село *Лопухово*. Ср. также название местности *Брустуры* в Ивано-Франковской области (на берегу речки Ломница) и названия двух населенных пунктов в этой же области — *Бростурка* и *Бростуров*.

Брэдицель — приток Тиссы. См. *Брадул*.

Буштул — гора 1691 м (молд. *буштихан* — «чурбан», «колода», «ствол», «дерево без веток»).

Буштина — село между Тячевым и Хустом. Ср. *Буштул*.

Корна — гора 879 м (молд. *корн* — «кизил»).

Курпень — гора 1407 м (молд. *курпен* — «усик», «ползучий стебель»).

Кэрпениши или *Кэрпиниши* — маленький населенный пункт в Тячевском районе (молд. *карпен* — «граб»). Местные жители старшего поколения помнят, что на этом месте был грабовый лес, а теперь сохранились грабовые кустарники.

Фрасин — гора близ Велятина (молд. *фрасин* — «ясень»).

Фрасино — название местности. См. *Фрасин*.

Чиреш — два склона горы: *Чирешу Маре* и *Чирешу Мик* в Тячевском районе (молд. *чиреш* — «черешня»).

Богатый животный мир Карпат наложил свой отпечаток на топонимические названия романского происхождения края, например:

Боуц или *Бовуц*: *Великий Боуц* (*Бовуц*) и *Малый Боуц* (*Бовуц*) — населенные пункты в Тячевском районе. От существительного *боу* — «вол», лат. *bos, bovis*) при помощи суффикса *-уц*- образовался диминутив *боуц* — «бычок». Некоторые жители этих горных селений (Буга Георгий Георгиевич 1883 года рождения и др.) помнят охоты на диких быков, буйволов, которые водились в большом количестве в местных лесах.

Бребенескуль — гора и речка в Тячевском районе (молд. *бре-беняк* — «дрозд» и *бребенел* — «хохлатка»).

Кук — гора, *Кушница* — речка и село, через которое протекает эта речка, беря свое начало из-под горы Кук (молд. *кук* — «кукушка»). Ср. в Ивано-Франковской области название горы *Кукуль*.

Пеуна — приток реки Уж (молд. *пэун* — «павлин»).

Чова — гора между гор. Хуст и селом Королево (молд. *чови-кэ* — «сыч, чибис»).

Большое количество топонимов романского происхождения создавалось как конкретное обозначение определенных признаков и особенностей отдельных элементов земной поверхности в форме названий физико-географических объектов, например:

Арсична — лесистая возвышенность близ речки Пляйска в Тячевском районе. Топоним следует рассматривать как образование от причастия *арс* — «сгоревший, перегоревший». В Ивано-Франковской области также есть горы *Аришечны* и *Яршица*, а в Черновицкой — название местности *Аришишоара*.

Бешикура — две горки и две лощины на территории села Диброва Тячевского района: *Бешикура Маре* и *Бешикура Микэ*. Горки имеют округленную форму, как две опухоли. Отсюда и название Бешикура, образованное от имени существительного *бешика* — «пузырь».

Латундур — гора в верхнем течении реки Тересва. Среди романского населения района топоним известен как *Ротундул*. Таким образом, начальная форма была именем прилагательным *ротунд* — «круглый» при апелативе *мунте* — «гора»⁴.

Лунжаска — гора (молд. *лунэ* — «длинный, -ая»).

Негровец — приток реки Теребля (молд. *негру* — «черный» + суффикс *-овец*).

Нетед — местность близ Тиссы (молд. *нетед* — «гладкий, ровный»).

Секэтуря — гора (молд. *секэтурэ* от *сек* — «сухой, высохший, пустой, бесплодный» + суффикс *-этур* (*a*)).

Стрымба — гора (молд. *стрымб* — «кривой, неправильный»).

Сэчел — горный ручей на территории села Глубокий Поток Тячевского района. Летом ручей высыхает. См. *секэтуря*.

Томнатик — гора в Тячевском районе. От молд. *тоамнэ* — «осень» при помощи суффикса *-атик* образовалось имя прилагательное томнатик. Употребляется и в значении «место на пастбище, где содержится скот осенью».

Турбат — гора и полонина, где берет начало речка *Турбат* —

⁴ См. М. В. Банк. Із спостережень над мікротопонімікою Закарпаття. «Питання топоніміки та ономастики», Київ, 1962, стр. 167.

приток Тересвы (молд. *турбат* — «дикий, ужасный, страшный, бешеный»). *Турбат* имеет два притока: *Турбатский* и *Турбацил*.

Топонимические названия типа *Стрымба*, *Томнатик*, *Турбат*, *Турбатский* и т. п., образованные от имен прилагательных и причастий, только строго морфологически могут быть причислены к именам прилагательным и причастиям, а по функции они идентичны с функциями имен существительных, так как называют понятия, то есть являются именами в строгом смысле слова. При анализе топонимов этого рода надо исходить из того, что первоначально это были словосочетания, состоящие из имени существительного + имя прилагательное. Однако со временем имя существительное потеряло свое главенствующее значение и было опущено. Что касается имени прилагательного, то оно выражало основную отличительную черту соответствующей местности, а поэтому осталось и начало выполнять функцию топонимического названия само, без других компонентов.

Некоторые из романских заимствований в топонимике Закарпатья связаны с именами и прозвищами первооткрывателей, первых насельников или владельцев определенной территории, другие проливают свет на некоторые стороны экономических, юридических и политических отношений между членами общества, третья напоминают о занятии людей в отдаленные времена, четвертые связаны с традициями, религиозными верованиями, суевериями. Все они составляют так называемую группу социальных топонимов⁵, которые встречаются значительно реже, чем топографические.

Отметим прежде всего топонимы производные от личных имен или так называемые генитивные географические названия. Это имена существительные в родительном падеже в сочетании с номенклатурным термином, например: *Валя Вэкэрецулуй*, *Валя Лупулуй*, *Валя Малулуй*, *Валя Перюлуй*, *Валя Петричелей*, *Гура Вэй* и другие названия долин на территории сельсовета Глубокий Поток Тячевского района. Но таких незначительное количество. Как правило, номенклатурный термин давно опущен, а генитив, который служил когда-то определением при апеллятиве, со временем начал выполнять самостоятельно всю функцию топонима, например:

Барбово — гора недалеко от реки Теребля. Некто Барба (молд. *барба* — «борода»), очевидно, был владельцем леса или выпаса. Местность в начале могла называться *Мошия луй Барбэ* — «Барбово имение, владение», а со временем апеллятив отпал и остался только генитив в переводе на украинский язык.

Боулуй — гора в Глубоком Потоке. Апеллятив *дялул* или *мунтеле* — «гора» отпал и остался только второй компонент, указы-

⁵ См.: I. Iorga п. В кн.: „Toponimia românească”, București, 1963, стр. 154.

Вающий на принадлежность — родительный падеж имени существительного — *Боулуй* (молд. *боу* — «вол»).

Крецулу́й — населенный пункт в составе сельсовета Глубокий Поток. От распространенной в данной местности молдавской фамилии *Крец*. Вероятно, один из представителей этой фамилии первым поселился на участке, который занимает населенный пункт (молд. *крец* — «кучерявый»).

Негрове — село в Иршавском районе (генетив от молд. *негру* — «черный»).

Урсова — гора. Среди населения молдаван очень часто встречается фамилия и прозвище *Урсу*. Первым посетителем или владельцем горы был, вероятно, некто *Урсу*. Можно, однако, допустить и другое толкование: на данной местности водились медведи (молд. *урс* — «медведь»). Второе менее правдоподобно, так как *Дялул Урсулуй* должно было дать в переводе «Медвежья гора» — «Медвежья».

На социальное положение людей, на существование определенных категорий жителей, занимающих то или иное положение в обществе указывают такие топонимы:

Куртяска — горы: *Малая Куртяска* (1651 м) и *Великая Куртяска* (1621 м). Происходит от имени существительного *курте* — «двор, усадьба, дворец» + суффикс *-яск-а*, указывающий на принадлежность. На территории Карпат и других районов СПР есть топонимы *Куртень*, *Куртяна*, *Куртянка*, *Куртенескул*⁶.

Поркулец — приток Тересвы. Подобные прозвища встречаются среди румын — (от *порк* — «свинья»).

Пуркарец — часть села Плаюцы (Плавуцы, Плавуц). Этот топоним встречается довольно часто в Северной Трансильвании (рум. *рогсаг* — «свинар» + суффикс *-еf*)⁷.

Кэрбуништь — гора и хутор в составе сельсовета Глубокий Поток. В свое время местные жители добывали на этой горе много древесного угля. От апелятива *кэрбуне* — «уголь», местность, богатая углем, получила название *Кэрбуништь*, которое стало топонимом.

Царгурь или *Царкурь* — гора, полонина в Тячевском районе. Издавна здесь строили загоны для овец, которые назывались *царк* (ед. ч.), *царкурь* (мн. ч.), что и послужило основой для топонима.

К данной категории, очевидно, можно отнести и название *Рункул* — гора. Апелятив *рунк* переводится на русский язык словосочетанием «место в лесу, очищенное от деревьев под посевы».

Итак, романские топонимы Закарпатья относятся к старым заимствованиям, отражающим, в основном, пастушескую жизнь местного населения.

⁶ I. Iorga п. Указ. работа, стр. 216.

⁷ Там же, стр. 229, 343, 351.

ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

И. К. БЕЛОДЕД

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛДАВСКОГО ЦИКЛА М. КОЦЮБИНСКОГО

Язык художественного произведения, рисующего жизнь другого народа, другой нации, ее специфику и ее быт, несет в себе дополнительную словесно-художественную задачу — именно нахождение специфических средств изображения жизни другого, иноязычного народа, его всесторонней характеристики средствами своего национального языка с привлечением и языка изображаемого народа. Здесь имеют большое значение и точность, правдивость, эквивалентность названия, обозначения предметов, явлений, персонажей, характеров, материальной и духовной жизни народа изображаемой страны, ее природы, общественной жизни, уровня ее развития, ее творчества и быта, ее истории и т. п., и обобщающие, характеризующие страну картины, описания, отражающие идеологическое и эмоциональное отношение автора, и отбор элементов языка этого народа, которые в непосредственном виде вводятся в ткань произведения на другом языке, а также отбор фразеологии, фольклора, этнографических и подобных деталей языка изображаемого народа.

В украинской художественной литературе и в украинском языке традиции изображения молдавского народа созданы произведениями еще великого кобзаря Тараса Шевченко, произведениями И. С. Нечая-Левицкого, М. Коцюбинского, В. Стефаника, О. Кобылянской и других классиков украинской литературы. Продолжаются эти традиции в украинской советской литературе (в произведениях М. Стельмаха и других).

Таким образом, ряд украинских писателей осуществил историческую благородную задачу ознакомления своего народа с жизнью другого народа, представил этот другой народ перед своим народом с огромной любовью и симпатией к нему, к его труду и духовной красоте, к его природе и истории.

Обращаясь к конкретному историческому примеру изображения жизни молдавского народа в украинской литературе и ставя перед собой языковедческую задачу — дать анализ лингвистических средств молдавского цикла классика украинской литературы М. Коцюбинского, необходимо подчеркнуть, что М. Коцюбинский, как и его предшественник в этом деле И. С. Нечуй-Левицкий, прежде всего видели в жизни молдавского народа, в переселении украинцев в Молдавию — Бессарабию не «экзотическую» сторону, а социальную. Оба писателя, как реалисты и исследователи социального быта народа, нашли правдивые слова этой социальной характеристики.

У Нечуя-Левицкого социально-политическая лексика еще не развита. Объясняя причины бегства украинских крестьян в Бессарабию, он говорит в антикрепостнической повести «Микола Джеря» (1876): «На Басарабії не було такої панщини, як на Україні. Люди одробляли панам за поле, але пани не мали права продавати й купувати людей»¹. У Коцюбинского лексико-фразеологические средства социальной характеристики намного шире, точнее, они отражают революционно-демократическое мировоззрение писателя, испытавшего на себе влияние революционного марксизма-ленинизма, новый этап борьбы. В частности, социально-экономическая и политическая лексика и фразеология умело используется М. Коцюбинским в рассказе «Для загального добра» (1895) с целью раскрытия социальной сущности описываемых действий и явлений. На протяжении всего рассказа-повести раскрывается иронический, обманчивый смысл фразеологизма «для загального добра», которым озаглавлено произведение. Его символика раскрывается то в дискуссии между членами филлоксерной комиссии, где она находит определение «псевдоборотьби з філоксерою», то в тяжелых раздумьях автобиографического персонажа Тиховича, сомневающегося в необходимости этой жертвы — уничтожения виноградника «для загального добра», то в прямых, неприкрытых выводах Тиховича о том, что «уряд шкодував гроши на боротьбу» с филлоксерой. Примером словесной символики повествования является и заглавие последней его части: «Кінець чи початок?» Однако читатель, запечатлевший уже такие формулы рассказа, как «Закон — здирство, кривда громаді, рушниці, жебрацтво»², «ненависть до всього, що зветься паном»³ и др., безошибочно ответит, что это начало борьбы против всего строя, что это уже не народнические иллюзии, не «теория малых дел», а непримиримая борьба за власть труда, так поэтически и благородно показанного писателем и в этом рассказе.

¹ I. С. Нечуй-Левицький. Вибрані твори, т. 2, Держлітвидав. УРСР, Київ, 1956, стр. 219.

² Там же, стр. 200.

³ Там же, стр. 235.

В своем молдавском цикле М. Коцюбинский показал и жизнь украинцев в Молдавии — Бессарабии («Дорогою ціною», «Полюдському», «Помстився», «На крилах пісні», «Посол від чорного царя»), и жизнь самих молдаван на своей земле («Для загально-го добра», «Пе-коптьор», «Відьма»). Вторая часть цикла, естественно, глубже раскрывает предмет повествования и более многообразна и богата в лингвостилистическом отношении с точки зрения специфики изображения.

В комплексе лингвистических приемов и средств изображения в произведениях этого цикла большой интерес исследователя привлекает портретное словесно-художественное творчество, рисующее национальную специфику внешнего образа молдаван-крестьян разного возраста и раскрывающая их внутренний мир. Однако и в этом не забывается социальный аспект изображения, выражавший социально-экспрессивные симпатии писателя.

Следует отметить, что в отборе и художественном применении лексики, фразеологий, определенных типов словосочетаний при изображении персонажей крестьян, персонажей из народа М. Коцюбинский является новатором стиля, и это можно подтвердить многочисленными примерами.

Рассмотрим некоторые словесно-художественные портретные характеристики из галерен молдавского цикла. Одним из самых сильных образов не только этого цикла, но и всей украинской классической литературы является образ Замфира Нерона — главного персонажа рассказа «Для загального добра». Его внешность изображена Коцюбинским не в этнографически-бытовом, а в исторически-торжественном, возвышенном тоне: «ставний тридцятирітній молдуван», «ставна постать Замфірова, з гордим, як у римського патріція, обличчям»; «бліскучі чорні очі»; «довгасте, повне обличчя, облямоване пізько стриженою чорною бородою», «очі сяють гордощами, наче сповіщають мирові, що Замфрір тепер справжній хазяїн»⁴. Здесь и исторические реминисценции (напоминание о романо-фракийском происхождении народа), и рембрандтовская портретная живопись (определенный тип лица, обрамленный аккуратной бородой), и романтизм сверкающих, гордых глаз. Здесь же и национальная костюмно-этнографическая живопись: «з міцним станом, тісно обхопленим золотим мережаним іліком, що відкриває широкі рукави білої сорочки»⁵. Однако это портрет человека труда: у Замфира «кремезні, з грубими від напруги жилами, руки»⁶.

⁴ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 193.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Казалось бы, что портрет жены Замфира, Мариоры, выписан совершенно в романтическом плане классического искусства кисти и слова: «...чорні з поволокою, орієнタルні очі блищають вогнем під тонкими, зведеніми докути бровами, говорили про цілі скарби затаєної нервової сили... Мариора перед дзеркалом обсмикнула рівні широкі рукави тонкої бомбакової сорочки, що за кожним рухом відкривали її спижові руки з мідяними та скляними наруччями, поправила здоровий золотий дукач на щіті та глянула на свою коротеньку корсетку зі шнурювіцями...»⁷. В украинской литературе, в ее словесно-портретной живописи такой образ был новинкой. Мы видим обаятельный образ женщины, исполненной достоинства и внутренней духовной силы, в милом сердцу писателя национальном обрамлении. Он выписан картиною и изящно. Но это только его половина — вторая половина иная: «її повільні руки, землистого кольору обличчя, опущені додолу кутики уст свідчили про перевтому, а зігнутій, наче під важким гнітом, стан робив цю двадцятип'ятирічну жінку старою бабою»⁸. Эти слова, раскрывающие образ женщины-труженицы молдаванки, вызывают в нашем представлении и женские образы Шевченко, и образы крестьянок Некрасова, и других классиков братских литератур.

В широком диапазоне словесно-художественных средств изображены внутренний мир, чувства этих персонажей: убежденность в своей трудовой правде, радость, гордость, доброта, душевность, любовь, удовлетворение трудом, надежда; дальше — озабоченность, страх, гнев, отчаяние, печаль, возмущение, волнение, месть, рассудительность, страшное горе, черная безнадежность, состояние невменяемости, то есть все то, что вызвано, как говорит писатель, «трагизмом ситуации» — уничтожением виноградника...

Композиционно-стилистические формы реализации этой лексики чувств — в ее огромной амплитуде, начиная от слов, обозначающих спокойное их проявление, и кончая напряженной, аффектированной лексикой высокого динамического регистра, синкопического хода и звучания — различны. В ряде случаев, более спокойного изображения — это слова автора со своеобразной, тоскливо-сочувствующей метафоричностью и тональностью («хмарка турботи повила заміське чоло»⁹. В авторской партии передаются также обобщающие картины душевного состояния персонажа (Замфира, Мариоры) и мрачные картины уничтоженного виноградника («Незабаром частина виноградника виглядала як кладовище, вирите могилками, що робило дуже прикре вражен-

⁷ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 192.

⁸ Там же.

⁹ Там же, 197.

ня»¹⁰. Моменты раздумий персонажа передаются в форме «внутреннего монолога» с элементами несобственно-прямой речи.) «Ох, праця! Скільки-то праці та клопоту взяв оцей кlapтик землі! Ще батьки, а може діди, лишили тут свою силу — бач, які здорові та розкішні кущі виплекали. А він сам — хіба він мало поклав тут здоров'я?.. От коли-б допоміг бог зібрати виноград та продати вино. Треба б взяти у пана яку фальчу землі, бо без поля теж погано у господарстві. Що то Маріора скаже на цю думку? Але де вона?»¹¹

Высокое напряжение передается в бурном, аффектированном диалоге («Голову мені рубайте, не виноград! голову!..»¹² и т. д.)

С большой словесной колоритностью и экспрессией нарисованы и такие персонажи, как Гашица и Ион («Пе-коптьор»), образы стариков в этом же рассказе, Параскицы («Відьма»), коллективный портрет-характеристика молодежи («Посол від чорного царя», «Пе-коптьор»), а также отрицательные персонажи — представители властей.

У девушки Гашицы «палкі чорні з поволокою очі, рівні брови, пишний стан»¹³; «Тонка бомбакова сорочка щільно обіймала її молоде тіло, рельєфно обмальовувала круглі плечі, міцні руки, високі трямкі перса»¹⁴; ее взгляд — «З-під тонких дівочих брів обпікає жаром молодості й півдня»¹⁵; «палкий погляд чорних очей»¹⁶ и т. д. Этому яркому экспрессивному образу молодости соответствует и решительный характер девушки, выраженный в ее энергичных, волевых репликах в разговоре со своими обидчиками — Ионом и его матерью («—Ба не піду, ах скажеш, коли свататимеш»; «—Уу! — посварилася навздогін йому кулаком Гашица»¹⁷; «—А твій син чого ходив до мене. — Огризнулась Гашица... — Не піду, хоч забийте...», 259). В ее портрете, как и в портрете Мариоры, те же «сильні, жилаві руки»¹⁸, о которых писатель вспоминает так часто.

Образ Иона создается как авторской простой характеристики внешности («широкий, безвусий вид, подзобаний зрідка віс-пою»)¹⁹, так и фразеологической характеристикой его ухаживания за Гашицей (Ион «смалив до неї халявки»²⁰), а также словами «внутреннего монолога» влюбленной в него Гашицы (здесь

¹⁰ М. Коцюбинский. Указ. соч., стр. 227.

¹¹ Там же, стр. 196.

¹² Там же, стр. 223.

¹³ Там же, стр. 243.

¹⁴ Там же, стр. 247.

¹⁵ Там же, стр. 239.

¹⁶ Там же, стр. 241.

¹⁷ Там же, стр. 257.

¹⁸ Там же, стр. 260.

¹⁹ Там же, стр. 241.

²⁰ Там же, стр. 244.

приподнятая «неслышная» интонация, создаваемая рядом воскликательных предложений, характеризующих «доброту» Иона).

Много внимания уделил писатель словесно-художественным средствам создания сложного психологического образа девушки Параскы в рассказе «Ведьма». Образ этот создается в двух планах: с одной стороны, это изображение внешности девушки, изображение, достигнутое скрытыми, сдержанными словами, как будто автор деликатно «не распространяется» на эту тему: «Па-раскіца була негарна і через те, на її думку, нещасна. Її низький зрист, її стан і жлухтон, короткий і грубий, вічно порепані од чорної роботи руки, а особливо обличчя — доводили її до розпуки»²¹.

Этому жалкому виду противопоставляется мечтательная душа, глубокое смятение чувств девушки, «странные» поведение которой приводит к тому, что темные, суеверные соседи начинают принимать ее за ведьму. Коцюбинский привлекает целые серии психологической лексики с целью глубокого раскрытия страданий Параскы: знесилена муками безпомічної розпуки, солодкі, цілющі мрії, барвисті мрії, щастя, що щезає, мов дим, недоля, опущеність, самотність, доля щербата, розбиті дивочі мрії, самотнє серце і т. д. Сложное психологическое состояние в его развитии вплоть до истерии, глубокой аффективированности передается писателем то в виде «внутренних» монологов Параскы с безжалостными сравнениями и метафорами («Руда, гидка ящірка закохалася в сонце. Так ящірка щасливіша за неї...»)²², то сквозь призму восприятия девушкой красоты природы, виноградников, садов, картины которых вносят успокоение в мятущуюся и затравленную душу. Эти психологические описания, их тонкий и глубокий словесно-художественный рисунок — одно из наиболее выразительных достижений рассказов М. Коцюбинского на эту тему.

Колоритными красками нарисованы мош Костаки, Прохира и другие. Это достигается точными, специфическими сравнениями и выразительными эпитетами («огрядний молдуван, і з червоним, мов перциця, обличчям»²³ — «Пе-коптьор»), а также речевой характеристикой (речь Прохир — типичная просторечная «богтовня» с характерными прилагательными — «Пе-коптьор», «Відьма»).

Наряду с этими «характерными» образами²⁴ в этих рассказах Коцюбинского яркое место принадлежит общему, коллективному словесно-художественному портрету молдавской молодежи: то

²¹ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 276.

²² Там же, стр. 277.

²³ Там же, стр. 245.

²⁴ В рассказах Коцюбинского этого цикла («Помстився», «По-людському» и др.) нарисован ряд «характерных» образов «горьковских» бродяг, неустроившихся людей, людей с разбитой жизнью, ищущих в Бессарабии какого-то места «под солнцем». Их характеристика не входит в нашу задачу.

это картина танца — «джока», расцвеченного богатыми красками молдавских костюмов и создающего в соединении с динамическим, экспрессивным ритмом какую-то красочную феерию («Для загального добра»), то это характеристика «со стороны», из уст какого-либо персонажа, но в своих сравнениях и эпитетах явно отражающая симпатии писателя к этой молодежи («...найд гарний, типічний: парубки, як молоді дубчаки — пишні й горді — ідуть повз пана й шапки не здіймають; дівчата стрункі, як дівкі козі»...²⁵

С явно отрицательной социальной эмоциональностью, в сатирическо-ироническом плане нарисованы портреты представителей власти — примаря и писаря. Примарь — «грубий череватий молдуван із апатичним обличчям»; в ответ на обращение к нему примарь «апатично кліпнув очима»²⁶, то есть каждое характеризующее слово здесь насыщено отрицательной эмоциональностью. Портрет писаря — это осуждающая характеристика царской сельской администрации. Облик писаря дан фактически одним сравнением — уподоблением его коту: «Він скинув на Замфіра котячими очима, настовбручив рівні, як у кота, вуси...»²⁷, «писар, настовбурчива вуси та вирячива котячі очі, зігнувся так, що робив враження людини, у котрої від страшного болю втягло назад живіт»²⁸, «з почуттям власної вищності, з виразом невимовного презирства до того темного хлопства, що так не личив його катячому видові...»²⁹. Но здесь еще прибавлена одна тонко-сатирическая черта, совершенно в духе стилистической манеры Коцюбинского — это обыгрывание слова «галанці», то есть узкие брюки, которые носил писарь: «йому перешкодили милуватися своїми новими, ясної барви галанцями»³⁰, он говорил «вдячно відкидаючи ногою в ясних галанцях»³¹, «кинувши останній погляд на свої нові галанці»³², «святні ясні галанці»; «не брилювали вже нові ясні галанці»³³. Это повторение слова «галанці», которыми беспрерывно любуется писарь, остро сатирически подчеркивает пустоту, хвастовство и претенциозность этого жалкого, но злого человека. Его речь — изворотливая, туманная, лживая. Такое же отношение Коцюбинского ко всем представителям власти, администрации, которые встречаются в его рассказах, и словесно-художественные средства их изображения обусловлены социально-эстетическим мировоззрением писателя.

²⁵ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 264.

²⁶ Там же, стр. 204.

²⁷ Там же, стр. 199.

²⁸ Там же, стр. 204.

²⁹ Там же, стр. 200.

³⁰ Там же, стр. 199.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 200.

³³ Там же, стр. 204.

В истории развития художественного языка украинской литературы М. Коцюбинский, кроме других качеств, известен как большой мастер пейзажной живописи. Его словесно-художественные изображения морской стихии, леса, симфонии цветов, его описания рассвета, степей и т. п. стали эталоном и образцом в воспитании чувства красоты языка, его эстетики.

Вслед за И. С. Нечуй-Левицким, познакомившим украинского читателя с картинами молдавского леса, молдавских лиманов, М. Коцюбинский ввел в украинскую литературу широкие полотна молдавской природы, показал прекрасное лицо молдавской земли, его примечательности, показал радости и боли тружеников земли, возделывающих злаки и виноград.

Словесно-художественная палитра молдавских пейзажей Коцюбинского характеризуется, во-первых, точностью и тщательностью обозначений, раскрывающих специфику поверхности молдавской земли, ее растительности.

С топографической стороны, говорит писатель, в средней Бескарабии «пасма гір, чергуючись із долинами, затають далечінн. Здавалося, що земля тут у хвилину гніву наморщила свою кору, як дикий звір шкуру, та й так і захолола. Щоб доіхати до якого близького на око пункту, треба було без кінця спускатися в долину, здійматися на гору, немов плисти з хвилі на хвилю по розбурханому морю»³⁴ — «Посол від чорного царя»).

Прекрасно также описание труда молдаван-виноградарей в пору сбора винограда. Это поэзия и праздник труда, одна из лучших картин, созданных художественным словом в мировой литературе.

Пейзажи Коцюбинского активны, действенны, они живут вместе с человеком — персонажем произведений писателя. Они соответствуют его настроению, его душевному состоянию. Они красочные, умиротворяющие спокойны, радостны «окреплені росою», когда спокоен Замфир Нерон, его семья, Параскица и др.

Большое значение для ознакомления читателя с другой страной, ее народом и его жизнью имеет показ этнографических черт, этнографических деталей, характеризующих эту страну, например: вид селений, характер орудий труда, построек, в частности жилищ, одежды, пищи и т. п. Большую роль играет также знакомство с обычаями, бытом, фольклором страны. В этом показе также имеет большое значение искусство слова писателя: характерные имена людей, топонимические названия, отбор и название предметов, деталей, словесная живописность изображения, способная представить национальную специфику изображаемого и заинтересовать читателя новизной познаваемого. В результате

³⁴ См. М. Коцюбинский, указ. соч., там же, стр. 261.

этих творческих приемов писателя читатель, даже не бывавший в Молдавии, ярко представляет ее лицо, ее специфику.

Кроме характерных молдавских имен и фамилий (Замфір Нерон, Маріора, Параскіца, Гашіца, Прохіра, Ион, Ионаш, Тодораки, Маріца, Домніца, Петраки, Костаки, Штефанаки и др.), встречаются в рассказах и названия селений типа Лоешты³⁵, распространенного в Молдавии. Вот типичная этнографическая картина молдавского села: «Незабаром показалось село, мальовничо розкидане над річкою по горі. Білі, чепурненькі хати під очеретяними стріхами, з широким піддашшям на мальованих стовпах, дерев'яні кошници на кукурудзі, очеретяні хлівки, крислаті акації та морви за штучно плетеними очеретяними тинами, журавлі над колодязями...»³⁶; «виноградник, загороджений очеретяним тином³⁷; «звичайно збудована молдуванська каса під очеретяною стріхою, з широким піддашшям... поцяцькованими синькою стінами»³⁸.

В этой картине ярко подчеркнута этнографическая специфика частым упоминанием очерета (камыша) как строительного материала, специфические «широкі піддашшя на мальованих стовпах» (удлиненные края крыши, ее крылья, на разрисованных столбах-подпорах), «кошници» для сохранения кукурузы, цветные стены хат.

Есть, конечно, в Молдавии крыши, заборы и постройки и из другого материала, но это вне рамок этого типичного для данной местности повествования.

Внутренность молдавского жилища характерна следующими чертами: «В просторій молдуванській хаті, вистеленій різнобарвними килимами, обвішаній чудово тканими рушниками...»³⁹.

Характерной чертой всех этих описаний М. Коцюбинского является их художественный лаконизм. Здесь уже нет широких описаний быта типа картин Нечуя-Левицкого или раннего Коцюбинского. Словесно-художественная ткань подобных характеристик не растягивается на страницы, главы — содержание конденсируется в немногих, насыщенных словах, подчеркивающих главное, оставляющих место для ассоциаций. Это новая черта в стилистической манере Коцюбинского, особенно выразительно наблюдалася в языке молдавских рассказов писателя.

Названия и краткие характеристики дают читателю также представление об одежде молдаван (кроме указанных выше): «ясні барви строїв» (яркие цвета одежды) молодежи; расшитые

³⁵ Лоешты — от действительного названия Джурджулешты — одного из селений, где Коцюбинский в 1892—1897 гг. был в составе филлоксерной комиссии.

³⁶ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 203.

³⁷ Там же, стр. 194.

³⁸ Там же, стр. 245.

³⁹ Там же, стр. 236.

белые юбки и куртки девушек: «темно-зеленого сукна широкі шаровари с червоними викотами при чоботях»⁴⁰ — у парней; у старших одѣжда белая: «довга, за коліна, сорочка, підперезана червоним поясом, білі штани»⁴¹.

Упоминания о некоторых предметах быта дают представления как об их специфике, так и об их названиях: мас — низкий круглый столик на трех ножках, за которым совершаются трапеза; каруца — воз, коптер — печь (пе-коптер — на печь); куфа — деревянное ведро, фонтина — колодец; везде известная молдавская мамалыга, менее известные — малай (кукурузный хлеб), плачинты (пироги с тыквой) и др.; доба, ковала — народные музыкальные инструменты; «джок», молдуваняска, булгаряска — мелодии и танцы. Описания танцев характерны динамизмом движений, экспрессивностью и плавностью ритмики, спецификой народного хореографического рисунка.

Для создания правдивых и достоверных картин жизни и быта народа Молдавии Коцюбинский с большим художественным талантом и чувством лингвистической пропорции ввел в украинский язык повествования некоторые элементы молдавского языка. Он сам знал этот язык и в высказывании автобиографического персонажа, Тиховича, подчеркнул большую роль знания национального языка народа, в данном случае молдавского, для общения с ним. В молдавских рассказах Коцюбинского слова национального языка встречаются как в речи персонажей, так и в авторской партии. Следует подчеркнуть, что подбор этих языковых элементов сделан умело, так, чтобы дать представление и о лексике, и о фразеологии (пословицах, идиомах), и о песенных текстах, и даже о молитвах, о названиях, связанных с суевериями. В словесно-художественную ткань произведения введены короткие диалоги на молдавском языке.

Среди лексики наблюдаются и такие поэтически звучащие названия, как орликов (красавец), флакев (парень), фата (девушка), пома (виноград), бун джин (хорошее вино) и др., и бытовые названия: мош (дед), каса (дом), фалча (кусок земли), клак (платья — наряды), и слова религии, суеверий: домну дзев (господь бог), дразку (дьявол), драку (черт), стригойка (ведьма), молитв («Тати аностру...»).

В отборе фразеологии видна социальная направленность изображения, например: «Ла богат мерже ши драку ку колак, да ла сэрак ниш боий ну траг»⁴² (К богатому и черт с калачом идет, а у бедного и волы не тянут), в котором выражено отрицатель-

⁴⁰ См. Коцюбинский, указ. соч, стр. 242.

⁴¹ Там же, стр. 245.

⁴² Там же, стр. 246.

ное отношение к богачам⁴³; вводятся также бытовые выражения: «Нунте ші Буковіна» (потерявшее значение компонентов идиоматическое молдавское словосочетание, выражющее чувство досады); пе-коптьор («на печь!»), связанное с обычаем, изображенным в рассказе под этим названием. Поэтическая фразеология старинной молдавской песни «Фрунзе верде семинок, тоате тыргуриле ку норок» (Лист зеленый Бессмертника)⁴⁴ звучит в устах Иона, знакомя нас с молдавским фольклором и др.

Расширяют характеристику языка и короткие диалоги: «Чіне омуріт? — машинально поспітав Тихович візника. — Фемея алуй Замфір Нерон, — відповів той суворо»⁴⁵ («—Хто помер?» — «Дружина Замфіра Нерона»); «Діпарте Лоэшти? — Яка!» («Далеко Лоешты? — Вот!»)⁴⁶; «—Біне? — Таре біне!»; («Хорошо?» — «Очень хорошо!»⁴⁷); «— Штій? — Штів, домнуле» («Понимаешь? — Понимаю, господин»)⁴⁸ — и т. д. Однако подбор этих диалогических миниатюр не случаен: в первом случае он является композиционным завершением одной из основных линий рассказа — несчастья в семье Замфира Нерона, в остальных — самые распространенные формулы общения. Введены также восклицательные бытовые выражения типа «Валэв!» («Ой!»), «Шедз бінешор!» («Ну, потише!»), «Ме-ей!» (вызов кого-либо) и другие.

Таким образом, не перегружая языка повествования иноязычными элементами, писатель умелым вводом этих элементов существенно дополнил характеристику изображаемого края и его народа, эти иноязычные элементы представлены не случайно, а в определенной системе и целеустремленности, способствующей их восприятию. Полная характеристика всех компонентов этого показа в рассказах М. Коцюбинского не входит в нашу задачу, ограниченную рамками основных линий лингвистического анализа.

Следует отметить, что молдавские исследователи правильно оценили в своих работах значение молдавских рассказов М. Коцюбинского как в правдивом изображении жизни молдавского народа, так и творческом влиянии писателя на молдавскую литературу, в братских связях между украинской и молдавской литературами и их художественным языком, отражающим и связи в устном языке, в определенных говорах украинского и молдавского языков.

⁴³ Эта социальная направленность видна и в характере употребления молдавского словосочетания «кап-ді-бой» (глупые головы) в речи отрицательного персонажа рассказа.

⁴⁴ См. М. Коцюбинский, соч., стр. 248.

⁴⁵ Там же, стр. 238.

⁴⁶ Там же, стр. 203.

⁴⁷ Там же, стр. 252.

⁴⁸ Там же, стр. 217.

«С огромной реалистической силой и горячей симпатией к народу отобразил тяжелую жизнь трудящихся Молдавии великий украинский писатель-демократ М. М. Коцюбинский. С любовью рисует писатель образы людей труда», — отмечает И. Вартичан в статье «Молдавия в творчестве классика украинской литературы М. Коцюбинского»⁴⁹.

Это свое братское отношение к трудовому народу Молдавии, глубокое уважение к нему, к его культуре, быту, языку писатель отобразил во всей тематике, композиции, стиле, языке своего молдавского цикла, а также и в прямых высказываниях персонажей — членов филлоксерной комиссии, прежде всего, конечно, Тиховича, который в результате огромной внутренней борьбы увидел правду жизни не в либерально-народнических иллюзиях, а на путях борьбы народа за коренные социальные изменения.

Молдавский цикл Коцюбинского является яркой и мудрой странницей в истории украинской классической литературы и украинского литературного языка.

Н. М. ПЕЧЕК

КЫТЕВА ОБСЕРВАЦИЙ ПРИВИНД ИНФЛУЕНЦА ЛЕКСИКАЛЭ ЕСТ-СЛАВЭ ДИН ПРИМА ЖУМЭТАТЕ а. в. XIX

(Лимба литературний артистиче)

Инфлюенца ест-славэ асупра лимбий молдовенешть с'а манифестатын тоате доменииле: фонетикэ, морфология, синтаксэ, дар май алес ын лексик¹.

Прима жумэтате а. в. XIX маркяэ о ноуэ этапэ ын еволюция релацийлор динтре челе доуэ лимбъ, контакtele динтре попоареле пуртэтоаре девенинд немижложите.

Чей май де самэ оамень де културэ (Г. Асаки, К. Стамати, Ал. Хыждэу, К. Негруци, Ал. Донич, М. Когэлничану, В. Александри ш. а.) се гэсяу суб инфлюенца културий русе².

⁴⁹ И. Вартичан, И. Грекул, К. Попович. Страницы дружбы, Кишинев, 1958, стр. 223.

¹ Вэль: Р. Г. Пнотровский. Деспре ынрнурия русэ асупра лимбий молдовенешть. «Октомбrie», Кишинэу, 1952, № 2; G. I vă nescu. Indrumări în cercetarea morfologiei limbii literare românești din secolul al XIX-lea. „Limba română”, N 1, 1955 V. Guțu. Indicații de metodă în vederea studierii sintaxei limbii române literare din secolul al XIX-lea. „Limba română”, № 6, 1955.

² Вэль: История литературний молдовенешть, Кишинэу, 1958; Dan Simionescu. Limba și stilul operei lui Mihail Gogălniceanu. „Limba română”, № 5, 1954.

Мулць динтре ей ау студият ын Русия (Г. Асаки, К. Стамати, Ал. Хыждэу, Ал. Донич), алций ау фост инфлюенцаць де идеиле прогресисте але тимпулуй (М. Когэлничану, В. Александри, Ал. Руссо ш. а.). Ачештя сынт оамений, каре ау стат ын фрунтя мишкэрий културале дин Молдова. Ши ну е де миране, кэ ануме аич се наште ун курёнт «историк ши естетик-популар», кум л-а нумит Петре В. Ханеш, курент, че луптэ контра туризмулуй³. Ачеста е ун екоу ал луптей луй Пушкин (ши май апой ал луй Белинский) пентру попоранитатя литературий ши импличит а лимбий литературий артистиче.

Лимба ши культура русэ ын периода ачаста се букурэ де маре популаритате. Се едитязэ литературэ русэ, лукрэй пентру студиул лимбий русе, граматичь, дикционаре, лимба русэ есте ынтродусэ ка объект де студиу ын ынвэцэмъянутул публик⁴, контактул ку лимба ши попорул рус девине немижлочит. Е ши фиреск, ка лимба русэ сэ фие изворул де унде лимба молдовеняскэ ва ымпрумута кувинtele ши терминий нечесарь уней культура авансате. Артур Горовей, едиторул луй Теодор Вырнав, скрие: «Вырнав ынтребуинцязэ унеле кувинте русешть, некуноскуте астээз. Ачесте кувинте, ынсэ, ну авяу традучеря лор пе молдовенеште, финнд оарекум кувинте «техничес», пентру иоциуня кэрора ынтребуинцэм ши астээз неоложизме. Аша, дакэ Вырнав зиче *м'ам уполнит дин службэ*, кувынтул ачеста ера тот аша де пущин ромынск ка ши актуалул *демисионат*, каре ва рэмынне ын лимбэ, пынэ че ун алт неоложизм, доамне фереште, ыл ва ынлокуи; де асеменя ну-й май курат ромынеште *шеф де бироу* ал ностру, декыт *столонаачалник* ал луй Вырнав, сай *мембру де шедицэ* де астээз, декыт *член (шлен)* де ла 1845⁵.

Деокамдатэ авем релатив пущине лукрэй, каре ар пуне проблема инфлюенцей ест-славе дин прима жумэтате а в. XIX. Сынт интересанте обсервацииле луй Диомид Струнгару ын артиколул «Дин граюл Басарабян»⁶ ши але луй Иоргуй Иорлан «Инфлюенце русешть асупра лимбий ромыне»⁷, каре гбордязэ ши периода аналитатэ.

³ Petre V. Haneș. Desvoltarea limbii române literare în prima jumătate a sec. al XIX-lea, ed. II, București, 1927, паж. 143.

⁴ Весь: Замфира Михаил. Начало обучения русскому языку в Румынии, «Бюллетень научной информации», Академия Румынской Народной Республики, Румыно-Советский научный институт, № 2, 1962; Primele scrieri românești pentru studiul limbii ruse, „Studii și cercetări științifice”, Filologie, anul XIII, fasc. I, Ed. Academiei Republicii Populare Române, filiala Iasi, 1962.

⁵ T. Vîrginav. Istoria vieții mele, București, s. a. паж. 5. (Префата есте скриес де Артур Горовей).

⁶ Diomid Strungaru. Din graiul Basarabean. „Arhiva”, a. XLIII, N 3—4, 1936.

⁷ Iorgu Iordan. Influențe rusești asupra limbii române. „Analele Academiei R.P.R”, seria C, t. I, București, 1949.

Д. Струнгару се опрещте асупра инфлюенцей русешть, рефлектате ын граюриле Басарабией, ынчепынд ку в. XIX. Дин кувинте ши експресииле атестате де Д. Струнгару путем чита кытева: *совисте, вагзал, собрание, самоволник, развод, приют, миравоайе; и-о ынкинат поклоанили, дин мирный времъ ш. а.* Ел менционяээ, кэ мулте кувинте русешть функционяээ ын лимбэ ку алт сенс декыт чең инициал. Кувынтул: *книгэ (книжъ) <рус. книга ынсямнэ «режистре де примэрие, де аженць фискалъ»; кувынтул книшкэ (кништь) <рус. книжка — «кает сау карнет де ынсемнат».*

* * *

Лексикул, финнд унул дин челе май пенетрабиле компартименте але лимбий, се афлэ ын легэтурэ директэ ку старя економикэ, технике, културалэ а унуй попор ла о ануитэ периодэ. Тоате скимбэриле, че вор авя лок ын модул де продучере ши ын културэ, се вор рефлекта ын лексик, вор апэрия кувинте ной сау се ва скимба концинтул семантик ал мултор унитэць лексикале.

Кувинте русешть, ынтрате ын лимба скриерилор артистиче ын прима жумэтате а в. XIX ши унеле ку сигуранцэ май ынанните. требуе привите ка неоложизме, деоарече ачесте ноциуньфие кэ ну екзистау ын лимбэ, фие кэ авяу о чиркулацию редусэ.

Ымпрумутуриле лексикале ын афарэ де кувинте купринд ши ымбинэрь де кувинте. Дин пунктул де ведере ал елементелор компоненте, еле пот фи ымпэрците ын трей группе:

- 1) тоате элементеле сынт кувинте русешть;
- 2) о парте дин элементе сынт кувинте русешть, яр алтэ парте — кувинте молдовенешть;
- 3) тоате элементеле компоненте сынт кувинте молдовенешть.

Ымбинаря лексикалэ дин элементе русешть с'а фэкут, ын примиулрынд, ку скопурь стилистиче, сублиниинд: о калитате оарекаре (*ученая голова*), о акциуне де ордин журидик (*ходул делей*) сау кяр о денумире (*«Козак стихотворец»*). Ятэ кытева екземпль дин опера луй К. Негруци: *«Ел те нумя ученая голова», «Особитэ сокотинцэ дупэ ходул делей»; «Доамна Б. се гэтяла оглиндэ фредонынд ария дин водевилул русеск «Козак стихотворец».*

Ымбинэриле динтре элементеле русе ши челе молдовенешть сынт челе май нумероасе. Астфел, ла Негруци гэсими конструкция *сэ мэ тэвэлеск прин пресудствий*, каре е калкияйтэ дупэ експрессия русяскэ *валяться где-нибудь* ку сенс де «а се гэси ынтр'ун лок оарекаре мултэ време, де а фи визитатор перманент». Конструкция русяскэ *дать под расписку* ла Вырнав я форма *сэ мэ дя субраспискэ*. Де мулте орь ачесте конструкций яу форма уней тау-

толожий *a* арэта *де показ* (Вырнав), коресп. рус. *выставлять на показ*.

Сынт казурь де традучере меканикэ а ымбинэрилор лексикале, май алес ла Вырнав: *а рэдика бунт* <поднять бунт; фэрэ *нич о возражение* <без каких-либо возражений; *а се да ход уней деле* <дать ход делу ш. а. Де екземплу: «*Аяя оареши-каре плекаре а рэдика бунт* ын ынсушь орашул столиций» (Вырнав); «*Ымъ фэчя упрекуръ*» (Вырнав), е ун калк дин экспрессия русяскэ *делать упрек, упрекать*.

Експрессия русяскэ *дать ход делу* дин домениул журидик ну авя, пробабил, ын лимба молдовеняскэ ун кореспондент специал, деачея еа апаре суб форма русэ: *«а се да ход уней деле де кременал»* (Вырнав).

«Ындатэ фэрэнич о восражение ам скос ачей зече оландэжъ» (Вырнав) редэ конструкция русяскэ *без возражений*.

Категория а трея де ымбинэрь есте чя май репрезентативэ ынчая че привеште инфлюенца русэ. Е ворба де конструкций де типул: *фэкэтор де бине* (коресп. рус. *добродетель*); *а адуче ын ынделлинире* (коресп. рус. *привести в исполнение*), конструкции куноскутэ ши астээз суб форма *а адуче ла ынделлинире*.

Десигур, кэ еле ау пэтрунс ын лимбэ ынаиня сек. XIX, де оарече ле гэсим ын уз ынтр'о формэ синтактик ынкегатэ. Ле менционэм аич дин мотивул, кэ еле ау кэпэтат о екстиндере фоарте маре, рефлектатэ ын лимба скрисэ де атунч. «*Ам май гэсит фэкэтор де бине пе памештинул дин цинутул Хотин Христофор Червинводали*» (Вырнав); «*Ну ам путут гэси кип а адуче ын ынделлинире* планул, че урзисем» (Вырнав). Аич презенца препозицией ын се датореште луй в дин экспрессия русяскэ *привести в исполнение*, каре май тырзиу а фост ынлокуитэ прин ла ка о адаптаре де режим синтактик.

Челе май мулте ымпрумутурь с'ау фэкут ын лексикул про-приу-зис. Еле привеск челе май диферите домений але веций ши културий.

Унеле дин кувинtele ачестя привите дин пунктул де ведере ал орижиний лор сынт де провениенцэ жерманэ, италиянэ, франчэзэ (*каприц, орхестру, финанс* ш. а.), дар каре ау ынтрат ын лимбэ прин филиера русэ. Алтеле ау фост ымпрумутате дин лимба русэ ку мулт ынаиня периоадей анализате, деоарече ле гэсим, де екземплу, ла Иоан Некулче (*запис, дела, столицэ, губернатор* ш. а.), дар каре ау кэпэтат о ынтребуинцаре ларгэ, ам зиче, де уз котидиян анууме ын периоада датэ.

Ун принципиу уник де класификаре а ымпрумутурилор лексикале ын женерал ынкэ ну авем ши фиекаре ле класификэ дупз критерий проприй, реешинд, бинеынцелес, дин материалул, пе каре-л аре ла ындемынэ.

Вом кэута сэ фачем о класификаре а материалулуй кулес, группуду-л астфел ка сэ илустрезе кыт май бине доменииле лек-сикале, каре ау фост супусе инфлюенцей русешть.

Астфел, група чя май нумероасэ де кувинте русешть есте гру-па кувинтелей, че цин де администрации⁸. Феноменул е фиреск, деоарече культура русэ ера супериоарэ челей молдове-нешть ши авя о традициие май маре, каре а креат терминъ спе-циаль пентру фиекаре ноциуне де ордин административ. Деачея лимба ле-а ымпрумутат директ, ка неоложизме техниче. Е ворба ну нумай де терминъ пур административъ, чи ши де кувинтелей каре сынт легате де администрации: *коллежский регистратор, столоначалник, надзиратель, начальник, рэспискэ, отделения финансатор, контракт, чилен, начелсвий, а се уволни* (се аре ын веде-ре «а демисиона» дин службэ), *перевочик* (Вырнав), *писар, пре-судствие* (ку сенс де трибунал), *губернатор* (Негруци), *чинов-ник* (Стамати, Негруци), *губернский секретар* (Негруци, Вырнав), *командировкэ, докладурь, отношений* (Александри), *частие* (ку сенс де полиции, ла Донич).

Ятэ кытева екземпле: «*Фурэ дин тоате ка сэ баже ын беле пре онораций чиновничь*» (Стамати); «*Ын адевэрлатул ынце-лес, камара есте кантора сээрэшилор*» (Негруци);

«*Яр ел ла частие*

«*Ындат-ау рекламат*» (Донич);

«*Сэ мэ уволнеск дупэ ачяя дин службэ*» (Вырнав).

О алтэ группэ де кувинте цин де диферите сфере але веций.

1. Жури спруденцэ: *определаниile, преступничь, дело, словесно, представлиси, донесение, президент, ход уней деле, про-тивник* (Вырнав), *зэложиту* (Стамати), *допрос* (Вырнав, Александри), *ходул делей, надпис, процес* (Негруци): «*президент ла жудекэтория дин Хотин... ера памечикул Иордаки Димитриу* (Вырнав); «*Выртежул сочиетэций, процесурь, интрижиле по-литиче мэ купринсерэр ынтр'атыт, ынкыт не афлынд минутэ де рэгаз, ам фужит ла царэ*» (Негруци); «*Исправникул че мэ луасе одатэ ку допросул ера, кум се зиче, ун ом а требий*» (Александри).

2. Вяца милитарэ. О парте дин кувинтелей че експримэ но-циунь дин вяца милитарэ ау ынтрат ын лимбэ ынаинтя периоадей анализате ши пот фи атрибуите евулуй медиу, дар сынт мен-ционате пентру периоада датэ дин кауза чиркулацией ларжь, пе каре ау авут-о: *а квартируи, поручик, генерал* (Вырнав).

Чейлалць терминъ милитарь ау ынтрат ын лимбэ прин интер-медиул лимбий русе, финнд ла орижине кувинте жермане сау ин-

⁸ Везъ ши Ф. С. Котельник. Ку привире ла елементеле славе рэ-сэритене ын унеле акте публиче дин прима жумэтате а вякулуй XIX, «Восточ-нославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961.

тернационале, ка *армие, артилерие, гвардие⁹, унтер-офицер* ш. а., фие вените директ дин лимба русэ: *панцир, походник, шашкэ* (Стамати), *шинялу* (Вырнав), *поход* (Негруци) ш. а.

«*Унде-с калараший гроазнич*»

Ку фугарий лор походничь?» (Стамати)

«*Сара жука кэрциле пе ла куноскуць, дар май де мулте орь ла генерал* концулатул росиенеск де атунчя Кириков, унде се нумэра унул дин ынкинэторий *генэрэлесий луй чей тинере*» (Вырнав); «*Ау силит май ла урмэ пе майкэ мя а чере ажуторин-цэ де ла мэтуша ей поручица* Елена Леонарда» (Вырнав).

3. Денумиръ жеографичеши мэрцире административ-териториалэ: *Молдавия, Бесарабие, Москва* (Негруци), *Европа* (Асаки), провинция, волошина, сланицэ (ку сенс де рус. *станица*), скалэ, области, станицэ, Кубань, Грузия, аул, *Росия* (Стамати); волости, станицэ, Крым (Вырнав), океан (Донич), Скитий, географие (Асаки): «*М'ам рындует ла ун окол (волости) стрэнгэтор банилор*» (Вырнав), «*Скайче, пешть дин океан*» (Донич); «*Ынтымплэриле Францезилор ши ынтоарчеря лор де ла Москва*»: (Негруци).

«*А луй лакримъ, триста воаче, ч'а супуне н'ау путут*

А Кесарулуй уржие пе'нсуш скитий ымблынзисэ» (Асаки).

4. Мижлоаче де транспорт: *буткэ* (Вырнав, Донич), каляскэ, *дрошкэ* (Негруци), *каретэ* (Стамати), *прогун, подорошки* (Вырнав):

«*Боерь, ятэ че фель де злоупотреблений фаче ла вистерие... примеште баний прогунулуй...* ши ле слобоаде *подорошки*» (Вырнав); «*Поартэ арнэут ын коада дроштий*» (Негруци); «*Дар астээзь буткэ, мыне кай*» (Донич).

5. Финанцеши комерц: *откуп, пошилинэ, процент, квитанции, запрещение, негоциант, копейкэ* (Вырнав); *вексел, карбоавэ* (Александри); «*М'ам рындует ла дүгяна ачелуя, каре се дескисесе атунчя де сүпт секфестрации (запрещения) кредиторилор луй*» (Вырнав).

6. Ымбрэкэм инте: *бурка* (Стамати), *костюм* (Стамати, Донич, Негруци), *бушмакий* (Вырнав), *жилетка* (Александри) ш. а. (О маре парте дин еле сынт де алтэ орижине, дар ынтрате прин филиера русэ): «*Везетиул ын векъ костюм русеск*» (Негруци); «*Ши ку бурка пе спинаре*» (Стамати).

7. Господэрие ши объекте де уз *касник: кухнэ, башкэ, торбэ* (Стамати), *киселе, бутелкэ* (Александри), *кфартире* (Вырнав), *чердак, креват* (Негруци): «*Ун палат векъ ку бечурь болтите, ку ферестре ку гратий, ку чердache марь*» (Негруци).

⁹ Вээз: G. h. Mihăilă. Observații asupra influenței ruse în vocabularul limbii române contemporane. „Limba română”, N 3, 1954.

груци); «Сынт ынтинсе фел де фел де **киселе** күсүте ку фирм» (Александри).

8. Продусе алиментаре: лакомсэ (Вырнав), комфетэ (Асаки), холодной (Негруци): «Дакэ домнцул ва сэ чинезе, — ымь зисе ел. — и-ам гэтиг ун **холодной** минунат» (Негруци).

9. Титлурьши рангурь социале: княз, дворянин, дворесвэ (Вырнав), сфитэ (Асаки): «*Ын свита* ей се афла ши пажул *Мазепа*» (Асаки); «*Ау фужит афарэ* ла ун сат апроане де тырг, ануме *Афумаций*, а *князу лу Ипсиланти*» (Вырнав).

10. Окупаций (мажоритат дин еле ау ешил дин уз): прикачик, писмоводител (Вырнав), буфетчюл (Стамати); «*Ая дой осэбичь прикаачиць* ши ун граматик (*писмоводител*) (Вырнав).

11. Артэ: каприц, орхестру (Негруци), тонуриле, талант, скрипки (Стамати), сценэ, концерт, армония, митология, елегий (Асаки):

«*Кэтр' армония* че 'налиэ

Фиря ла ей урзиторь» (Асаки);

«*Каприцуриле* луй Паганинин пентру еа сынт о жукэрие». (Негруци); «*Ку мына стынгэ лэутарул* калка ку дежителе *тонуриле* кынтекуулүй сэү» (Стамати);

«*Уните дин ачесте зичерь техниче, ал Историей сау а Митологияй...*» (Асаки).

12. Ын вэцэмьинт: уроаче, образование (Вырнав), гласниче, негласниче, гласнико-негласниче, словэ (Негруци): «*Ын время ачяя* ын Басарабия ынчепусе а се пуне ын лукрабе проектул *образованией* ачештий область» (Вырнав); «*Бэеций эя каре се ажуга* ку ынвэцэтуря мя ла *уроачеле*, че ну ле путя деграбэ ынвэца» (Вырнав); «*Вей шти деч, кэ лимба ромыняскэ* аре патрузечь ши уна де *слове*, каре се ымпарте ын трей союрь — *гласниче, негласниче* ши *гласнико-негласниче*» (Негруци).

13. Денумирь де вецуитоаре. Ау фост гэсите: кит, акула (Стамати), бухай (Александри): «*Ну веде, кэ омул: деши дебил* ку трупул, дар бирүеште ши супуне не леу, не елефант, не *кит* ши не *акула*» (Стамати).

14. Спорт: скачка, конкурент: «*Се вор* кынтары **конкурент**» (Негруци).

15. Күвинтеле дин диферите домений але веций, каре ну пот фи группате дин кауза нумэрүүлүй редус де екземпле: *ехо*, *бал*, (Стамати), *запас*, *союз*, *перипалкэ*, *заговор* (Вырнав): «*Ученичий дезнэдэждуичь* де скинжюриле луй, фэкусе *заговор* сэ-л омоаре» (Вырнав); «*Де а фаче асеменя* *союз* ку мине» (Вырнав); «*Кынд даць* *балурь* стрэлучите» (Стамати); «*Ынкыт* *ехо* жеме рэсүнүнд прин баште» (Стамати).

Күвинтеле че ну пот фи рапартизате ын группе, е май нимерит сэ фие презентате дупэ ауторь. Астфел, ла:

1) Вырнав — восхищение, упрек, отказариси, уважение, на-мерение, миролюбие, восражение, сострадание, приключение, зане-тие, а пофтори, а зависцу, а се волочи, благородный, удача, по-каз, пословица, предложение, намерение, злоупотребление, исту-кан, предмэт, таможнэ, расположение (ку сенс де а лэса пе чине-ва ын воя куйва), ахотник (ку сенс де а авя плэчере сэ факэ че-ва), ход (се аре ын ведере мерсул унуй жок де кэрць), карте-ничъ, поручение, а экспедици, питкэ: «Сафта циганка ера че май юбит **предмэт** ал меу ын каса Чурий»; «Дин тоатэ путеря а рэнит, кэ дакэ ын ача пэдуре сынт **а хотничъ**, атой сэ ясэ ына-интия луй ла луптэ»; «Чя май тынэрэ ынсэ, кум се веде, а луат асупра мя май мултэ ымпэртэшире де **сострадание**»;

2) Асаки — характер, а трактариси, талант, принцип; епохэ шарпэ (ку сенс де пунгэ, жянтэ микэ атырнатэ де гыт), гение¹⁰, розэ: «Кариле спре бине ва ынрыури асупра лимбий ши **харак-терул** компатриоцилор»; «А кэруй **талант** филологик ыл прецуск»; «Деодатэ дештептатэ де путерникэ **гение**»;

3) Стамати — а се презнуи, блеск, свистоку, ынхоботату, фон-талурь: «Ачесте зеитэць а стрэмошилор **Дако-Романь** се **през-нуя** ши се кынта пе ла нунць»;

4) Негруци — душинка, а се спэси, а двори, квадрат: «Ох! те юбеск, **душинка**»;

5) Александри — волник, буркут (паре а фи о креации пе со-лул Басарабией, ши ынрэдэчинатэ ын лимба русэ ворбитэ де ба-сарабень). «**Волник** де а фаче тот че-мъ плэчя».

* * *

Мулте дин ачесте кувинте ау диспэртут ултериор дин лимбэ. Унеле дин еле, ынсэ, континуэ сэ вециускэ ын лимбэ ши пынэ акум суб форма адаптатэ фонетизмулуй молдовенеск: **волник**, епо-кэ, провинчие, кончерт, прочент; а дуче ла ынделлинире ш. а.

¹⁰ Асупра карактеризэрий лор морфологиче вэзъ: G. h. Mihăilă, оп. чит.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И ВОПРОСЫ МОЛДАВСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

<i>И. К. Белодед</i> (Киев), <i>Ю. Д. Дешериев</i> (Москва), <i>М. И. Исаев</i> (Москва), <i>Н. Г. Корлэяну</i> (Кишинев)	— Вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР	3
<i>Н. Г. Корлэяну</i> (Кишинев)	— К вопросу об изучении славяно-молдавских языковых взаимоотношений	16
<i>Т. П. Ильяшенко</i> (Кишинев)	— Некоторые вопросы сопоставительного изучения языков (новые процессы в системе синтаксиса)	28
<i>С. Г. Бережан</i> (Кишинев)	— Еволюция рапортуратор де синонимие пе база ымпрумтурилор	37
<i>А. С. Мельничук</i> (Киев)	— Значение восточнороманских языковых данных для истории древнерусского и украинского языков	49
<i>А. Т. Бориц</i> (Кишинев)	— Старославянский язык как компонент славяно-романского двуязычия	56
<i>А. М. Дырул</i> (Кишинев)	— Унеле обсерваций привинд инфлюенца русэ асупра лимбий молдовенешть ла етапа актуалэ	65

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

<i>Б. П. Ардентов</i> и <i>А. Х. Лаур</i> (Кишинев)	— К отражению носового гласного задне-среднего ряда древних славянских диалектов в молдавском и румынском языках	81
<i>А. П. Евдошенко</i> (Кишинев)	— Восточнославянское влияние на фонологическую систему молдавского говора Рыбницкого района	86

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

<i>С. В. Семчинский</i> (Киев)	— Семантические заимствования из славянских языков в молдавском языке	95
<i>Т. В. Урсу</i> (Кишинев)	— Глагольные славянизмы в хронике Д. Кантемира	104

<i>И. И. Богач</i> (Кишинев)	— Терминология жеографикэ молдовеняскэ	108
ын прима жумэтате а секолулуй XIX (пе	база материалелор луй Г. Асаки)	
<i>М. А. Габинский</i> (Кишинев)	— Контрибуций ла студиул комунитэций лек-	117
сикале украиняно-балканиче		
<i>Е. К. Колца, Б. П. Тукан</i> (Кишинев)	— Наблюдения над лексическими заимствова-	148
ниями гагаузского языка из славянских и		
молдавского языков		
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ		
<i>Л. И. Ермакова</i> (Киши-	— К вопросу контактного взаимодействия	
нев)	языков (на материале русско-молдавских	156
диалектных взаимоотношений)		
<i>В. И. Столбунова</i> (Чер-	— К русско-молдавским языковым взаимо-	
новцы)	отношениям (на материале русских гово-	162
ров Черновицкой области)		
<i>Р. Я. Удлер</i> (Кишинев)	— Инфлюенце речипроче молдо-украинене ын	
райоанеле перифериче		170
ТОПОНИМИКА		
<i>А. И. Еремия</i> (Кишинев)	— Топониме славе ку суфиксул -эуцъ, (-еуцъ).	180
<i>Н. А. Корчинский</i> (Чер-	— Романские в топонимические названия	
новцы)	в Закарпатской области УССР	189
ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ		
<i>И. К. Белодед</i> (Киев)	— Лингвостилистическая характеристика мол-	
	давского цикла М. Коцюбинского	195
<i>Н. М. Печек</i> (Кишинев)	— Кытева обсерваций привинд инфлюенца	
	лексикалэ ест-славэ дин прима жумэтате	
	а в. XIX (лимба литературий артистиче)	206

АКАДЕМИЯ НАУК МССР
ВОСТОЧНОСЛАВЯНО-МОЛДАВСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ч. II (сборник статей)

Редакторы Е. Рылец, Р. Кашуткин. Художник В. Корякин. Художественный редактор Л. Кирьяк. Технический редактор В. Павлова, Корректоры Н. Туркуман, Л. Танасевская.

Сдано в набор 21/III 1966 г. Подписано к печати 29/III 1967 г. Типографская бумага № 2. Формат 60×90¹/₁₆. Печатных листов 13,5. Уч.-изд. листов 14,2. Тираж 1000. АБ03951. Цена 86 коп. Заказ № 872.

Издательство «Карта Молдовеняскэ.
Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Полиграфкомбинат, Кишинев, ул. Т. Чорбы, 32.

86 коп.